

Глава 5

ДРЕВНИЕ ГЕРМАНЦЫ И РИМ

Самым сложным вопросом в реконструкции процесса развития архаического права «братьев» оказался вопрос о месте и значении в этой системе социальных отношений и связей женской линии — линии жен-«сестер» и «матерей». Основная причина сложности заключалась в том, что женские имена в использованных для реконструкции разнородных материалах встречались редко, разрозненно и почти без указаний на соотношение «мать — дочь».

Мешала и нередкая фрагментарность «социально-правовых мнемоник» — особых крайне сжатых легенд, вкрапленных в более широкие повествования эпического, хроникального или фольклорного характера, сообщающих в почти ребусной форме «ключ» для понимания причин и побудительных мотивов таких деяний героев, которые, с нашей современной точки зрения, выглядят либо произвольными, либо непонятными. Сами эти «мнемоники» не оставались неизменными, какое-то время их старались привести в соответствие с изменившимся характером социальных отношений, что, в частности, вело к замене групповых тотемических имен именами индивидуальными, т. е. именами собственными эпических героев и даже именами исторических лиц. Это также не облегчало задачу. Уже ранние записи дотолее устных текстов, а главное — этнографические материалы, излагали социальные и родственные отношения в принципе индивидуальных отношений и в принципе кровно-физиологического родства, хотя каждый этнограф должен был знать, что любой термин родства в классификационной системе обозначает группу людей. Еще большую сложность создавало то, что архаические и этнографические термины родства, социальных градаций, титулы и иные слова с социально-значимой нагрузкой переводились на современные европейские языки в соответствии с современными или недавними нормами социальных или родственных отношений. Кроме того, не так просто было собрать воедино разрозненные фрагменты мнемоники — «заправочного кристалла» большого эпического произведения или хроникального свода, затаившиеся в напластованиях литературного творчества иногда многих эпох, в течение которых исходный смысл мнемоники утрачивал социальное содержание и претерпел перестройку понимания.

Была и еще одна трудность, а точнее — несправедливость. Исследователи бесписьменных архаических, средневековых и некоторых современных народов (особенно — историки), опираясь в своей работе на старинные

внешние письменные свидетельства, невольно нарушали (и нарушают по сей день) основную заповедь «суда» — выносить суждение, предварительно выслушав свидетелей от каждой стороны. По сути дела, «выслушивали» только одну сторону — письменные сообщения. И никакой «критический» подход к записям сведений о бесписьменном народе не менял глубинного существа этой несправедливости. Обстоятельства несколько меняются, когда в руках исследователя конкретного общества оказываются письменные документы, принадлежащие этому же обществу. Но часто, если изучаемое общество отдалено от нас во времени, такая удача не спасает от «неправого суда», ибо исследователь в качестве «эталона истинности», как правило, берет структурные и терминологические нормативы либо своего общества (и своей эпохи), либо произвольно выбирает иное общество, чем-то «напоминающее» ему исследуемое.

Примерно в такой ситуации оказался тот документ (хроника средневекового суахилийского города Пате), от которого начались мои поиски истории «архаического права братьев». Издатели и комментаторы суахилийских хроник были абсолютно убеждены, по меньшей мере, в двух положениях: а) культура и государственность на восточном берегу Африки — следствие мусульманской (конкретно — арабской) колонизации; б) законным наследником титула и прав *мфальме* («правителя» суахилийского торгового города) может быть только его физиологический потомок. Эти убеждения опирались в равной мере и на «привычную» европейскую традицию и на «арабскую» форму и формулу имен суахилийских правителей (Мухаммади бин-Селемани...). А поскольку было совершенно ясно, чьим сыном (физиологическим) был каждый *мфальме*, а порядок правления отмечался последовательностью дат пребывания в сане, то все «несоответствия» предполагаемой «нормы» стали трактовать как борьбу за власть между «законными» наследниками и их «кузенами», т. е. как многовековую вражду внутри царствующей династии арабских переселенцев-завоевателей.

Анализируя хроники суахилийских городов, я обратил внимание на более существенный (с моей точки зрения) факт — суахилийские правители обозначали свое родство суахилийскими терминами: *ндугу* в пределах поколения (независимо от породителей) и *баба* — *мвана* между поколениями, при этом четвертый *ндугу*, если его имя упоминалось в хронике, оставался вне права наследования, тогда как трое правили по очереди (в тексте далеко не всегда наследовали все трое *ндугу*, чаще двое или даже один). Мнемоника нормы права оказалась «рассеянной» по тексту хроники, пришлось ее «собирать». Получилось следующее: сначала титул *мфальме* передавался при жизни предшественника по трем *ндугу* одного колена, и дальше к старшему из трех *ндугу* младшего колена (в колена их *ваана*), и т. д. Передача титула происходила в связи с женитьбой очередного «наслед-

ника», которая, возможно, происходила на 16 году его жизни. Женами правителей были их младшие *ндугу* (термин безразличен не только к физиологическому происхождению, но и к полу). Таким образом, правом обладала брачная пара: муж — *ндугу кубва* (старший *ндугу-М*) и его жена — *ндугу ндого* (младшая *ндугу-Ж*), а церемония бракосочетания вводила эту пару в реализацию прав. При грубом переводе термина *ндугу* словами «брат»-«сестра» получалось нередко встречающееся в этнографических записях или в старинных текстах сообщение о «соправлении брата и его жены-сестры» («Близ медлительного Нила... друг, царица и сестра»). Позже титул *мфальме* стал пожизненным, чем и объясняется «неровность» списка правителей — некоторые *ндугу* могли умереть раньше своего предшественника. Смутно «угадывалось», что с этого момента женою *мфальме*, вводящей его в сан, уже не могла быть его первая жена, а скорее его *ндугу ндого-Ж* в возрасте ее права на брак (определить ее реальный возраст пока было невозможно, но, видимо, таким ритуалом *мфальме* как бы «возвращался» в предыдущий возраст права — к «16 годам»). Кроме этого выяснилось, что в случае пленения *мфальме* и невозможности вернуться к исполнению обязанностей, следующий «наследник»-*ндугу* не мог до его смерти занять пост, ибо он не мог пройти брачный ритуал с его «вдовой»; она, хотя и сохраняла право «сакрализации» сана, но была в одном порядковом статусе с «наследником», т. е. брак между *ндугу-Ж* и *ндугу-М* одного статуса был недопустимым, а отсутствующего *мфальме* (а может быть — и рано умершего) «замещал», на остаток времени жены, либо следующий через статус *ндугу*, либо старший *мвана*, с которыми допускался условный повторный брачный ритуал «вдовы». Вот так выглядела собранная из различных мест текста Хроники правовая мнемоника суахилийских правителей, судя по всему — военных вождей. В ней чувствовалась основательная архаика и несомненная связь с системой терминов родства доклассового общества, с системой классификационного типа с групповым значением каждого термина, но здесь ограниченной тремя мужскими индивидами в каждом колене и их женами-«сестрами».

Если записать триаду последовательно правивших *ндугу* в суахилийских терминах родства, считая ЭГО средним *ндугу-М*, то получалась следующая схема (схема одного колена) (см. рис. 8.1).

Если же эту схему записать, считая ЭГО младшим *ндугу-М*, картина, естественно, изменится (см. рис. 8.2).

Ндугу кубва имеют отдельные формы по полу: мужчина — *кака*, женщина — *дада*. Можно записать таким же образом оба колена — старшее и младшее (см. рис. 8.3).

ЭГО-М и его одно-статусная *ндугу-Ж* по отношению к *баба-М* («отцу» — младшему *ндугу* в старшем колене) будут «*ваана*», т. е. «дети», а *Ж-мама*, жена *баба-М*, будет их «матерью» (*Ж-мама*). Из этого следовало, что каж-

Ж- ндугу кубва
ндугу кубва -М = Ж- ндугу
ндугу -М
(ЭГО) = Ж- ндугу ндого
ндугу ндого -М

Рис. 8.1

Ж- мама
мджомба -М = Ж- ндугу кубва
ндугу кубва -М = Ж- ндугу
ндугу -М
(ЭГО)

Рис. 8.2

Ж- мджукуу
мджукуу -М = Ж- мама кубва
баба кубва -М = Ж- сенгази
баба -М =
= Ж- мама
мджомба -М = Ж- дада
кака -М = Ж- ндугу
ндугу -М (ЭГО)

Рис. 8.3

дому *ндугу-М* старшего колена в младшем колене соответствует его *мвана-М* (ед.ч. от *ваана*), т. е. «отцу» — «сын», а также и *Ж-мвана* — «дочь» (одно-статусная «сестра» «сына»). Кроме того, крайние женщины в каждом колене соотносились как «дочь» и «мать» (*Ж-мвана* и *Ж-мама*), а женщина среднего статуса младшего колена будет «дочерью» и «внучкой» крайним женщинам старшего колена. Иначе говоря, в непрерывной цепочке статусов двух (и трех) колена женщины будут соотноситься как «дочь» и «мать» через одну, а мужчины — как «сын» и «отец» через две персоны (т. е. через два статуса). Схема трех колена выглядела так (см. рис. 9).

В качестве ЭГО можно избрать любого индивида из любого статуса и любого колена, и все означенные родственные соотношения будут в том же порядке отсчитываться уже от него. В идеальном варианте это будет схема родственных связей первенцев, физиологически кровных потомков своих родителей. Но так могло быть только в то время, когда титул и сан *мфальме* передавался от младшего *ндугу* к старшему *ндугу* при жизни предшественника, т. е. каждый находился на посту *мфальме* определенный срок. Вычислить этот срок было непросто. По началу текста хроники мож-

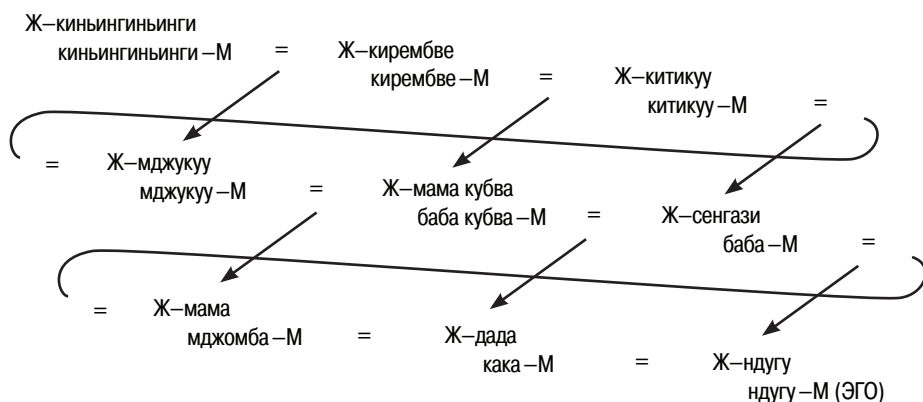

Рис. 9

но было понять, что в 15 лет нельзя стать *мфальме*, а в 20 — можно. Но в отмеченном случае титул наследовался после смерти предшественника. Цифры были довольно стандартные и скорее говорили о возрасте женщины Ж-ндугу, брак с которой вводил нового *мфальме* в сан. Ей должно быть столько же лет, сколько тому *ндугу-М* (ее одностатусному, т. е. одновозрастному «брату»-*ндугу*), который еще не мог стать *мфальме*. Иными словами, невесте, вводящей в сан *мфальме*, должен идти шестнадцатый год. Сан *мфальме* от старшего колена в младшее передавался старшему из трех *ндугу*, следовательно, его невеста должна быть из среднего статуса. В колене оставался еще третий, младший статус. Следовательно, возраст невесты (15 или 16 лет) для определения времени одного статуса (т. е. времени пребывания в каждом статусе) следовало поделить пополам, что давало 7,5 или 8 лет. В таком случае (в идеальном варианте) *мфальме* вступал на свой пост, когда ему исполнялось либо 22,5 года, либо 24. Это же время было и временем прохождения каждым индивидом трех статусов колена. Это означало, что каждый новый *мфальме* получал этот титул одновременно с переходом из старшего статуса младшего колена в младший статус старшего колена, а в среднем статусе старшего колена оставлял этот пост.

Но так могло быть, повторяю, только в идеальном варианте функционирования трехступенчатой системы. Однако, слово «идеальный» в данном случае не следует понимать как «мыслимый» или «воображаемый». Идеальный вариант — это когда каждый *ндугу* и его жена (в каждом статусе и в каждом колене схемы) в течение первых лет после брака породят одного сына и одну дочь. Естественно, что в узком (династийном) трехступенчатом кровнородственном коллективе индивидов, идеальные варианты были скорее случайностью, нежели нормой, что, видимо, и привело к учету общего порядка (последовательности) рождения потомков (трех пар)

вне зависимости от физиологических породителей. Все остальные потомки были «лишними» и вне права наследования титула. Что же касается «недостач», т. е. таких случаев, когда для какого-либо младшего статуса не оказывалось соответствующего потомка («сына» или «дочери»), то, видимо, приходилось искать способы заполнить «пустоту» для непрерывности функционирования системы. По мере обнаружения фактов или следов существования аналогичной трехступенчатой системы у других народов и в иные времена (по шкале абсолютного времени) находились различные способы устранения означенного несовершенства системы, которые, по видимому, можно даже связать с разными стадиями существования этой системы обособленного от всеобщих норм, специально выделенного права. На первой стадии, когда выдвигаемая трехступенчатой системой общесоциальная персона еще не сильно возвышалась над остальным обществом, «пустоты» заполнялись за счет «избыточных» лиц из аналогичных систем других этносов. На второй стадии, когда начала несколько падать священная роль женщин в этой системе, заполнение «пустоты» происходило вследствие вневременного (разового) смещения (или передвижки) остальных персон по шкале статусов, так что в право входили четвертые и даже пятые *ндугу*, ранее и в обычных обстоятельствах внеправовые. На третьей стадии, когда священная роль женщин почти исчезла, недостача мужчины преодолевалась повторным брачным ритуалом функционирующей персоны с еще более младшей «сестрой», а недостача женщины «выбивала» из права наследника, предоставляя функционирующей паре освободившееся статусное время. Возможно, что все эти варианты и не были связаны со стадиями существования и изменения системы, а определялись иными обстоятельствами, о которых судить сейчас уже невозможно, но ясно одно — все эти «недоразумения» неизбежно вели к разрушению трехступенчатой системы права через установление пожизненного функционирования мужской персоны.

Постоянный «идеальный» пример возрастной социально-организующей систем отыскан в Восточной Африке, у галла-оромо конца XVI века. Мнемоника этой системы сохранилась в «Записках о галла» эфиопского монаха Бахрея. Эта система имела пять ступеней (возрастных статусов) в колене, записана в форме следования групповых имен (только для первых статусов младшего и старшего колен указано соотношение: «сыновья» — «отцы») и имела точное указание о длительности каждого статуса — 8 лет. Постоянный характер, ее реальная идеальность обеспечивалась тем, что система полностью игнорировала физиологическое происхождение индивидов, входивших в конкретные возрастные группы, и охватывала весь этнос галла-оромо независимо от территориальных делений. Естественно, что в таком случае не могли возникать «пустоты» в ячейках возрастных статусов. Жесткий возрастной диапазон между группой «детей» и «отцов»

составлял 40 лет. Общее стадо и, соответственно, общая территория выпаса отчетливо показывали, что каждая локальная группа (содержащая все возрастные группы по шкале статусов) в XVI веке была интегральной единицей этноса, весьма далекого от имущественного расслоения и классовообразования в его обществе; этносом, вожди молодежи которого еще не имели никакого отношения к управлению жизнью и деятельностью самого этноса («Нет у них царя-господина, кто бы приказывал им..., а управляют ими *луба*, по восемь лет каждая», т. е. общественной жизнью руководили представители статуса 32–40 лет).

Суахилиязычный этнос был более развит и более сложен по структуре. Торговые города Берега имели общество, несомненно, классовое, с четким и сложным представлением о частной собственности и о богатстве как о мере социального состояния владельца. Горожане использовали общесуахилийскую терминологию родства, но понимали ее иначе, чем жители периферии, они вносили в нее принцип индивидуального физиологического происхождения и прилагали ее к очень узкому кругу родственников. Так, например: *баба* и *мама* — это только отец и мать, кровные родители; *баба мкубва* и *мама мкубва* приобрели значение старших братьев и сестер родителей; появились и *баба мдого*, *мама мдого* для таковых же младших; *кака* и *дада* стали обозначать старших братьев и сестер от тех же родителей; а *ндугу мдого* — младших; *ваджукуу* — это родители родителей — деды и бабушки; а *витикуу*, термин внесоциального возрастного состояния, стал обозначать внуков. Термины *мджомба* и *сенгази*, очень важные для регулирования жестких брачных норм в возрастном принципе (что в городе сохранилось только в понятии «предпочтительного брака»), стали обозначать родную сестру отца и кровные отношения — «брат матери», «дети сестры». Термин *ваана*, хотя и ограничился кровным родством, остался общим для мужчины и детей брата, или для женщины и детей ее сестры. Термин *ндугу* стал вежливым обращением к лицу (независимо от пола), близкому по возрасту и по «социальному облику» или по роду деятельности.

Таким образом, складывался хотя и предварительный, но достаточно обоснованный вывод: возрастная система организации общественной жизни, основанная только на принципе возрастной сегментации человеческой жизни и безразличная к принципу кровно-физиологического происхождения (кровного родства), более примитивна и архаична, чем социальная организация, где связи опираются на принцип кровного родства, и элементом структуры связей является не группа однозначных индивидов, а отдельный индивид. И эти различия, бесспорно, связаны с разницей в уровне развития экономической базы и соответствуют разным ступеням социальной развитости. Промежуточной, точнее, видимо, переходной формой оказывается трехступенчатый кровный организм социально-род-

ственных связей, в котором соединены оба принципа, но ощущается тенденция к ослаблению принципа возраста и к нарастанию принципа индивидуального физиологического происхождения.

Находки фрагментов и следов трехступенчатой системы или системы «права трех братьев» в сведениях о народах самой различной удаленности от нашего времени и от суахильского берега Восточной Африки позволили предположить несколько вариантов перехода от пятиступенчатой системы регулирования жизни архаического доклассового общества к трехступенчатой, включающей и кровное родство: а) выделение этносом обособленной трехступенчатой кровной системы как некоей социальной необходимости на «фоне» продолжающей существовать возрастной пятиступенчатой системы; б) распадение всего этноса на множество трехступенчатых кровных систем с одновременным разделением общества на «благородных», т. е. первенцев обоого пола, сохраняющих за собой право продолжать трехступенчатую систему, «полублагородных» — лишних потомков «благородных», группирующихся вокруг «благородных», сохраняющих условно-родственную (т. е. кровнородственную в отдаленном прошлом) связь с «благородными» и соблюдающих брачный запрет между детьми одних родителей, и «низкородженных», т. е. утративших условно-родственную связь с предыдущими группами (и не имеющих «исторических предков»), но связанных с ними общезнаменным происхождением; в) выделение нескольких замкнутых трехступенчатых систем (возможно, с градацией по социальной значимости) с параллельным разделением остального этноса на множество более или менее обширных равнозначных коллективов, постепенно утрачивающих черты возрастных отношений и развивающих принцип кровных связей с сохранением внутри этих коллективов классификационной терминологии родства.

Эти варианты или их комбинации характерны для общества с более или менее плавным поступательным развитием («ортодоксальным»). Для обществ, развивавшихся под сильным влиянием более развитых, или таких, которые подвергались резкому воздействию очень развитого общества («парадоксальное», или «катастрофическое», развитие) характерны иные варианты: а) относительно быстрый распад этноса с возрастной системой на множество мелких групп, где каждый взрослый индивид мужского пола порождает трех полноправных потомков (любого пола), которые наследуют равные части его имущества, по мере достижения полноправия (забота о престарелых родителях — обязанность младшего), а прочие дети никаких прав не имеют; б) очень быстрый распад этноса на физические семьи (два или три поколения), между которыми гаснут всякие родственные связи (т. е. кровные родственники известны, но между ними не сохраняется никаких обязательств). Возрастные социально-организующие системы в этих вариантах разрушаются быстро, вследствие мелкособственного дробления

или правовой утраты этнической территории — той материальной причины, которая некогда «создала» и веками поддерживала социально-организующую систему возрастных групп. Трехступенчатая структура выделенных некогда архаическими этносами особых замкнутых групп во многих случаях оказалась необычайно жизнеспособной, несмотря на внутреннюю неуравновешенность. Постепенно меняясь от ограниченного во времени «права трех братьев» к пожизненному праву каждого «брата», наследственного (в пределах трехствольного кровнородственного коллектива) права на высокую социальную должность, эта система нередко сохранялась и тогда, когда весь этнос полностью, тем или иным путем, переходил к индивидуальному кровному принципу родства, когда на базе этого принципа, в связи с растущим имущественным расслоением, в этносе стали выделяться имущие линейно-генеалогические правовые коллективы, силой узурпирующие родовое право на отделенные от общезнаменитых территории жизнеобеспечения. Видимо, именно развитие имущих линейных кровных родов и подорвало, в конце концов, жизнестойкость трехступенчатых особых правовых коллективов, они погибли в кровавой внутренней борьбе, стремясь превратиться в три самостоятельных линейных кровных рода.

Следует отметить, что во многих случаях на процесс смены групповых социально-возрастных отношений индивидуально-кровнородственными сильным воздействием оказывало появление на этнической территории первичных очагов цивилизации, т. е. поселений городского типа — в основе своей торгово-ремесленных центров. Независимо от того, возникает ли такой центр на местной этнической основе или вследствие оседания пришлых торговцев и ремесленников, он в любом случае становится «чужеродным телом» на этой этнической территории, как вследствие разнородного по происхождению населения, так и в результате ускоренного социального развития. Последнее обстоятельство связано с особым характером его экономической основы — с «текучими» материальными ценностями, которыми (в самых различных отношениях к ним) оперируют индивиды, не связанные или очень слабо связанные какими-либо этническими традициями. Это создает условия для ускоренного и глубокого имущественного расслоения населения города и делает имущественное состояние гражданина главнейшим мерилом его социального положения. Сложная хозяйственная и бытовая жизнь города порождает особую структуру управления («нити» которой сходятся в руках наиболее богатых его граждан), кодекс законов о правах, обязанностях и поведении, как его постоянного населения (в соответствии с имущественными градациями), так и «транзитных» лиц. Создается аппарат «физического» контроля над исполнением порядков и законов, и для подавления всплесков недовольства имущественным неравенством.

Население устойчивого и растущего торгово-ремесленного города всегда содержало значительный процент рабов и вольноотпущенников, что

давало право называть такой город не только государством, но и государством рабовладельческого строя. Однако, существо социальных отношений заключалось не столько в понятиях «раб — господин», «слуга — хозяин», сколько в разнообразных и сложных понятиях «клиентелы». Отношения «патрона и клиента» связывали господина и его бывших рабов-вольноотпущенников, любого из «отцов города» с другими торговцами и владельцами ремесленных мастерских, последних — с их мастерами-ремесленниками, владельцев складов товаров — со странствующими торговцами, с охранниками караванов, с погонщиками вьючных животных, носильщиками и грузчиками. По своему принципу, эти соотношения были «личностными», т. е., к взаимной выгоде связывали «высокое» лицо с рядом лиц более «низких» по положению, но в отношениях патрона и клиента могли находиться и однозначно оформленные группы, как, например, большой торговый город и мелкие торговые (или промежуточные коммуникационные, стратегические) пункты-поселения на его торговых путях, и те города-колонии, выросшие из них, которые считались основанными выходцами из города-патрона.

Отношения патрона и клиента складывались и между городским магистратом и военными вождями молодежи этнических территорий окружающей город периферии, по которым проходили его торговые пути. Но сами вожди и их воинства, как представляется, понимали эти отношения в «обратном порядке», т. е. ставили себя выше города, как бы покровительствуя ему за определенную дань, не разрушая его, позволяя его торговцам беспрепятственно странствовать по их этнической территории. Эти же отряды доставляли в город для обмена некоторые продукты своей деятельности (шкуры, меха, рога и пр.), участвовали в охране торговых караванов. Выгода от таких контактов с городом порождала соперничество между отдельными отрядами, борьбу за контроль над большей частью окружающей город этнической территории, и рано или поздно вся ближайшая периферия города на несколько лет оказывалась под контролем одного выдающегося вождя и его сборного воинства. Отношение клиентелы с таким вождем были выгодны городу, но таили в себе известную опасность: клиент, обладая значительной воинской силой, мог защитить город от вторжений из отдаленной периферии, содействовал подавлению возмущений городской бедноты или рабов — но мог и начать диктовать свои условия материальных вознаграждений («дани»), угрожая приступом и разграблением. «Отцам города» приходилось вести сложную политику, распространять отношения клиентелы в среду старшего (уже не воинского) населения этносов периферии, создавать противоречия между воинством, молодежью и представителями этнических авторитетов. Воины и их вожди стремились расположить свою резиденцию как можно ближе к городу, а «магистрат» всячески старался раздробить воинство и разослать малыми отрядами к отдаленным пунктам своих торговых путей.

Когда же периферия была очень обширна и существовала реальная опасность грозного внешнего набега, или когда к этому вынуждали внутренние обстоятельства в городе, приходилось заключать компромиссный договор и допускать пребывание вождя и части его воинства в самом городе, в ближайшем пригороде или в очень важном пункте на торговом пути.

Подобные ситуации могли закрепляться ненадолго; одни вожди гибли в бою или оставляли пост по иным причинам, их сменяли другие, и этим ведали не «отцы города», а воинство, точнее, этническая традиция этого воинства, по которой сменялись и сами воины: одни уходили, чтобы заняться традиционными делами взрослого человека; другие приходили, чтобы под руководством вождя пройти путь, отделяющий юношу от мужчины. Однако, такие обстоятельства и отношения еще нельзя назвать государством в марксистском понимании этого термина, и подконтрольная вождю и его воинству территория не была территорией этого государства, как и сам город не был его столицей. Торгово-ремесленный город почти с самого своего появления приобретал черты города-государства, а его население — черты классового общества, и появление в нем (наряду с изначальной коллегией правителей из наиболее богатых граждан и функционирующим от их имени исполнительным аппаратом) персоны правителя города еще не меняло исходной характеристики. Правитель города мог получить судебные функции, что было выгодно «отцам города», ибо недовольство судебными решениями теперь падало на личность правителя (а судил он, главным образом, провинившихся рядовых горожан, и чаще — в пользу богатых обвинителей), мог формально возглавлять их коллегию или от их имени говорить с «народным собранием» («вече», «коммиции» и т. п.), учреждением скорее демагогическим, чем действительным, но реальной властью в городе продолжали владеть те, которые обладали наибольшим богатством.

Правитель города также мог быть богатым, поскольку в его распоряжении скапливалось много оружия и припасов для его воинов, поступавших, по традиции, и от этноса периферии, и от города (одежда, продовольствие и украшения), но он оставался для этноса по-прежнему военным вождем его молодежи. Так продолжалось до того времени, пока этнос периферии не разделился на устойчивые имущественные слои, пока имущим не понадобилась власть. Параллельно с такими изменениями в периферийном этносе изменилось и воинство, оно утратило былую «текучесть», воин стал порождать воина, война стала профессией этого социального слоя, а традиционная дань превратилась в «налог» на содержание военной силы государства.

Появление государственной территории давало городу новые выгоды. Сильная государственная власть позволяла значительно увеличить контингент рабов и значительно шире использовать их в ремесленном производстве,

а также развернуть земледельческое хозяйство. Довольно долго после возникновения торгово-ремесленный город, вследствие своих противоречивых отношений с окружающим этносом (или этносами), не имел возможности вести коммерчески выгодное обширное сельское хозяйство. Эта противоречивость заставляла окружать город фортификационными сооружениями и максимально использовать стратегические особенности местности и рельефа. За пределами фортификаций обычно располагалось неширокое пространство («округа», хора) возделываемой горожанами земли, которое, по мере расширения города, постепенно застраивалось, превращаясь в пригороды, хора отодвигалась все дальше, и большая ее часть состояла уже из садов и огородов именитых горожан. Только появившаяся возможность без особой опаски владеть большим количеством рабов вела к приобретению земельной собственности далеко за пределами городской территории и к организации коммерческих рабовладельческих поместий городской знати. Рабы и земли преимущественно приобретались покупкой. И, несмотря на интенсивное развитие рабовладельческого хозяйства, что нередко сопровождалось переносом центра тяжести экономики из города в поместье и понижения экономической роли самого города, основой существования цивилизованного общества оставалась торговля, а основой отношений — рожденная городом клиентела. Отношения рабовладения грубы и просты, они лежат «на поверхности»: раб, земля, орудия труда и труд раба — безраздельная собственность господина. Отношения клиентелы тонки и изощренны, внешне они обоюдовыгодны, они основаны на «добровольном согласии», на моральных обязательствах, они легко восстанавливаются после «недоразумений».

Лучше всего глубинная суть отношений клиентелы отразилась во взаимоотношениях власти духовной (т. е. церкви и религии, также порожденных классовым характером общества города, как и власть светская, политическая) с верующими. Подобно тому, как светский патрон обещал своим клиентам помощь и поддержку в случае будущих неприятностей или бед (имея в настоящем верных сторонников в политической борьбе, надежных партнеров в торговле, исполнительных агентов и т. п.), церковь обещала своим добровольным клиентам-верующим в будущей загробной жизни (при строгом соблюдении проповедуемых ею принципов и обрядов) всяческие блага, довольствуясь добровольными приношениями прихожан, размер которых долгое время не превосходил десятой доли продукта их труда. Именно отношения клиентелы позволили церкви выйти за пределы города на «языческие» земли периферии, обосноваться там и успешно распространять свое влияние. Церковь успешно богатела по принципу — «с миру по нитке...», и проникала вглубь отдаленных варварских земель едва ли не быстрее и дальше, чем протягивались торговые пути города. Она проникала мирно и почти незаметно, довольствуясь малым, обещая многое.

Отношения клиентелы были исключительно живучи, может быть потому, что ее материальное проявление выглядело добровольными традиционными дарами даже тогда, когда они принимали довольно односторонний характер (или имели «крен» в одну сторону). Отношения клиентелы протягивались от цивилизованного общества в архаическое общество варваров и разлагали его изнутри. Когда античное рабовладение исчерпало свои экономические возможности, отношения клиентелы легли в основу феодальной структуры, ибо отношения землевладельца и колона, сеньора и вассала, феодала и крестьянина — это клиентела, отягощенная различными формами земельных отношений. В этих изменениях процветал только торгово-ремесленный город — из патрона он превратился в клиента крупных сеньоров, хотя к этому времени его ремесленники довели до совершенства и высокой экономической эффективности традицию производства вооружения, ткани, мебели, а также изделий из металла, дерева, кожи и т. п.

Городам древности и античности и, в частности, потребностям торговли и религии человечество обязано изобретением, усовершенствованием и распространением письменности, а письменность донесла до нас сведения о многом из того, что навсегда унесло время. Однако у этого положительного обстоятельства оказались свои недостатки. Первый из них — это исчезнувшие или малопонятные языки и системы письма. Это со временем оказалось более или менее преодоленным. Сложнее было с другим. Первоначально старинные тексты читались с полным убеждением, что они писаны для нас — очень далеких потомков (особенно тексты на камне и металле), и их исследователи «инстинктивно» исповедывали мнение, что у человечества есть незыблемые категории понятий и отношений. Это создало чрезвычайно жизнестойкий «исторический словарь»: бог (боги), господин, раб, царь, государство, завоеватель, вассальные отношения, варвары (варвары-кочевники), жертвоприношение, молитва, поклонение, обложение данью, власть, закон и многие другие. И все эти слова долго существовали как некие «термины-аксиомы», как иногда понимаются и сейчас некоторые из них, наиболее трудные для исторического анализа содержания. Медленно, даже очень медленно открывается, казалось бы, простая истина: древние тексты писались не для нас, как не для нас составлялись и более поздние манускрипты. Все это было необходимо «тем людям» и, если они и имели в виду потомков, то самых близких. У самых ранних текстов, особенно на долговечном материале, была еще одна особенность (до сих пор ускользающая от внимания исследователя) — магическая сущность надписи, делающая ее «фиксацией надежды», хотя текст обычно и писался в прошедшем времени. Не столь уж и значительные деяния фиксировались по той же причине в увеличенном масштабе («Я, царь царей... победил ..., покорил ..., захватил все земли от моря до моря...»).

Столь же трудно и медленно начинают обнаруживаться «каноны записи» важных событий в более близкие к нам времена — изложения в стиле и терминах неадекватны реальным обстоятельствам.

Еще ближе к нашему времени в ученых трудах можно обнаружить своеобразный прием изложения сведений и событий, который следовало бы назвать «ученой спекуляцией». Это было объективным порождением того факта, что и относительно близкие, исторические по содержанию тексты, писались не для нас, а для современников автора. Элементарная суть этого приема заключалась в следующем: цивилизованный читатель — современник автора должен постоянно чувствовать преимущество своих форм цивилизации сравнительно с цивилизацией соседей, а тем более с жизнью окружающих варваров или язычников. Социальная политическая жизнь варваров или язычников описывается в несколько облегченных терминах своей действительности, но в темных тонах и с негативными определениями. Все негативные свойства человеческой природы (как она понималась тогда) приписываются варварам или представителям соседней цивилизации. Победы варваров и соседей объясняются чаще всего численным превосходством или вероломством противника. Успешное нападение варваров рассматривается как бедствие, а уничтожение огнем и мечом мирных селений на варварской территории — наказанием за нежелание подчиниться, стать рабами или за отказ отдать свой хлеб и скот цивилизованным грабителям (может быть, и древнее изречение «имя им легион» следует переводить на современный язык не в количественном, а в качественном смысле — «имя им — грабители и убийцы»). Другой стороной «ученой спекуляции» было стремление фиксировать о своем настоящем или прошлом не обычное, (что было известно каждому современнику автора), а значительное, выдающееся, и нелепое (с точки зрения автора), курьезное, удивительное; или совсем невероятное и фантастическое о варварах и об отдаленных почти неизвестных народах, чтобы заинтересовать и удивить читателя. Нередко, для придания большей достоверности таким сообщениям, авторы старинных текстов вставляли в свои рассказы отрывки преданий своего народа или чужие, принесенные странниками или записанные кем-либо раньше. Надо сказать, что такие пересказы очень ценны, поскольку могут случайно сохранить древнюю (или «варварскую») мнемонику или хотя бы ее фрагмент, мало искаженный старинным автором. Но рассказы участников событий также подвержены принципам «ученой спекуляции», как и труды кабинетных авторов или поздних составителей.

Получилось так, что все вышеизложенные обстоятельства вызвали мысль о необходимости «допросить обе стороны» в поисках следов «права братьев» у неафриканских народов и в разные времена. И самым трудным оказался вопрос о роли женщин в истории социально-возрастной системы архаиче-

ского права, ибо большинство сохранившихся сведений касалось мужчин. В этих поисках обнаружилось одно любопытное противоречие: античные авторы в описании жизни своих северных соседей-варваров ни одним словом не обмолвились о каких-либо возрастных группировках, в то время как в устных эпических сказаниях самих народов Севера Европы, записанных только в X–XIII веках, следы мнемоник, связанных с нормами социально-возрастного права, встречаются достаточно часто и охватывают период от «эпического времени» и до конца XII века. Причем трудноразличимые следы пятиступенчатой системы за это время сменяются совершенно отчетливыми фрагментами системы трехступенчатой. Можно даже со всей определенностью реконструировать для времени от II–III до V–VI веков и многие реалии, связанные с нормами «права трех братьев». Примечательно, что реконструированная непрерывная «полная» (т. е. замкнутая в кольцо до повтора первого имени) схема из 5 колонок мужских имен (29 имен) и 4 колонок женских имен (17 имен) главных героев североευропейского эпоса оказалась состоящей из 20 колен по 40 лет и фиксировала эпическую традицию продолжительностью в 8 столетий. Если считать от времени жизни встречающихся в этой традиции исторических лиц (Ермунрекк — Херманарих, Атли — Атилла и др.), т. е. от IV–V-го века н.э., то начало этой своеобразной «эпической хронологии» окажется в III–II веке до н.э. Но имен вождей исторических германцев, зафиксированных римскими авторами, в этой эпической традиции нет. Предполагать, что это — узко-скандинавская традиция, нет оснований, поскольку существует ее фрагмент, литературно более развитый и зрелый — «Песнь о Нибелунгах» (с небольшой разницей в звучании некоторых имен: Зигфрид — Сигурд, Хаген — Хегни и др.), принадлежащая материковым германцам. Реальнее предположить, что имена традиции (и все комбинации отношений эпических персон) — социально-мнемонические; они были «мнемонической сетью», тем идеальным «фоном», на который ориентировалась реальная смена исторических персон (естественно, со своими реальными именами, разными не только персонально, но и другими в каждой локальной группе).

Древнеевропейская эпическая традиция содержит и фрагменты «права трех братьев», но в виде мнемоник конфликтных ситуаций, явно отражавших борьбу более архаичной, не учитывающей кровно-физиологического родства возрастной системы — с кровнородственной трехступенчатой. Общий вывод из того, что европейская эпическая традиция сохранила от времен возрастного социального права, может быть таким: уже ко второй половине первого тысячелетия до нашей эры архаическое население Европы имело институт социально выделенной персоны, в какой-то мере сакрализованной, представлявшей собой «эталон» качеств мужчины (как они понимались в то время), как образец для воспитания юношей. Эта персона, вероятно, избиралась на срок одного возрастного статуса из тех, кто наибо-

лее достойным образом прошел трудный набор испытаний («подвигов»), требовавшихся для получения полноправия взрослого члена общества. Введение в этот сан, как и вообще признание совершеннолетия, завершалось брачным ритуалом. Каждая более или менее общинная группа населения имела свое священное место (священное дерево, камень или скалу) и избирала свою «персону», ставя в зависимость от нее или процветание, или негативные явления в хозяйстве. Если период оказывался исполненным всяческой благодати, срок «деятельности», по желанию общества, мог быть продлен повторными браками (не более 3), после чего происходила смена. Возможно, что завершение «деятельности» сопровождалось ритуалом умерщвления, что в поздних изложениях традиции превратилось в сообщения о «принесении в жертву».

Физиологические потомки социально-выделенной персоны первоначально не обладали никакими преимуществами по сравнению с детьми других родителей, поскольку пятиступенчатая социально-возрастная система, регулировавшая права и обязанности членов архаического общества, была принципиально безразлична к физиологическому родству. Позже — видимо, под влиянием стремления упрочить процветание хозяйства и заметив физиологическое наследование внешних признаков, в качестве «наследника» иногда могли избирать первенца первой жены «выдающегося» священного лица (социально-выдвинутой персоны). Еще позже (на таких прецедентах) сформировался «способ» обеспечивать общество «безусловно выдающимися» священными персонами — трехступенчатая кровно-возрастная система, отделившая этих персон от остального общества в особую замкнутую наследственную структуру из сыновей и дочерей-первенцев. В природно-хозяйственных условиях архаической Европы отеснение охотничьего хозяйства — пастбищным скотоводством (сначала лошади, затем коровы и козы) и элементарным вырубочным земледелием было причиной быстрого распространения трехступенчатой системы кровного родства (параллельно с распространением относительно оседлого хуторского образа жизни), когда пара родителей и трое первых сыновей с их женами (или трое дочерей с мужьями-зятьями, или смешанные комбинации) вели переложное хозяйство (до смерти отца) на ранее расчищенных угодьях, а дети, рожденные сверх этого, должны были уходить на новые рощи.

Архаическая Европа — пространство сплошных лесных массивов, лиственных на юге, смешанных в средней полосе и преимущественно хвойных на севере. Десять тысяч лет тому назад эти леса распространились вслед за отступавшим последним оледенением. Чуть позже это пространство начал заселять человек. Вероятнее всего, заселение Европы шло по берегам морей, а оттуда — по течению крупных рек. Естественно, что долгое время население Европы было чрезвычайно редким, и даже около

начала нашей эры Север был заселен много реже, чем берега Юга, и преимущественно — по речным долинам. Скорость развития экономической базы и социальных структур была различной по направлению от юга на север. Так, например, на берегу Средиземного моря процесс смены возрастных социальных отношений отношениями по кровному родству, по-видимому, завершился к середине I-го тысячелетия до н.э., тогда как на берегах северных морей еще в IX–XI веках н.э. он был в самом разгаре. На течение этого процесса большое влияние оказывало постепенное развитие и распространение интенсивных форм ведения земледелия с быстрым сокращением перелога за счет внесения в почву органических удобрений, которые давало стойловое содержание скота зимой. Постоянство использования одной и той же земледельческой площади вынуждало к полной оседлости, одновременно создавая известную устойчивость хозяйства: повышая жизнеспособность населения, оно вело к систематической перенаселенности, поскольку архаическая технология земледелия (пахота деревянным плугом-сохой) и крайне ограниченное использование металла препятствовали необходимому расширению пахотных земель.

Какое-то время это расширение все же продолжалось, но рано или поздно стали учащаться вооруженные столкновения из-за угодий. Обычно, когда речь заходит о переселении избыточного населения, пишут об оттеснении или изгнании «слабых племен», которые, будто бы все круша и всех убивая, вторгаются на чужую территорию и захватывают ее. И как-то не замечается в таком описании явного противоречия: «слабые» вдруг оказываются исключительно сильными. Видимо, реальнее предположить, что такой обычай, вынуждаемый суровостью хозяйственных обстоятельств, имел некий традиционный (или ставший таковым со временем) «регулятор», когда лишняя часть населения (а не «племя») добровольно уходила на новые рощисты или даже на отнятие силой обработанной чужой земли (может быть, сначала — для отнятия чужой залежи). Несомненно, что уходили не «слабые», а наоборот — сильные и молодые, у которых «жизнь впереди». Таковыми вполне могли быть «сыновья» и «дочери», родившиеся «после трех». На новом месте поселения они также распались, в правовом отношении, на «постоянных» и «лишних». Эти последние, когда их оказывалось слишком много, также уходили дальше. «Оказывалось слишком много» — это не какой-то гипотетический «демографический взрыв», а просто следствие падения детской смертности. Таким образом, во время очередного ритуала инициации в полноправные члены коллектива, на который к священному дереву, камню или ручью собирались юноши и девушки с определенной окрестности, могло легко выясниться, — кто должен вернуться на «земли отцов», а кто — составить группу уходящих на поиски нового места. Видимо, состав таких групп не часто был полноконтактным по полу, чаще уходили одни мужчины — для которых иници-

циация завершалась только по обретению жен на новом месте, что означало и обязательный вооруженный набег для похищения женщин. Вот такие группы бродячих юношей-воинов со своим вождем, избранным за физические достоинства, вероятно, и были причиной изменения характерного для архаической Европы «хуторского расселения» — появились более обширные поселения-общины, нередко располагавшиеся на возвышенностях и элементарно укрепленные.

Особое влияние на этот медленный процесс развития населения Европы оказывали торговые пункты на торговых путях древних цивилизаций Ближнего Востока — тех нескольких больших оазисов, которые сохранились на больших реках в постепенно высохшей к V–VI тысячелетию до н.э. полосе обитания всего человечества времени ледникового периода, где экономическое и социальное развитие неолитического человека не прерывалось затяжным периодом переселения. Необходимость торговых связей, как между этими оазами первых на земле цивилизаций, так и между ними и другими населенными местностями, была вызвана потребностью в ремесленном и строительном сырье (дерево, руда, камень, самородный металл), которого (за исключением глины) они были почти совсем лишены.

Первые торговые пути Древнего Востока в Европу протянулись из Малой Азии к берегам будущей Греции, а далее — от восточного берега Средиземного моря по его берегам, все дальше и дальше на запад, и даже немного за Геркулесовы столбы. Пути были морские, но плавали не в зоне видимости берегов (как часто об этом пишут), а вдоль моря, где не было опасных мелей и подводных камней, ориентируя это направление по «утренней» и «вечерней» звездам (по звезде «Тар» — планете Венере). Средиземное море по природным условиям и возможностям архаического судостроения делилось на две зоны: от берега Малой Азии до восточного берега Сицилии и от Сицилии до Геркулесовых столбов. В первой зоне преимущественное направление ветров — северо-восточное и северное, т. е. поперек продольной оси моря. Здесь в любом месте легко было достигнуть до обращенного к Европе берега Африки, но очень трудно вернуться обратно. Пишущие об архаическом и античном мореплавании часто ссылаются на обилие весел на старинных судах, но для длительного похода их употребляли только на военных и промысловых кораблях, на которых не перевозили грузов. На военных была слишком большая команда, чтобы оставалось место для чего-либо, кроме пищи, воды и боеприпасов, а промысловые никогда не были большими. Тяжелые транспортные суда использовали весла только для того, чтобы выйти из гавани или круто развернуться в море. Таким образом, чтобы достигнуть берегов Европы, от Африки приходилось идти под парусом «по диагонали» с боковым ветром, т. е. проще было плыть от Азии к Сицилии и обратно, чем пересекать море от Африки к Европе. Эти обстоятельства породили соответствующую

конструкцию парусного вооружения: низкий узкий парус, растянутый по длинной рее, с аэродинамическими качествами, пригодными для бокового ветра. Эта конструкция, в комбинациях с одной или двумя мачтами, сохранялась в течение всего античного времени, и только в раннее средневековье на малых судах была вытеснена треугольным «латинским» (несбалансированным, односторонним — «лагин», а не от «латинян»).

В западной зоне Средиземного моря ветры неустойчивы по направлению, но преимущественно дуют под разными углами вдоль продольной оси моря. Это обстоятельство способствовало сравнительно простой и достаточно надежной двусторонней связи берегов Африки и Европы, а также плаваниям от Сицилии и южной Италии к проливу и обратно. Выход за пределы пролива и возвращение были просты и требовали только ожидания благоприятного направления ветра, но заходить в Атлантический океан дальше меридиональной линии западного берега Пиринейского полуострова было опасно — там начиналась зона сильных циклических течений и ветров Азорского максимума, движущихся по часовой стрелке и полностью исключая для судов того времени движение на север, если не огибать обширную зону максимума. Этим объясняется тот факт, что средиземноморские торговые города-колонии не распространялись дальше меридиана Гаде-са — ни на европейском берегу, ни на африканском.

В науке о древности укоренился ряд представлений, которые выглядят правдоподобными в логическом кабинетном рассуждении, но обнаруживают свою несостоятельность, если рассмотреть их с позиции практической навигации и инженерно-конструктивных возможностей.

Одно уже отмечалось — это убеждение, что раннее судоходство не покидало видимости берегов. Для торгового судна это абсолютно нерентабельно из-за троекратного (как минимум) удлинения пути. Но не это главное. Техническая возможность этого доступна только современной спортивной парусной яхте малого и среднего размера, с неглубокой осадкой и способностью идти под любым углом к ветру, следуя изгибам берега. Далее, считается, что проще всего идти полным курсом, т. е. по направлению ветра, и что так начиналось мореходство. Но на земном шаре вряд ли есть море, где не бывает шквалов (особенно во время равноденствий), а при любом парусном вооружении шквал наиболее опасен именно при полных курсах. Резкий и сильный удар ветра произвольного направления рвет паруса и ломает мачты, а без мачт парусник — не более, чем бутылка, брошенная в море. Шквал меньше всего вредит судну, идущему в полветра, т. е. когда ветер перпендикулярен к курсу.

Еще одна сторона дела — определение местоположения вне видимости берегов. Нередко можно встретить утверждение, что древние «определяли путь по звездам». Фраза звучит загадочно, и предполагаются некие таинственные знания и особые способности, а на практике все обстояло очень просто. Например, для Средиземного моря существовал простой

и точный указатель линии Юг-Север — направление на Полярную звезду, а по ее подъему над горизонтом опытный мореход мог без инструментов сказать, к какому берегу он ближе — к африканскому или европейскому. Как уже было упомянуто, линия Восток-Запад, хотя и очень приблизительно, могла быть определена по «утренней» или «вечерней» звезде. Более точное местонахождение определялось по цвету воды, по породам рыб и морских животных, по птицам, по характеру волны и пр., а у берега — по его очертаниям. Вот эти «дополнительные» знания действительно были обширны и требовали особой наблюдательности и памяти.

Кроме того, существует убеждение, что мореходство создали народы материковой культуры, когда она достигла определенного уровня развития. Но это столь же нелепо, как если бы, например, бухгалтер, ни с того ни с сего, стал бы канатным плясуном. Мореходство начали неолитические рыболовы и охотники за морским зверем. Они выходили в море и возвращались на берег с утренним и вечерним бризами — ветрами легкими и дуящими то в море, то к берегу. Это они заселили большие и маленькие острова — близкие, а затем и далекие, а став обитателями островов, постепенно создали элементарную мореходную технику, традицию навигационных знаний и освоили природную специфику «своего моря». Дальнее мореходство началось не с торговли, а было следствием развития морского промысла. Условия раннего мореплавания на Средиземном море (как и на любой, более или менее однородной акватории) со временем создали особый тип населения — «народов моря». И с определенного времени торгово-ремесленные города суши включили их в свои торговые операции. Весьма вероятно, что на заре мореходства естественная и необходимая перемешанность и обособленность от не-морских народов создали их антропологический тип и их общий язык. Естественные условия заставляют думать, что общность народов моря начала складываться в западной зоне Средиземного моря, затем распространилась на район Эгейского архипелага и в Адриатическое море, и только потом — в южную часть восточной зоны. Развитие торговых морских путей шло в обратном направлении: от берегов Малой Азии по островам Эгейского архипелага и по островам северного берега Адриатического моря, а также на южную оконечность Италии и в западную зону. На морских торговых путях, отходя все дальше и дальше на запад, образовывались постоянные пункты торговли с населением прилежащих районов материка. Наиболее выгодно расположенные торговые пункты превращались в центры торговли и скоро приобретали все характеристики торгово-ремесленных городов. Но не «народы моря» создавали и населяли эти города. Как и материковые торгово-ремесленные города — очаги цивилизации, морские торговые города были обособлены и от материковых народов, с которыми вели торговлю, и от «народов моря», которые на своих судах перевозили их товары.

По мере развития крупных и средних городов морской торговли их население образовало свою особую общность — общность средиземноморской цивилизации. Но, в отличие от общности народов моря, эта общность была сложной в языковом, идеологическом и внешнекультурном отношениях. Постоянные контакты ее крупных городов с прилежащим материковым населением создали «культурные языки» этой цивилизованной общности: древнегреческий, этрусский, финикийский, пунический и латинский, на которых со временем стали говорить обитатели их ближайшей материковой периферии. Основой грамматического строя цивилизованных языков, видимо, были структуры языков их периферий, как и значительная часть словарного фонда — в несколько измененной, «облегченной» фонетической форме. Сложился и общий словарный слой, связанный с торговлей и социальными отношениями города (общий либо по исходным корням, либо по семантическому соотношению). Некоторая часть общего лексического слоя могла происходить от древнего языка народов моря, а сам он как бы «исчез», будучи «заменен» своеобразным явлением — необходимостью для мореходов уметь говорить «на всех языках», т. е. иметь способность в известных пределах общаться с жителями торговых городов (потомок этого «языка» — портовый говор, существует на Средиземном море и по сей день).

Особую сложность языковой и культурной характеристике цивилизованного мира средиземноморских торгово-ремесленных городов придавала специфика их социально-политических и экономических взаимоотношений. Первоначально расположенные вблизи моря торгово-ремесленные города Малой Азии, конечные пункты древневосточных торговых путей, установили обменный контакт с народами моря (сушеная, соленая и свежая рыба, кальмары, морские раки с одной стороны; ткани, металл, и растительные пищевые продукты — с другой). Из некоторых пунктов этого натурального обмена выросли города морской торговли, торговцы из которых, на судах народов моря, сами отправлялись в странствия со своим товаром и создавали пункты обмена на отдаленных берегах. Так появлялись первоначальные «колонии», а продолжающаяся последовательность этих «операций» создавала их цепочки с городом-«метрополией» во главе. Некоторые из «колоний» богатели и приобретали собственный вес и авторитет в торговом мире. Связи их с «метрополией» слабели, они сами становились «метрополиями» и обзаводились своими «колониями». Их взаимосвязи превращались из цепочек в сложную сеть с разными степенями зависимости. Еще большая сложность наступала по мере возникновения очагов (языковых, культурных и идеологических) «исходных» торговых цивилизаций. И, хотя каждая «метрополия» по-прежнему действовала самостоятельно, «колонии» образовали своеобразную чересполосицу, поскольку каждая во всем «ориентировалась» на тот или иной «очаг цивилизации», соответственно принадлежности «ис-

ходной метрополии», даже утратив с ней экономические связи. И у «исходных метрополий», и у «новых» были две основные задачи: прикрепить к себе постоянный контингент из народов моря для создания более грузоподъемных и больших военных судов (практика взаимоотношений и с конкурентами, и с «колониями», и с народами моря далеко не всегда была мирной), а также — протянуть торговые нити от прибрежных пунктов вглубь материков, ближе к месту «производства» предметов обмена.

Это положение можно изложить и иначе. У морских торговых городов были две периферии: одна, преимущественно коммуникационная — на море; другая, преимущественно обменная — на суше.

Особое значение эти обстоятельства получили, когда началась действительная колонизация, т. е. перемещение избытка населения больших городов в торговые пункты. Такие колонии были трех типов: поселения колонистов с целью усиления пунктов, от которых шли пути на материк (большею частью в устьях значительных рек); поселения, имеющие стратегическое (политическое и коммерческое) значение; и поселения в таких пунктах, где скупалось зерно и прочие продукты питания или было возможно создание зернового хозяйства. Этот этап колонизации также имел характер эстафеты (даже с проникновением на материк), он вызвал к жизни множество особых «торговых государств» со структурой «Метрополия — Колонии — Материковые зоны торговых операций», но без государственных территорий. Главной заботой этих государств были их торговые морские пути, а не территории.

Экономические и политические центры этих государств (метрополии), как и более древние торгово-ремесленные города, по внутренней структуре были олигархическими республиками с парным или тройственным выборным характером должностных лиц исполнительной власти, но города-колонии управлялись единовластно, что создавало впечатление «монархического управления». Реальной властью всюду обладал совет наиболее богатых горожан. Следует отметить характерную черту, сопровождавшую изменение статуса города — как только ослабевали узы связи с метрополией, колония переходила от «монархического» управления к «олигархии». Иногда пишут о захирении и исчезновении «исходных метрополий» и вообще древних торговых городов Средиземного моря, но это (за исключением действительных разрушений) ложное впечатление, следствие отражения в письменных источниках, по сути дела, только второго этапа колонизации, времени «торговых городских государств», размер и населенность городов которых, размах торговых операций и высота культуры ни в какое сравнение не шли с теми же характеристиками «исходных метрополий» и их «колоний».

Именно от времени «торговых городских государств» и от последующей эпохи, когда их культура (в т. ч. и письменность) широко распространилась по берегам Средиземного моря, и сохранились письменные документы, на

интерпретации которых учеными нового времени была составлена событийно-политическая история средиземноморского античного мира и предшествовавшего времени. Естественно, что она была составлена с позиции «от материка» и представила появление торговых городов Средиземного моря как «сгустков» материковой культуры и политических экономических центров материковых государств, государств довольно странных, на «государственной» территории которых располагались «племена», т. е. этнические группировки доклассового общества. Так получилось потому, что, с одной стороны, были «допрошены» только «свидетели» цивилизованного городского общества, а с другой — «допрошены» не очень внимательно, и заключения сделаны на оснований категорий современного или близкого к нам общества и его социальных отношений. Что же касается не событийно-политической истории, а истории этносоциальной, то, несмотря на то, что она не может представить дословно переведенные письменные «доказательства» и вынуждена делать выводы на основании диалектической логики сопоставлений разновременных и крайне разрозненных фрагментарных сведений, она восстанавливает сложившуюся «несправедливость» и «допрашивает свидетелей другой стороны».

Результаты получаются неожиданные, иногда противоречащие укоренившимся представлениям, они заставляют внимательно отнестись к широко известным письменным материалам, хотя бы уже потому, что становится очевидным обычай древних авторов описывать своих варварских соседей в несколько облегченных понятиях, категориях и терминах своего цивилизованного классового общества древних городов. Столь же своеобразно описывалась ими и периферия большого центрального города — внимание уделялось, по сути дела, только малым городам, связанным политическими и экономическими отношениями с центральным городом, а автохтонному населению этой периферии («племенам» на территории государства) отводилось промежуточное место между цивилизованным населением городов и варварами далекой, «неосвоенной» торговлей и политикой, периферии, место «деревенщины», с которой можно вести выгодную, почти грабительскую торговлю, которую можно теснить, вынуждая продавать земельные угодья, и которая почти не может оказывать сопротивления вследствие неспособности ее традиционных организаторов руководить этим сопротивлением.

Какова бы ни была социальная структура «деревенщины», она, естественно, описывалась как и варварская, в тех же «облегченных» понятиях горожанина. А в основе социальных отношений города, как уже упоминалось, не лежало ничего, кроме индивидуальной собственности и кроме права ее наследования кровнородственными индивидами по шкале родственной близости, а социальный статус определялся ее количеством или отсутствием. С формально-юридической стороны, в позднее античное

время вся «сумма» наследников владельца крупного имущества представлена как линейный генеалогический мужской «род» (*gens*) с правом наследования основного богатства по прямой линии.

Эти сведения сыграли печальную роль в развитии теоретической этнографии (этнологии). Луис Генри Морган, стремясь поставить науку об истории бесписьменных и дописьменных («доисторических») народов на доказательную основу, т.е. приравнять их историю к событийно-политической истории народов цивилизованных, имевших свою письменность, считал фиксированную в письменных источниках схему античного «юридического рода», схему классового общества — основой для изучения социальных отношений в обществах доклассовых. И создал, таким образом, представление о «предшествующем» реальном, совместно живущем первобытном кровном роде, составляющем вместе со свойственниками первобытную общину. Оправу для своих умозаключений он, казалось бы, нашел у хорошо знакомых ему по службе сенека-ирокезов, у теснившихся в резервате жалких остатков некогда обширной этнической группы ирокезских племен. Морган не учел, что жизнь в резервате и жизнь на своей территории — вещи весьма и весьма различные, и что социальные связи не могли сохраниться неизменными при столь резких и глубоких изменениях условий существования, которые можно без преувеличения назвать — ломкой, разрушением. В одном из примечаний к своему основному труду Морган говорит, что его лучшим информатором был один из вождей (сахемов) сенека-ирокезов, отличный фермер и человек, уважаемый своим народом. Из этого примечания следует только то, что во время Моргана резерват сенека-ирокезов еще имел некоторую возможность вести хозяйство, подобное хозяйству соседних фермеров-европейцев, и что перед лицом американских властей их представлял «традиционный вождь»-фермер. От него Морган услышал легенды об ушедшей в далекое прошлое жизни ирокезских племен; легенды, быть может, претерпевшие значительную перестройку под влиянием характера жизни и отношений соседей-европейцев, людей, обладающих властью и многими недоступными культурными ценностями и возможностями, с которыми, хотя и в легендах, в прошлом, но хотелось бы сравниться. Морган не мог понять, что внутренние взаимоотношения глубоко разрушенного общества ирокезов (да и всех аборигенов Америки) объективно должны быть аналогичны таковым у обществ античного мира, пришедших к классовому состоянию постепенно.

Но он заметил и различие — сохранившаяся у ирокезов родственная терминология не индивидуальна, и каждый термин обозначает группу людей. Не умея использовать диалектическую логику, учитывающую качественные изменения, он решил вопрос о социальной структуре архаического общества в чисто количественном ключе: архаический родовой коллектив был более обширным, чем античный род, в нем степени значений

терминов были как бы «смещены», и термин «брат» обозначал не только кровных братьев, но и их орто-кузенов, другой термин обозначал кросс-кузенов со стороны матери, третий — кросс-кузенов со стороны отца; в старшем колене один термин обозначал мать и ее орто-кузин, другой — отца и его орто-кузенов и т. д. Все это, и многое другое, было «понятно» и «доказательно» вследствие незначительных отклонений от обычных европейских представлений о родстве (индивидуальное, хотя и «расширенное», физиологически кровное).

На сотню с лишним лет положения и схемы, выработанные Морганом, стали руководством и в работе полевых этнографов, и в кабинетном анализе собранных ими материалов, независимо от того, признавали Моргана исследователи или нет. Все другие этнографические сведения, не укладывавшиеся в моргановские выводы и схемы, рассматривались отдельно, как сопутствующие «институты» или «обычаи». Так оказалась обойденной вниманием вторая сторона классификационной системы родственных отношений — система социально-возрастного деления доклассового общества, игнорирующая физиологический принцип родственных связей. Нельзя сказать, что этому явлению совсем не уделялось внимания, по этому вопросу существует (хотя и не обширная) литература. Но само явление всюду рассматривается почти полностью изолированно от других социальных отношений, ограниченно приписывается только скотоводам, а попытки рассмотреть его в ключе кровного индивидуального родства настолько путаны по результатам, что снимают необходимость критического разбора этих сочинений. Иное дело с невольными заблуждениями Моргана и других ранних авторов. Морган просто не мог наблюдать действия возрастной системы (т. е. организующие и охраняющие ритуалы), она была полностью разрушена у сенека-ирокезов жизнью в резервате.

Но ее нелегко наблюдать и в реально действующем состоянии. Это была система фиксации подвижных прав и обязанностей членов доклассового общества, но не система локализации групп в их повседневной хозяйственной деятельности. Для постороннего глаза реально существующие группы социальных «сверстников» были невидимы, поскольку принадлежность к ним не обязывала селиться совместно, коллективно вести хозяйство и т. п. Реальное соседство определялось другими разнообразными причинами и необходимостью. Однако, современные полевые этнографы, подобно античным наблюдателям жизни варваров, видели перед собой соседствующие хозяйства («общины») и, прежде всего, старались отыскать внутренние связи именно локальной единицы или связи между локальными единицами, не подозревая возможности иной, более широкой и нейтральной к локальности, «самодействующей» системы социальной дистрибуции, системы, не дающей индивиду неизменного пожизненного социального статуса, привычного в логике цивилизованного общества — безразлично,

современного или античного. По этой причине она оказалась незамеченной античными авторами у варваров, и не им современная наука обязана утверждением, что у варваров-европейцев античного времени «господствовал родовой строй». Никто из античных авторов этого не говорил.

Рим столкнулся вплотную с северными варварами в пору полного расцвета своего могущества, но многое в их взаимоотношениях останется непонятным, если смотреть на Рим только с позиции событийно-политической истории.

В исторической науке Рим этого периода принято описывать в тех же категориях, в которых описывают европейские феодальные империи XVI–XVIII веков, отмечая только различие в основном способе производства. Для этого есть вполне реальные основания, и главное из них — наличие торгово-ремесленных городов. Но различия заключались не только в способе производства. Основой государственного бюджета поздней феодальной империи была система налогов, которые накладывались на все производящее население в пределах территории империи, и которые реализовались сложным и разветвленным фискальным аппаратом. Последними в эту систему вошли торгово-ремесленные города и крупные феодальные поместья. Налоговая система же римского центра управляла огромной империей античных торгово-ремесленных городов, но не касалась и не могла касаться ни рабовладельческого производства, ни этнических хозяйств на подконтрольной или «дружественной» территории периферии городов. Римская система налогов почти полностью была связана с торговлей, хотя богатство городов создавалось их ремесленным производством.

Без учета этой специфики не понять основ существования и процветания античной торговли и городов средиземноморского мира. Без «фона» этнических земледельческо-скотоводческих территорий, еще не достигших уровня ремесленного производства, античные города просто не могли бы существовать. Через торговцев и ремесленников из этнических территорий для городского производства поступало сырье: шерсть, шкуры, зерно и др. Их обменивали на некоторые изделия ремесленного производства, которые специально для этого и изготавливались. Ремесленные изделия, составлявшие материальную культуру самого города, ни в ближней, ни в дальней его периферии не находили сбыта. Даже так называемые «украшения», т. е. различные дешевые ювелирные изделия, которые в периферийных этносах использовались как знаки социального престижа, приходилось делать, сообразуясь с «варварскими вкусами». Последнее обстоятельство весьма снижает продуктивность археологических исследований в вопросе протяженности торговых связей городов, и иногда приводит к неверным выводам о существовании у этносов периферии соответствующего самостоятельного производства. Реальная картина много сложнее.

Периферийные доклассовые этносы с их медленно разрушающейся структурой внутренних связей не были в состоянии создать свое ремеслен-

ное производство, но варвары далеких территорий, не имевшие прямой связи с торгово-ремесленными городами, доклассовые общества с полноценной системой социальных отношений, смогли найти в своей среде контингент лиц, который освоил вторичную переработку опосредованно попадавших к ним (вероятно, порченных) медных и бронзовых изделий в необходимые — оружие, орудия труда, сосуды. Такими «умельцами» оказались «колдуны», в обязанность которых, наряду с организацией традиционных ритуалов, входила охрана и содержание священных мест, в том числе, изготовление ритуальной скульптуры и других предметов. Позже эти «колдуны» освоили ковку железа и его простейшее производство из местного сырья. Но, видимо, на фоне всего «натурального» производства материальной культуры этих этносов, производство металлических изделий долго оставалось «каплей в море». Вот к этим далеким варварским территориям, где необходимое сырье можно было получить самым выгодным образом, и стремились цивилизованные торговцы. Когда они проникали туда, их встречали мирно и гостеприимно, но, возвращаясь в цивилизованное общество городов, торговцы привозили рассказы, приводившие в ужас не только рядовых горожан, но и к властвующую знать. Дело было не в том, как описывались сами варвары и их быт. Ужас наводили сообщения о том, что время от времени там собираются огромные полчища воинов, которые вступают в сражения друг с другом; и в этих сражениях дикие воины, вооруженные дубинами и плетеными из прутьев щитами, проявляли необычайную смелость, мужество и силу. Не менее страшным казалось и полное отсутствие привычных и понятных торговому обществу причин в этих сражениях, что порождало представление о «природной склонности диких варваров к убийству и разрушению».

Этот ужас имел очень древние корни. Его время от времени испытывали обитатели ранних торговых колоний по отношению к варварскому населению территорий, отстоявших от города едва ли не на сотню километров; его испытывали жители окрепших торгово-ремесленных городов по отношению к варварам отдаленной периферии или к «незнакомым» народам моря; этот ужас был знаком и могучему Риму на границе II—I веков до н.э., этому, казалось бы, всеильному центру и владыке гигантской паутины торговых морских и сухопутных путей с немыслимым количеством больших и малых торгово-ремесленных городов в ее узлах. Причина столь непонятного обстоятельства заключалась в том, что Рим ни в политическом, ни в производственно-экономическом смысле не владел той территорией, по которой была раскинута эта паутина торговых путей. Обладая огромной властью в цивилизованном торгово-ремесленном мире, сосредоточив в своих руках финансирующий торговлю ростовщический капитал, сам Рим оставался столь же незащищен, как и за 200 лет до того, когда его чуть не взяли приступом варвары-галлы.

Могущество всех античных империй торговых городов имело эту слабую сторону. Около 1200 г. до н.э. в связи с почти полным прекращением морских торговых операций городов-метрополий на малоазийском и финикийском берегах (причиной которого была борьба хеттов и египтян, нарушившая функционирование сухопутных путей на восток), недовольные народы моря, объединив свои боевые силы, разрушили все города, начиная от Трои и до Сидона. Колонии не пришли на помощь своим метрополиям, они стали самостоятельными. Около 800 г. до н.э. некоторые из них оказались во власти Карфагена, бывшей колонии почти разрушенного Тира. В течение последней половины III века до н.э. Рим (и его «союзные» города по берегам Этрурии) дважды пытался сломить гегемонию Карфагена в морской торговле. Характерно, что каждый из противников отлично знал, в чем главная слабость врага. Победоносный Ганнибал шел к Риму, чтобы разрушить его и сравнять с землей. И не итальянские этносы спасли Рим, а предательская политика карфагенской торговой знати. В третьей войне Карфаген пал, но не отвага римских солдат была тому причиной (как об этом сообщают античные авторы), а то воинство варваров из отдаленной африканской периферии Карфагена, которому отводят скромное место римских союзников. Римляне стерли Карфаген с лица земли, чтобы отстроить его заново, когда колонии Карфагена оказались под их властью. Местоположение Карфагена обладало большой стратегической ценностью — он находился на границе двух торговых акваторий Средиземного моря. Последняя война с Карфагеном потребовала большого количества солдат, и хотя множество их погибло, победителей боялся сам Рим, который разослал легионы в свои отдаленные владения. Но для борьбы с воинством нумидийского вождя Югурты пришлось набирать новые легионы.

Однако, наибольший ужас, несравнимый даже со страхом перед Ганнибалом или Югуртой, Рим испытал в 105 г. до н.э., когда получил известие о появлении в Трансальпийской Галлии северных варваров — кимвров, тевтонов и амбронов. По слухам, их было 300 000 воинов, а также женщины и дети. Если допустить, что эти цифры достоверны, то следует предположить движение около 1 млн. человек через всю Германию и Галлию. Меня всегда удивляли сообщения античных авторов о различных численностях, а еще больше удивляло то спокойствие, с каким к этим данным относятся исследователи нашего времени.

Так, например, Цезарь сообщает, что галлов под предводительством Верцингеториха собралось 312 000 человек, и никого это не смущает. Под командованием Цезаря в это время было четыре или пять легионов, т. е. около 30 000 солдат. Как бы ни была велика разница в вооружении и дисциплине, сказался бы десятикратный численный перевес — но победа осталась за Цезарем. Цезарь был не только прекрасным стратегом, но и хитрым политиком, он, несомненно, собрал сведения о возможном коли-

честве воинов-галлов, но выдал это число за наличное. Можно рассмотреть его цифры, как приблизительную «точку отсчета». Если считать, что максимально мог быть воином каждый пятый из общего количества населения, то получится приблизительная численность населения древней Галлии — в 1 560 000 человек. Галлия по площади почти не отличалась от современной Франции с ее 46-ти миллионным населением. Стало быть, получается условная разница — в 36 раз. Можно по приблизительному подсчету подойти и с иной стороны. Общая площадь Дании, Франции, двух Германий и Италии составляет 1 251 000 кв. км., а население около 200 миллионов человек. В современном мире можно найти страну с приблизительно такую же площадью и с природно-хозяйственными обстоятельствами, мало отличающимися от таковых в древнем Европе — это Ангола. Площадь Анголы — 1 247 000 кв. км., а население — 4 550 000 чел.¹ Если сопоставить эти цифры, получится еще большая разница: почти в 50 раз. Таким образом, приблизительное население этой европейской площади будет около 4 670 000 чел., а по странам: Италия — 1 250 000 чел.; Франция — 1 600 000 чел.; Германия — 1 700 000 чел.; и Дания (откуда, как считается, вышли тевтоны и кимвры) — 180 000 чел. Иными словами, древняя Ютландия максимально могла иметь — 36 000 воинов. Откуда же могли взяться 300 000? Даже если по пути к Риму к ним присоединилось еще столько же, то и тогда их стало бы не более 70 000. Видимо, нет другого выхода, как отнимать от цифровых данных античных авторов один ноль, т. е. делить на десять.

Сейчас уже невозможно сказать, какая часть молодого населения древней страны покидала ее, когда обнаруживался недостаток хозяйственной площади. Во всяком случае — не все, кто мог работать или носить оружие. Если связывать такие обстоятельства с «правом трех братьев», то можно предположить, что в случае необходимости (т. е. не ежегодно) могло уходить на поиски нового места поселения около 2/5 от числа молодежи. От всего предполагаемого юношества Ютландии (36 000 чел.) — а там жили не только кимвры и тевтоны, но еще англы, варины и авионы; кимвров, тевтонов и амбронов могло быть около половины, 18 000 чел., а покинуть родину могли 3–4 тыс. человек (плюс, допустим, столько же жен и детей, всего 12 000 чел.).

Об этих варварах сохранились только краткие заметки у нескольких авторов. Первое пространное замечание принадлежит Цезарю (через полвека от события). Цезарь приводит сочиненную им в лучших латинских литературных и ораторских традициях речь Верцингеториха перед вождями собравшихся отрядов галлов. Цезарь уверяет своих читателей (а может быть — римский

¹ Данные на начало 1960-х гг. По оценке, в 2007 г. население Анголы превышало 18 млн человек. — *Прим. ред.*

сенат), что Верцингеторих, стараясь поднять мужество и стойкость своих воинов, будто бы говорил, что галлы возродились после страшного опустошительного нашествия полчищ кимвров и тевтонов, которые грабили и убивали по всей Галлии, но не поработали, подобно римлянам. Речь Верцингеториха была составлена Цезарем очень тонко и умно — все жители италийских городов были убеждены, что кимвров, тевтонов и амбронов было более 300 000 воинов, и он учитывал это, сообщая, что перед его легионами столько же воинов-галлов, он пугал Рим и одновременно возносил себя, приравнивая к Каю Марию, уничтожившему 50 лет тому назад страшных варваров и «спасшему» Рим. Возможно, что Цезарь разбил войско галлов в 10 или даже в 20 тыс. человек, но не в 300 000.

Тем не менее от этих записей Цезаря, как достоверное сообщение, во многие исторические работы современных авторов вошло представление о полчищах кимвров и тевтонов, опустошивших всю Галлию. Древнегреческий географ Страбон выражает сомнения по поводу того, что рассказывают о кимврах, а как пример своих сомнений приводит рассказ о большом приливе, который будто бы залил их землю, и сообщает, что часть их еще живет на Ютландском полуострове. Полуостров действительно низменный и болотистый, и сильное штормовое наводнение во время прилива могло прорвать прибрежную дюну и надолго затопить низину (такие наводнения и сейчас обычны осенью на низких берегах Дании и Северной Германии). По-видимому, так поняли эти рассказы незнакомые с чужой местностью галлы, в реальности же речь могла идти о недостатке пригодной для земледелия земли на низком, заливаем постоянным приливом западном берегу полуострова, где жили кимвры. Его путанное (со ссылкой на Посидония, греческого автора, почти современника событий) сообщение о пути кимвров открывает некоторую возможность предположить, как они шли на самом деле. Будучи жителями берега, они шли по берегу моря на юг, по пути к ним могли присоединиться «лишние» из амбронов и тевтонов. Не найдя места для поселения — кругом были те же условия, что и на их родине — они достигли Рейна, точнее, озера Флево (совр. Зюйдер-зее), и пошли по правому берегу реки вверх по течению. Так и не найдя места, они добрались до «богатых золотом гельветов» (совр. Швейцария) и переправились через Рейн у самого выхода его из озера, по той песчаной косе, где позже римляне установили свою постоянную переправу и укрепления. Здесь, вероятно, к ним присоединились «лишние» и из «богатых золотом» и землей гельветов. Далее, сообщает Страбон (по Посидонию), одни из них были уничтожены римлянами при подходе к Альпам, другие — за Альпами.

Наиболее пространное сообщение о кимврах и тевтонах записано Плутархом (через 120 лет после событий) в связи с биографией Кая Мария. Свое сочинение Плутарх составлял на основании записей предшественни-

ков, но главным его источником, по-видимому, были мемуары Луция Корнелия Суллы, который в молодости был участником уничтожения тевтонов, а в последующей политической борьбе в Риме принял сторону Лутация Катула, второго полководца в войне против варваров и политического врага Кая Мария. Отдав должное всем слухам об их численности, внешности, смелости и свирепости, а также и географическим заблуждениям Страбона о неизвестном Севере Европы, Плутарх подробно, в стиле записок Цезаря о сражениях с галлами или германцами, изображает военную деятельность Катула и Мария, и ту же тактику боя, которую описывал Цезарь.

Все это малоинтересно и однообразно, выделяется один интересный момент: Плиний сообщает о том, что варвары дважды просили земли для поселения. Эти просьбы — о разрешении поселиться, сообщения о таких намерениях, о захватах земли для поселения, о вызванных такими обстоятельствами сражениях варваров, о полученных разрешениях и т. п. — рассыпаны чуть ли не по всей античной литературе, но, затененные яркими «историческими» описаниями деятельности главных персонажей повествований, остались незамеченными исследователями истории и были окончательно забыты, когда в науке появилось чрезвычайно удобное представление о «Великих переселениях народов», по своей «доказательной» силе не вызывающее никаких вопросов. Это «всеобъемлющее» объяснение психологически понятно любому нашему современнику — все варвары (жившие когда-либо на земле) жили хуже, чем обитатели цивилизованных местностей и городов; они, естественно, стремились завладеть этими богатыми пространствами и осуществляли свою «мечту», как только слабела способность цивилизованных защищать свое «преимущество». Нет нужды винить историков — причина в односторонности письменных свидетельств. У варваров не было своей письменности и своих авторов. Долгое время считалось, что у них даже не было своей истории. Но история была, и история, по сути своей, более глубокая и интересная, содержащая непривычные для нас человеческие отношения и представления, история, несравнимая с той, которая уместается в однообразные перечни походов, сражений, завоеваний и «оснований государств».

Несмотря на обширные записи Цезаря и многочисленные замечания других авторов, труднее представить себе жизнь галлов, чем более варварских германцев. Несомненно, что галлы не были равномерно расселены по всей территории своей страны, т. к. много места еще занимали леса, преимущественно лиственные, в горах — хвойные. Заселены были долины рек, особенно крупных. Жили, видимо, маленькими селениями, но было некоторое количество более крупных, и менее укрепленных, которые Цезарь и Тацит называют «опидиями». Цезарево описание социальной структуры галлов — типичный пример античной традиции (возможно, даже «канона»)

описания другого народа. Цезарь говорит, что из всего населения Галлии два сословия («генера») являются благородными, а «плебеи» живут как «рабы», никто с ними не считается, их не зовут на совещания («консилио»). Одних благородных он называет по-галльски — «друидами», а других по-римски — «всадниками». Далее он описывает, в цивилизованных словах и терминах идеологические, судебные и наставнические обязанности друидов, говорит о главном друиде, что его избирают по смерти предшественника, а в случае нескольких претендентов дело решают оружием. О всадниках он сообщает, что они являются военной силой галлов (друиды не участвуют в войнах), что знатные и богатые из них имеют «слуг» и «клиентов».

Здесь можно заметить и некоторое отличие от римской структуры. Дело в том, что римские «всадники» не были военным сословием и названы так, вероятно, по аналогии со структурой греческих полисов. Римские всадники — это преимущественно торговцы, ростовщики, менялы и откупщики, судьи и мелкие чиновники. Возможно, в раннее время они были обязаны, по своей принадлежности к трибам и центуриям, предоставлять коней и конскую сбрую для легионов. Римская тяжелая пехота — *милиτες легионарии*, набиралась из римских граждан плебейского сословия, живших как в самом Риме, так и в других зависимых городах. В солдаты шли добровольно, им платили за службу частью из средств сената, частью за счет полководцев, они принимали участие в дележе военной добычи, а прослужившие до возраста «ветерана» (примерно 50 лет) могли рассчитывать на получение земли в специальных поселениях для ветеранов (обычно на месте длительно существовавшего зимнего лагеря легиона в отдаленных территориях). Ветераны сами не обрабатывали земли и не занимались ремеслами, у них были рабы.

В наше время широкое представление о римских плебейх сводится к понятию «презираемые и очень бедные люди», которое не соответствует реальности. Действительно, в Риме было несколько тысяч бедных плебеев, которые состояли на содержании, весьма скромном, у сената. Но обычно плебей имел одного-двух рабов, которые и кормили его своим трудом, были и богатые плебеи. Гражданское римское общество делилось на 30 триб по 10 центурий в каждой, независимо от сословного деления на патрициев, всадников и плебеев. «Центурия» в административном делении не обозначала «сотни» — это было некоторое число людей, которое в особых, угрожающих обстоятельствах было обязано выделить из числа своих плебеев центурию, т. е. сотню легионеров, первоначально со своим вооружением, позже они получали его от сената. Таким образом, максимальное римское войско было не более 30 000 легионеров, т. е. 10 обычных легионов или 5 полных — по 6000. Каждая триба давала по одному «военному трибуну» на тысячу солдат, из числа небогатых патрициев, реже из богатых всадни-

ков. Легкую пехоту, как правило, поставляли «союзники», т. е. жители зависимых городов, не имеющие римского гражданства. Конница (около 300 всадников, легион) была полностью наемной — из иберийцев, галлов, нумидийцев, германцев.

Структура легиона и максимальное число легионеров-римлян дают некоторую возможность приблизительно выяснить общее число римских граждан. Если считать, что около пятой части плебеев склонялась к военной службе, то получится около 150 000 плебеев. Всадников и патрициев вряд ли было больше от половины этого числа, т. е. всех могло быть около 200 000 чел. Рабов было больше — около 600 000 чел. Какая-то часть из этого числа римских граждан и их рабов жила в самом Риме, остальные — в других городах, многие рабы — в поместьях своих хозяев. В римском обществе всегда была часть рабов, находившаяся на положении «колонов» и «вольнотпущенников», т. е. полузависимых земледельцев и ремесленников. Можно подсчитать, что из всего предполагаемого населения античной Италии — 2 500 000 чел, «этнических италиков» было около 1,5 миллионов, если учесть и жителей «союзных» городов, и многочисленных «иностранных» торговцев и ремесленников. Эти 1,5 миллиона (или около того) были сельскими жителями Италии и Трансальпийской провинции, т. е. составляли тот контингент, который подвергался эксплуатации при помощи торговли. Можно ли их считать подданными Римской империи, а территорию их расселения — государственной территорией римского государства — вопрос сложный. Наравне с рабами, они не имели никаких гражданских прав или обязанностей. «Затянутые» в торговую политику римской цивилизации, они были нужны как ближайшие покупатели. По быту и внешнему облику они, вероятно, почти не отличались от римлян того же достатка; говорили на своих, несколько отличных «этнических» языках, но в городе могли говорить и по-римски. Их «этническая территория» была для Рима таким пространством, которое требовалось как буферная территория, чтобы иметь время подготовиться к защите самого города, а также, чтобы тем или иным способом отрывать от нее «куски» для поместий богатых граждан.

По текстам античных авторов можно заметить, что Рим боялся не только внешних врагов, но и солдат своих императоров. «Императорами», т. е. повелителями, провозглашали своих военачальников сами солдаты, а римский сенат мог соглашаться с этим званием или не соглашаться. Командующих легионами в отдаленных провинциях — проконсулов или пропреторов — назначал сенат, а кто выдвигал кандидатуры консулов и преторов, как высших римских гражданских чиновников — не совсем ясно. Возможно, что формально это делали трибальные или центуриальные комиции, т. е. «народное собрание», во всяком случае, избрание зависело от комиций. Но главное не это. Много любопытнее положение пропретора в отведенной

ему провинции (собственно «провинцией» сами римляне называли сначала Цизальпийскую Галлию, а позже и Трансальпийскую, прочие зависимые местности — по их названиям: Африка, Сицилия и т. д.; «римскими провинциями» их стали называть авторы исторических трудов). Римский пропретор, верховный начальник легионов и судья, вел себя в провинции как полновластный диктатор, и сами провинции очень напоминали те «государства», которые часто описываются в книгах по древней и античной истории: единовластный повелитель, его легаты и квесторы — «правители государства» с довольно определенной территорией с «подвластными племенами» (явно доклассовым местным этносом), подчиненными силой довольно внушительного и хорошо вооруженного, дисциплинированного воинства. Только одно не соответствовало этой картине: легионы содержались и вооружались римским сенатом или, как любил говорить Цезарь — «римским народом», и все, что ни делал повелитель, делалось от имени «римского народа». Риму и его городской торгово-ремесленной империи военные силы в провинциях были нужны, главным образом, для защиты интересов странствующих торговцев, особенно в тех местностях, где они начинали вести себя не совсем подобающим образом, т. е. чем-то нарушать традиции архаической торговли и вызывать соответствующую «реакцию» местного этноса. Другая обязанность претора и его легионов заключалась в том, что они должны были на дальних подступах охранять Рим от возможного «нашествия» варваров. Эти легионы в мирное время располагались в больших («зимних») лагерях, хорошо укрепленных («кастелла») и снабженных достаточным запасом оружия и провизии, вблизи которых находился и постоянный главный рынок. Много позже такие римские военные лагеря дали начало некоторым средневековым городам Франции, Бельгии и Германии. Конкретные этнические группы в Галлии, которым римляне дали то же название, что и общинам римских граждан в других городах — *цивитатео*, часто ссорились (возможно, из-за пахотных или пастбищных угодий) и враждовали, что открывало римским военачальникам (сначала в провинции, а потом и шире) возможность вести довольно простую политику: пропретор, как судья, по своему выбору определял «правую сторону», отправлял на помощь 2–3 когорты солдат, водворял «мир» и облагал данью в свою пользу (реже в пользу «пострадавшей» стороны) нарушителей спокойствия. Все это не составляло особого труда — перед римскими отрядами в 500 или 1000 вооруженных солдат оказывались 200–300 жителей группы небольших селений (*пагос*) в одном месте, затем в другом... и т. д. Хуже было, когда «миротворцы» сталкивались с многочисленным отрядом юношей-воинов. Происходили сражения, из которых римляне не всегда выходили победителями. Как правило, античные авторы причиной таких выступлений считают «воинственность» варваров и их «прирожденную склонность» к набегам и грабительству, к захвату чужой территории. Вот

прекрасный пример из «Записей Цезаря» о начале его деятельности в провинции:

«У гельветов первое место по своей знатности и богатству занимал Оргеториг. Страстно стремясь к царской власти, он, в консульство М. Месаллы и М. Писона, вступил в тайное соглашение со знатью и убедил общину выселиться всем народом из своей земли: так как гельветы, говорил он, превосходят всех своей храбростью, то им не трудно овладеть верховной властью над всей Галлией. Склонить гельветов для него было тем легче, что по природным условиям своей страны они отовсюду стеснены: с одной стороны, весьма глубокой и широкой рекой Рейном, которая отделяет область гельветов от Германии; с другой — очень высоким хребтом Юрой — между секванами и гельветами; с третьей — Леманнским озером и рекой Роданом, отделяющей нашу провинцию от гельветов. Все это мешало им расширить район своих набегов и вторгаться в земли соседей, как люди воинственные они этим очень огорчались. Они полагали, что при их многолюдстве, военной славе и храбрости им было слишком тесно на своей земле, которая простиралась на двести сорок миль в длину и на сто шестьдесят в ширину» (Книга первая, 2).

«...должно было состояться, по постановлению их народного собрания, поголовное выселение. Оргеториг взял на себя посольство к общинам. Во время этой поездки он убеждает секвана Кастика, сына Катаманталеда, который много лет был царем секванов и имел от нашего сената титул «друга римского народа», захватить в своей общине царскую власть, которая раньше была в руках его отца; к такой же попытке он склоняет и эдуа Думнорига, брата Дивитиака, который в то время занимал в своей общине высшую должность и был очень любим простым народом. За Думнорига он, кроме того, выдает замуж свою дочь. Оргеториг доказывает им, что эти попытки легко осуществимы, так как он сам должен получить верховную власть в своей общине, а гельветы, несомненно, самый сильный народ в Галлии; он ручается, что при своих средствах и военной силе обеспечит им царскую власть. Под влиянием подобных речей они дают друг другу клятвенные обязательства и надеются, что после захвата царской власти они овладеют всей Галлией при помощи трех самых сильных и могущественных народов» (Книга первая, 3).

Эта довольно длинная цитата интересна с нескольких точек зрения. Прежде всего, она в полной мере характеризует то, как не только Цезаря, но и вообще античных авторов переводят на современные языки, в частности, на русский. К сожалению, именно этот отрывок я не видел в подлиннике, но по аналогии с другими частями текста (не только у Цезаря, но и у его продолжателей, и у Тацита) можно, например, сказать, что за словами «царская власть» скрывается право верховного военного вождя, титул которого фиксировали словом «рекс», а обычного — словом «дук». «Народное собрание»

фикси́ровалось либо словом «консилиум», либо совсем по-римски — «коммиции»; «общины» — так же, как назывались римские граждане, живущие в других городах — «цивитатес», «народы» — «нации». Это далеко не придирка к переводу: лучше сохранять античное звучание этих социально-значимых слов, чтобы не было впечатления «почти современности», чтобы текст заставлял задуматься над смыслом реальной действительности, отношений, обстоятельств, которые вовсе не похожи на ассоциации по хорошо знакомым словам. Придирка тоже есть, но она совсем иного рода: вряд ли хорошо одни названия переводить (например, Рейн, а не Ренус), а другие оставлять (Родан, а не Рона) или, как в переводе академика М. М. Покровского, писать немецкое слово «верк» вместо совершенно тождественного русского «оружение».

Разумеется, то, что стилистически перевод текста самого Цезаря не отличается от текстов его продолжателей, нельзя ставить в вину переводчику — это под силу только талантливому писателю. Интересен приведенный отрывок и по своему содержанию, интересен с двух сторон: как образец «принципа записи» Цезаря и как образец античной записи о варварах. Но, чтобы понять это, необходимо учесть, что здесь отразились три стороны личности Цезаря — солдата, политика, писателя. Как писатель, он не мог излагать обстоятельства и события иначе, как через свою личную «авторскую» призму ощущений. Это неизбежно у любого писателя, о чем бы и о ком бы он ни писал, как бы разнообразно он ни описывал своих героев, пейзажи, события — во всем останутся его понятия, его чувства. По этой причине Цезарь пишет о «первом месте по богатству и знатности», о «страстном стремлении к царской власти», излагает намерения гельветов как стремление захватить чужую территорию, как намерение овладеть «всей Галлией». Как солдат, он помнит, что гельветы «убили консула Л. Кассия, разбили его армию и подвели ее под ярмо», он точно знает, что гельветы могут пройти в провинцию только двумя путями, что Родан в некоторых местах можно перейти вброд, он сообщает, что его первым делом была постройка длинного вала в месте наиболее вероятного движения гельветов. Он сразу начинает набирать новые легионы к тем, которые ему дал сенат, но здесь он одновременно проявляет себя и как политик (Книга первая, 6, 7, 8, 9, 10).

Специалисты утверждают, что «Записки о галльской войне» составлены Цезарем по его же систематическим отчетам сенату и для того, чтобы убедить в этом, нет необходимости иметь указания современника, это видно по самому тексту. Уже по приведенной цитате видна сложная политическая линия Цезаря. Цитата относится к самому началу его деятельности в провинции, и Цезарь излагает обстоятельства таким образом, и в таких выражениях и терминах, что сенату трудно отказать ему в разрешении набрать дополнительные военные силы к положенным для охраны провинции че-

тырем легионам. В действительности новые легионы были нужны Цезарю для выполнения личных целей и намерений, но он не был богат, и до заключения договора с Кнеем Помпеем и Марком Крассом о триумвирате (что открыло Цезарю возможность пользоваться деньгами богача Красса) нуждался в материальном обеспечении от сената. Эта специфика изложения, т. е. преувеличение опасностей и трудностей, обвинение противника в «глобальности» намерений, подробное изложение «подлинных» обращений супротивных вождей к своему воинству или к народу и пр., первоначально предназначалась сенату (позже, с незначительными изменениями — римскому читателю), но со временем цель Цезаря менялась, и главным становилось «успокоить» сенат, и Рим вообще, относительно непрерывного увеличения численности военной силы, находящейся у него в распоряжении.

За 6 лет деятельности в Галлии Цезарь набрал армию в 11 легионов, т. е. около 50000 тяжеловооруженной пехоты, около 4000 конницы и множество легковооруженных воинов-союзников. К этому времени все это воинство Цезарь содержал на свои средства. В специальной литературе по политической истории Рима почти не обращается внимания на главную статью доходов проконсулов и пропреторов, властвовавших в отдаленных владениях Рима, а между тем, все они были крупнейшими работорговцами. Торговали рабами они не в розницу, а оптом: они продавали обычным работорговцам основную свою добычу — пленников, частью плененных воинов, но главным образом — захваченных жителей разгромленных мирных селений. И Цезарь тоже был оптовым работорговцем, как и его легаты, квесторы, центурионы и даже солдаты — каждый в меру своей доли военной добычи. Весьма вероятно, что еще до Цезаря римские торговцы приучили и туземных, т. е. галльских, военных вождей продавать военнопленных, но упоминания Цезаря о рабах и зависимых у знатных галлов — недоразумение, вызванное тем, что некоторые формы подчинения свойственны и доклассовому обществу. Может быть, это просто привычная формула записи, ведь описывал же Цезарь подготовку гельветов к «переселению» как обычный для римского общества политический заговор, такими же выражениями, тем же порядком следования событий. Кстати, подробный рассказ Цезаря о его войне с гельветами полон противоречивых сообщений, и в целом выглядит скорее литературным произведением с массой сложно перепутанных сведений, лиц, народов, изобилующий «речами» к Цезарю и т. п., нежели изложение событий участником. Общий смысл сводится к тому, что Цезарь с 3 или 4 маршевыми легионами (около 15–18 тыс. пехоты и 4 тыс. союзной галльской конницы) привел к покорности 368 000 гельветов, из которых осталось 110 000 чел. (почти так же, как и Кай Марий разбил более 300 000 кимвров и тевтонов). Сведения о 368 000 чел. будто бы были получены из найденного в стане гельветов списка, составленного по-гречески. Здесь же Цезарь сообщает о том, что гельветы и другие галлы

постоянно воюют с германцами, которые переходят Рейн, то в качестве чьих-либо союзников, то с целью поселиться, и бесчинствуют на земле галлов. Так Цезарь оправдывает свое продвижение по левому берегу Рейна и подчинение расселенных на нем белгов.

Все эти сообщения мало правдивы и мало интересны, но они приобретают особый смысл, если посмотреть на изложенные события со стороны туземного населения Гельвеции, Галлии и Белгики, с точки зрения доклассовых обществ этих территорий. Цезарь делит всю Галлию на три части: «В одной из них живут белги, в другой — аквитаны, в третьей — те племена (в подлиннике слово «племена» отсутствует), которые на их собственном языке называются кельтами, а на нашем — галлами. Все они отличаются друг от друга особым языком, учреждениями и законами. Галлов отделяет от аквитанов река Гарумна (Гаронна), от белгов — Матрона (Марна) и Секвана (Сена)... Та часть, которую, как мы сказали, занимают галлы, начинается у реки Родана (Рона), ее границами служат река Гарумна, Океан и страна белгов; но со стороны секванов и гельветов она примыкает также к реке Рейну. ...Аквитания идет от реки Гарумны до Пиренейских гор и до той части Океана, которая омывает Испанию» (Книга первая, 1).

На первый взгляд может показаться, что перед нами строгая и четкая этногеографическая картина Галлии, не вызывающая никаких сомнений — но это только на первый взгляд. На самом деле, это только «карта», составленная Цезарем-солдатом, для которого «границей» любого пространства оказываются, прежде всего, реки, очень серьезные препятствия для движения войска. Легионы на марше — это не только колонны пехоты с конницей в авангарде и арьергард, здесь и огромный обоз с продовольствием и запасным оружием, с кузницей, военными механизмами того времени и другим, необходимым и в походе, и в лагере имуществом. А между тем именно на переправе через большую реку легион наименее боеспособен, даже если переправа идет вброд. С другой стороны, если движение идет вдоль реки, а река судоходная, она может оказаться очень полезной. Но для местного населения никакая река, озеро и (при некоторых природных особенностях) морской пролив, и само море, никогда не были разграничивающими препятствиями (если не считать современные государственные границы, когда по разным причинам — политическим или торгово-пошлинным — просто запрещают движение по реке). Более того, реки и берега морей были древнейшими путями заселения лесистых пространств, а вся Европа времени Цезаря еще была покрыта лесами. Наиболее густонаселенными местами были долины больших рек и их притоков и берега морей, причем на каждом отрезке речной долины оба ее берега населяли люди, принадлежащие к одной этнической группе. Такая картина расселения еще и теперь характерна, например, для лесных районов экваториальной Африки. Но сведения, составленные в манере Цезаря, легче

воспринимаются нашим современником, они гармонируют и с системой современных государственных границ, и со школьным изложением географии, и с привычными «историческими картами», где вообще не учитываются другие природные обстоятельства, кроме рек и гор, а «пространства» между ними абстрактны и удобны для нанесения надписей.

Таким образом, за этой четкой записью Цезаря скрывались совсем иные обстоятельства. Прежде всего, реки — не этнические границы, хотя, несомненно, они фиксируют наиболее крупные этнические деления (как далее приводится в тексте, и мелкие, и совсем мелкие — территориальные). Древние белги — это не современные бельгийцы, так в совокупности назывались несколько этнических групп (каждая со своим названием) германцев, населявших левый берег Рейна от начала его среднего течения и до устья. Правый берег также был заселен этническими группами германцев со своими названиями. Долина Рейна была освоена давно, обладала плодородными аллювиальными почвами, и не удивительно, что населявшие ее отдельные мелкие этносы часто ссорились и воевали, — было тесновато в хозяйственном отношении, так как долину окружали леса. Это была обычная жизнь этносов того уровня развития, когда основу экономики уже составляет активное сельское хозяйство, но еще не настолько развитое, чтобы широко сводить леса. И все это не дает оснований считать реку Рейн этническим рубежом между большими этносами.

Далее на север, также по долинам притоков Рейна и других крупных рек с их притоками, жили менее развитые германские народы, а на юг (по речным долинам) — народы больших кельтских этносов, галлы и аквитаны с их мелкими делениями. Цезарь упоминает только те, с которыми приходил в соприкосновение, и не всегда его записи в разных главах достаточно четки. Можно привести из записей Цезаря очень хороший пример, характеризующий принцип развития описательной географии: одна из этнических групп галлов, контактная с Провинцией, называлась секванами, Секваной же названа и река, в истоках которой они жили, т. е. одно и то же слово в нескольких грамматических формах обозначало пространство, важную топографическую «деталь», и группу людей, связанных между собой более тесными отношениями, чем с такой же соседней группой, обладающей своим таким же «словом». Но писатель обычно простирает то «слово», с которым он знакомится в первом контакте, далеко за пределы его местного применения. Так, например, получается географическое имя реки Сены (Секвана — место расселения секванов, название отрезка реки в этой местности) от истоков до ее устья, хотя секваны не были единственной этнической группой, заселявшей всю долину.

Множество следов подобных ситуаций можно отыскать на географических картах и в географических описаниях, где в качестве «важной топографической детали» выступают не только реки, но и горы, озера, боль-

шие лесные массивы, болота и т. п. И нет надобности выяснять, происходит ли «слово» от названия народа или от места, или от «топографической детали» — исходное «слово» объективно нечленимо, его конкретная семантика ситуативна. Все это приходится помнить, чтобы избежать гипнотического действия небрежно составленных исторических карт и схем, «дословных» переводов старинных текстов и цифровых данных (без анализа причин их фиксации), если иметь желание «проникнуть», насколько это возможно, в далекую реальную ситуацию. Также получается и естественный вывод, что представители менее развитых этносов не могли понимать те или иные обстоятельства так же, как понимал их пишущий римлянин, солдат, политик и пропретор Провинции (а в принципе — любой писавший римлянин или грек).

Этносы смотрели на все с позиции своих исторически сложившихся представлений, и, естественно, подобно авторам античных текстов, переносили на представителей цивилизации свои понятия и представления, возможно, отдавая себе отчет в некоторых отличиях, во всяком случае — в превосходстве материальной культуры. Так, есть все основания предполагать, что пропретор Провинции, в распоряжении которого имелись, например, 4 легиона (т. е. 15–20 тыс. солдат), представлялся верховным («великим» или «старшим») военным вождем с большим воинством («юношами»), под контролем («под властью») которого находилась территория Провинции, что подразумевало право этого вождя и его воинства получать, по традиции, пропитание и фураж, металл для оружия, ткань и кожу для одежды и др. (т. е. все то, что в поздних исторических сочинениях именуется «данью»). За это право на вожде и его воинстве, куда охотно шли юноши этноса (конница, легкая пехота, лучники — те, кого античные авторы обычно называют «союзниками»), лежала обязанность защищать эту этническую территорию от враждебных нападений соседей. Следует сказать, что подвластная вождю и его воинству территория, по сути самого этно-исторического явления «военной власти» в позднем доклассовом обществе, не была и не могла быть территорией расселения одного конкретного этноса, и сами этносы подвластной территории (т. е. полновозрастные, невоюющие уже родственники юношей, составляющих воинство вождя) не подвергались никаким другим (кроме сбора «дани») воздействиям со стороны вождя и воинства; как и те, в свою очередь, не оказывали и не могли оказывать никакого влияния на намерения воинства расширить подвластную территорию, совершить набег на соседей с целью «собрать разовую дань» на чужой территории, поскольку доклассовый этнос — не государство, военный вождь — не правитель, его воины — не сословие, а возрастная категория, как и «мирные жители». А те факты, что под властью выдающегося военного вождя и его воинства, собиравшегося из юношей нескольких небольших этносов на срок его статуса (7–8 или 10, 12 лет)

оказывается довольно обширная территория, нисколько не меняют существа обстоятельств этнической действительности. Если новый вождь оказывается менее способным, подвластная территория либо сокращается, либо исчезает, т. е. распадается на части, которые входят в состав других аналогичных территорий. Если новый вождь оказывается талантливым воителем, подвластная территория может принять огромные размеры, а в воинстве такого вождя будут проходить «экзамен на зрелость» не только юноши этой обширной территории, но к нему будут стремиться воины из всех мест, куда дойдет его слава. Получается, что и сама эта обширная подвластная территория образуется не столько вследствие военных побед, сколько под действием славы победоносного вождя. Говоря иначе, численно растущее воинство естественно, по традиции, расширяется, и право получения содержания (как и обязанность охраны) распространяется на те этносы, откуда приходят воины-юноши. Если в соседстве появляются два великих вождя, этническая традиция требует выяснения преимущества одного из них. Это достигалось либо единоборством вождей, либо сражением «избранных» во главе со своими вождями, либо сражением двух воинств (это были те самые сражения, поводы и причины которых были совершенно непонятны странствующим торговцам цивилизованного общества, привыкшим видеть во всем материально-утилитарные основы; рассказы о таких битвах создали миф о природной склонности варваров к войнам и грабёжам). В действительности эти сражения могли быть и почти бескровными, и страшно кровавыми — все зависело от того, что требовала в данных этно-социальных обстоятельствах от юноши-воина этническая традиция. В «нормальных» обстоятельствах было необходимо только проявить искусство владения копьем (луком) и щитом, но во время ощущения обществом начинающейся перенаселенности требования ужесточались, становилось необходимым убивать «врага», проявлять презрение к ранам и смерти, стать «героем», чтобы заслужить посмертную славу или право на брак и традиционные занятия полноправного (полнолетнего) члена общества. В известных случаях победители обретали эти права на этнической территории побежденных (на «подвластной территории»), что вовсе не нарушало обычной ее жизни, поскольку не принцип кровного, индивидуального происхождения лежал в основе внутриэтнических градаций, а возраст, — это делало безразличным происхождение тех, кто станет мужьями местных дев (важно, что ими будут «герои-победители»), кто будет далее трудиться на этой территории. Возможно, что поражение воинства, «властвовавшего» на данной территории, т. е. тех, кто должен был защищать ее от «врагов», и не вызывало у ее невоинского населения чувства утраты и горечи (хотя понять это сейчас и чрезвычайно трудно из-за кажущихся вечными понятий современности: «мой сын», «наши воины», «наша смена»), поскольку мужьями местных дев все равно ока-

жутся «герои-победители», от которых, для соблюдения традиции, требовалось только быть, по «классификационной терминологии родства», «сыновьями» «сестер» «отцов» невест.

Все это будет более понятным, если учитывать, что доклассовый этнос — это не государство, что все его внутренние и внешние отношения и связи были явлениями совершенно иного характера, что в реальности ни между локальными частями большого этноса, ни между этносами не было «границ», т. е. резких контрастных переходов в хозяйстве, обычаях, материальной культуре, в социальной структуре, в идеологии и языке. Древние «этнические границы» — это не более как «разряженности» частоты контактов между локусами их «густоты». Причины появления и изменения реальных «этнических границ» любого уровня в далекой архаике невозможно определить сегодня, и «модель» этих процессов в некоторой степени похожа на «веревку, рвущуюся от своей длины», на бесконечное рассыпание и слияние шариков ртути. То, что сейчас может казаться причиной этнического разграничения (например, реки), могло быть, напротив, причиной увеличения плотности контактов локальных групп. Следует также учитывать, что этнически воины-юноши не все время своего возрастного статуса проводили в сражениях и набегах; в «мирное» время они пасли скот, вырубали деревья на рощистях и на дорогах — но эти их деяния совсем не попадали в записи античных авторов и, как многое другое о древности, может быть «реставрировано» только на основании материалов современных этнографов о недавнем прошлом колониальных народов, находившихся в природных, хозяйственных и социальных условиях, близких к жизни архаических варваров. И только затем можно отыскать следы этого в древних эпических произведениях — но, естественно, в эпическом «оформлении». Подвиги Геракла — прекрасный пример эпического изложения занятий и поведения статуса юношей. Прежде всего, могучий герой подчиняется воле старшего, далее — истребляет диких свиней, обычно пожирающих посевы, без страха охотится на хищных, сильных и крупных зверей, угоняет чужой скот, чистит конюшни (здесь поздняя эпическая традиция объединяет в одно два занятия: очистку стойл от навоза и проводку воды для орошения поля, считая, вероятно, что герой с навозными вилами в руках — фигура непрезентабельная), кроме этого, он воюет и ходит в далекие походы и делает еще массу дел — и все это не для себя (в нашем современном понимании), а по капризной воле богов, т. е. по неукоснительному требованию традиции. Другие эпические герои ведут себя аналогично: по чужой воле плывут в далекое море, пашут поле на быках, крадут невест, объезжают диких коней, убивают страшных зверей и т. п. Любая дошедшая до нашего времени эпическая традиция прошла многовековой путь социально необходимых изменений и литературных переработок, но и простые, исходные этно-социальные «мнемоники» ста-

вили перед юношами «задания» в максимально трудной форме, выполнение которых удавалось немногим. Вот такие индивиды и становились вождями-руководителями следующих групп юношей.

Но в архаическом обществе степень выполнения индивидом любого элемента «экзамена на зрелость» объяснялась не в наших категориях понятий, не как присущие этому индивиду природные и приобретенные способности, а как то или иное количество «аккумулируемой» в нем некоей, ничего не создающей, но все меняющей и движущей «силы» или «причины», находящейся всюду. В случае очень большой «аккумуляции» ее в одном человеке (любом предмете, животном, природном явлении) обладатель ее считается способным не только сам что-либо делать с максимальным результатом, но и положительно влиять на действия других людей, находящихся поблизости. Вот этими представлениями архаического общества и объясняется главная причина того, что юноши из разных локальных этнических групп стремились пройти выучку у прославленного («великого») вождя. В поздних вариантах эпоса эта «сила» заменилась волею и капризами богов, но в этнографических записях иногда встречаются и прямые свидетельства такого представления. Все это является достаточным основанием считать, независимо от того, в каких выражениях и какими словами описывают античные авторы отношения варваров к цивилизованным и к самой цивилизации, что варвары архаической Европы смотрели на римских солдат и их военачальников, прежде всего, не как на поработителей (доклассовое общество могло, вследствие различных обстоятельств, иметь представление об индивидуальном рабстве, но не о рабском состоянии целых этносов) или завоевателей в современном значении этого слова. Они, несомненно, видели в их действиях нечто, аналогичное привычным явлениям своей жизни, в которых не исключались, в определенных обстоятельствах, и грабежи, и убийства, и разрушение селений, и мирные или насильственные поселения бывших воинов на чужой территории. Так, Цезарь, после своей победы в сражениях с желающими переселиться геллветами, несомненно, приобрел славу победоносного вождя; после его войны со столь же победоносным вождем германских воинов, Ариовистом, в глазах многих этносов Цезарь сделался великим вождем. Теперь у него не было недостатка в «союзниках», и свои легионы он легко мог пополнять (хотя прямо он об этом не упоминает) из галльских этносов. Великая воинская слава Цезаря открывает ему возможность без серьезных сражений пройти весь левый берег Рейна до самого его впадения в море, но, тем не менее, Цезарь часто вмешивается в сражения местных вождей (как левобережных между собой, так и правобережных), что он описывает как войны между малыми этносами. Это ему необходимо не для поддержания мира и порядка (как великому вождю, ему подвластны все местные вожди и их воины), а чтобы не иссякал источник военнопленных и пленников вообще для продажи в рабство.

Любопытно, что всякий раз, когда Цезарь, по политическим надобностям, был вынужден покинуть Галлию и задерживаться в Риме, происходило то, что он сам и последующие античные авторы описывали как «восстания», «нарушение договоров», «предательства» и «подстрекательства» местных вождей. Современные специалисты обычно видят в этом выступления народов (или отдельных выдающихся их представителей) против римлян-угнетателей и поработителей. Но, видимо, все обстояло иначе, если смотреть «от аборигенов». Удалился великий вождь, которому местные юноши-воины и их обычные вожди повиновались согласно архаической традиции. Остались его легаты (Цезарь в Галлии, пренебрегая обычными требованиями сената, не ставил во главе легиона полагающихся по закону военных трибунов, а поручал командование легионами и на марше, и в гарнизоне на «зимних квартирах» выбранным им самим легатам, или «друзьям»), которые, в глазах этноса, были не более как обычные вожди. Из этого следовало, что любой «этнический» вождь с отрядом своих юношей-воинов (которые не по численности, а, скорее, по ощущению своей доблести, могли счесть какой-либо римский гарнизон достойным противником), независимо от того, как на это смотрела не-военная часть местных жителей, считал необходимым совершить набег на римлян или осадить их лагерь. Более того, он не мог отказаться от набега, если таково было желание его воинства. Записи Цезаря и других авторов свидетельствуют о том, что далеко не всегда победителями в подобных ситуациях оказывались римские солдаты, но обычно экстренное возвращение Цезаря в Галлию быстро водворяло «мир».

Есть в этих архаических представлениях еще одна своеобразная деталь, которую по-разному понимали цивилизованные и варвары. Возможно, что и Цезарь (как и другие прославленные воители Рима до и после него) не знал этого. Архаическая традиция считала прославленного многими победами великого вождя не только непобедимым (пока в нем находилось должное количество «магической силы»), но и неуязвимым оружием простого воина (которым он сам, естественно, владел с исключительным искусством). Это архаическое представление можно обнаружить почти в любом эпическом произведении — например, в Илиаде, в том, что каждому непобедимому герою с одной стороны всегда имеется с другой соответствующий ему по «рангу» герой, а победа одного из них в единоборстве всегда (хотя и по-разному) приписывается вмешательству богов. Простой воин, столкнувшись в битве лицом к лицу с «непобедимым» и «неуязвимым», ощущал ужас, понимал «бессмысленность» своих действий и обращался в бегство (Цезарь, например, своим личным вмешательством-примером в схватке в трудный момент неоднократно резко менял ход событий). Но в этом представлении таилось и совсем другое — воинство, уже одержавшее победу, но потерявшее в этот момент вождя, бросало оружие и в

панике разбегалось, поскольку оно лишалось (по своим понятиям) его «победоносной тени». Иногда, пока в этнической традиции сохранялось «требование» во что бы то ни стало сохранить тело погибшего вождя для надлежащего погребения, битва опомнившихся воинов за тело вождя восстанавливала положение вещей, и окончательная победа считалась результатом действия «магической силы», оставшейся в мертвом великом воителе. Видимо, над такими героями и насыпали высокие курганы, т. е. по-своему «хранили» для общего блага этот «остаток магической силы».

Что же касается отношений между юношами-воинами, их вождями и старшей, невоюющей частью, «подвластных» этносов, то они основывались не на понятной нам сейчас «защите мирного населения», а на том условии, что наличие на той или иной территории великого военного вождя не только приносило победы его воинству, но и положительно («магически») влияло на все обычные дела и обстоятельства. Так же воспринималось наличие кургана или иного надгробного сооружения над телом великого вождя. Среди помощников Цезаря были и способные воители (Корнелий Лентул, Марк Лициний Красс-сын и др.), которым он доверял командование несколькими легионами. Одерживая победы, они также приобретали известную славу у галлов, но она не могла сравниться со славою самого Цезаря. Она достигла высшей точки уже тогда, когда Цезарь кольцом своих побед (гельветы, белги, батавы в устье Рейна; галлы на берегу Океана) окружил центральную Галлию, а после победы над Верцингетерихом, вождем воинов «непокоренной» части галлов, стала в глазах всех этих этносов абсолютной.

Если верить словам Цезаря, то в каждом решающем сражении он разбивал войско варваров в 300 или 400 тыс. человек, т. е. в общей сложности — около 1,5 млн воинов, что, по приведенному ранее условному подсчету, приблизительно равно всему вероятному для того времени населению Галлии, Белгии, Аквитании, Провинции, имея в своем распоряжении около 60 тыс. легионеров (союзники в счет не идут, они галлы, белги и др.). Если допустить условное предположение, что воином мог быть каждый пятый из общего числа жителей, то их число у варваров всех этих этносов было не более 300 000 человек. Хороший стратег и тактик, каким, несомненно, был Цезарь, поочередно действительно мог одолеть это воинство, но удержать за собой все подвластное пространство даже искусным размещением 5–6 гарнизонных легионов вряд ли было возможно. Перед 30 000 рассредоточенных легионеров оказались бы как минимум, 100 000 оставшихся в живых юношей, и к ним могли присоединиться около 200–300 тысяч «женатых воинов» (в традиции доклассовых обществ обнаруживается еще одна категория воинов, которые, в отличие от юношей, постоянно находящиеся в боевой готовности, идут в поход при особых обстоятельствах, иногда имея своего вождя). Но «завоевание» Цезарем всей Галлии,

по-видимому, не представлялось туземцам-варварам «особым обстоятельством» такого характера. Напротив, появление величайшего вождя с непобедимым воинством в известной мере обезопасило более развитые этносы в долине Рейна и в Галлии от участвовавших набегов воинов «диких» лесных германцев, которые у Цезаря, Тацита, Плиния и более поздних авторов получили название «свевов» или «свебов» (в текстах встречаются и названия отдельных их этносов).

Однако, во всей этой сложной ситуации довольно четко вырисовываются представления и действия Цезаря, как римского военачальника, овладевшего Галлией и обеспечившего римским торговцам безопасную широкую торговлю на этой территории. Цезарь дважды переходил Рейн и пролив между материком и Британскими островами, но не считал возможным закрепитесь в этих пунктах. Водная преграда за спиной гарнизона ставила таковой в невыгодное положение, обрекая на непрерывные нападения, независимо от мирного отношения невоющего населения. Таким образом, Цезарь очертил, как границами, Рейном, атлантическим берегом и Роной некоторую территорию, где был признан великим верховным военным вождем и которой управлял в течение 6 лет в качестве пропретора римского сената.

Как известно, сенат был доволен деятельностью Цезаря в Галлии, но, боясь его военного могущества, ультимативно требовал его возвращения к частной жизни в Риме. Можно оставить в стороне борьбу политических партий в Риме и в его зависимых городах — это тема из области событийной истории Рима. И задать нелегкий вопрос: «Как определить, с позиции этно-социальной истории, что же такое завоеванная Цезарем Галлия?» Это явно не государство, поскольку коренному населению ее (более 1,5 млн человек) было еще далеко до классового расслоения (и нет никаких оснований называть и считать друидов, «всадников» и «плебеев» сословиями, хотя не так просто определить в привычных понятиях, что это такое — мало сведений). До понимания и ощущения населением Галлии всесторонней эксплуатации и угнетения Римом оставалось еще три-четыре столетия — до момента, когда рейнские и зарейнские германские воины уже не встречали сопротивления со стороны галлов, а сам Рим уже не мог остановить их стремительного продвижения.

Всплывает и другой, не менее трудный вопрос: «Кто был инициатором похода на Рим, сам Цезарь или его легионы и союзники?» Событийно-политическая история, безусловно, считает инициатором Цезаря, полагая за ним абсолютное полномочие. Но воины, в том числе и те, кто был из римских плебеев — не рабы, и чем больше их собрано, чем дальше они от римских стен, тем ближе они к самоощущению варварского воинства юношей со всеми его характеристиками и понятиями. У стен Рима жесткая дисциплина и возможность жестокого немедленного наказания за малейшее

неповиновение (ситуация, понятная нашему современнику), действительно, делали положение римского солдата весьма близким к положению раба. Но вдали от Рима, видимо, неизбежно возрождались более древние, архаические представления, тем более, что для части воинства, происходившей из варваров, они были единственно понятными. Тонка и неуловима линия, отделяющая огромное римское войско под командованием пропретора Галлии — Кая Юлия Цезаря, римского гражданина и патриция, от непобедимого Цезаря — великого вождя многоэтнического «архаического» воинства. Воля этого бесчисленного воинства сильнее всякой дисциплины, отказ великого вождя повиноваться ей, т. е. отказ отдать ему свою «непобедимость», равносильна смерти. Возможно, что желания Цезаря и его воинства совпадали (хотя цели, несомненно, были различными), — как бы то было, выбора у него не было, он достиг такого положения, когда должен был идти и побеждать, побеждать и побеждать. Его воинству, в сущности, было безразлично, куда идти — но только туда, где его ожидала победа и богатая добыча, ибо уже не могло быть и речи о традиционной «дани» на своей этнической территории (т. е. полагающегося юным воинам продовольствия и т. п.), их количество качественно изменило традицию, их поведение, возможности, стремления. И велик гений Цезаря, если ему удалось направить эту стихийную силу туда, куда влекли его собственные политические интересы.

Не менее удивительно и то, что, непрерывно приводя в повиновение город за городом, ему до самой Александрии удавалось удерживать своих воинов от прямого грабежа и разрушений. Объяснить возможность этого можно, только исходя из сложного состава его огромной армии. Римские граждане-солдаты повиновались ему как римлянину, принимая его сторону в политической борьбе (отсюда и название событий — «гражданская война»): варвары-воины какое-то время были еще молоды, им не пришлось время обзаводиться «имуществом» и престижными трофеями для последующей мирной жизни, а сдающиеся города изобильно снабжали их необходимым.

Ответ на первый вопрос: «Что же это такое, завоеванная Цезарем Галлия?» — также, по-видимому, заключен в «двойственности». Здесь главная двойственность — это этническая и социальная разнородность рабовладельческой городской (т. е. цивилизованной) империи Рима и архаической доклассовой ее периферии, где, «как оспенные знаки на теле», были рассеяны частицы ее «государственной территории» — поместья римской рабовладельческой знати (в ближней периферии) и военные лагеря с небольшими «колониями» торговцев (в периферии дальней). Сложный контакт и принципиальная несливаемость этих двух субстанций были причиной этносоциального явления, для которого у самих периферийных этносов еще не было социально-экономических оснований, появилось первично-

политическое объединение большого многоэтнического пространства доклассового общества, устойчивость которого поддерживалась извне — отчасти военной силой, отчасти — соблюдением во многом местных архаических традиций. Двойственным стал ко времени Цезаря (или несколько раньше) и характер Рима, как и других городов его империи. Центры высокого ремесла и мобильной торговли превратились в рынки рабов и в арену политической борьбы рабовладельческой знати, стремящейся к безудержному личному обогащению, к превращению своих обширных рабовладельческих поместий в экономически замкнутые «микросоударства» под охраной всей этой структуры римскими легионами. Двойственный смысл имело и само понятие римского гражданства — не только потому, что «римский народ» делился на патрициев и плебеев и т. д., но и вследствие постоянного пребывания в Риме и других городах большого числа представителей этносов ближайшей периферии, как правило — клиентов знати. Кое-кто из них получал римское гражданство за заслуги перед сенатом, иные получали эти права в качестве усыновленных, и не только получали римское гражданство, но нередко и отличались на политическом или каком-либо другом поприще.

Близкое соседство и одновременная раздельность римских граждан (всех сословий и всех городов) и италийских этносов (вернее, их остатков) четко обнаруживалась во время больших восстаний рабов, например, во время восстания гладиаторов под руководством Спартака. Небольшой отряд гладиаторов, одержав ряд блестящих побед над превосходящими силами усмирителей, довольно быстро вырос в три легиона (15–18 тыс.) тяжело-вооруженной пехоты с множеством легковооруженных и конных воинов, с оружейными мастерскими и обозом. Первоначальным центром восстания была Компания, местность, которую создала римская знать, отняв самые плодородные земли у жителей Лациума и Самниума для своих поместий. Компания и Сицилия (где несколькими годами раньше также было большое восстание рабов) являли собой место, где римская форма античного рабовладения приняла самые уродливые варианты.

Античное рабовладение, возникшее в торгово-ремесленных городах Средиземного моря как естественный, в их условиях, результат стремления деятельных людей «дублировать» себя путем покупки в полную собственность других людей для занятия их наиболее простыми делами, и для освобождения себя для дел более сложных, получило полное развитие во время эллинской цивилизации. Но в римское время его развитие приняло иное направление — на полное вытеснение свободного деятеля сначала из сферы ремесленного производства, а затем — и из сельскохозяйственного. Римское время характеризуется созданием многочисленных и разнообразных школ рабов, куда можно было отдавать купленных молодых рабов на выучку, и где можно было купить готового, обученного любой специаль-

ности раба. Верхом этого метода были школы гладиаторов, где молодых рабов обучали умению владеть оружием, чтобы продавать их богатой знати в качестве личной охраны и для несения охраны в рабовладельческих поместьях, охраны обозов с продуктами земледелия и животноводства, следующих из поместий в город. Патриции нередко использовали своих гладиаторов и в политической борьбе, а также покупали их для устройства цирковых боев на празднествах и для завоевания голосов в коммициях. Именно это направление в развитии античного рабовладения и породило римский паразитический плебс, принципиально отличавшийся от демоса греческих полисов. Уродливостью же это направление приобрело, когда римская знать захотела, чтобы рабов в их поместьях стерегли также рабы, но рабы, которые ничего не делали и которых хорошо кормили и одевали. Это удавалось, но было достаточно «малой искры», чтобы этот искусственный «этнос», заместивший остатки аборигенных этносов Италии и не имевший никаких прав в римском цивилизованном обществе, пробудил в своем сознании мысль о возможности вернуть себе самостоятельную традиционную жизнь. Искра, которая требовалась почти затухшему архаическому этносознанию, — победоносный военный вождь, а его мог дать только из ряда вон выходящий случай. В восстании сицилийских рабов такой случай создали сами рабовладельцы. Надеясь на защиту расквартированных на Сицилии римских легионов, они перестали кормить своих рабов, открыто предлагая им кормиться разбоем и грабежом на дорогах. Разбой выделил вожаков, среди которых выдвинулся Евн, как наиболее искусный и удачливый, а далее все пошло своим чередом. Точно такой же случай в гладиаторской школе в Капуе выдвинул Спартака, когда покупатель, вместо того, чтобы отправить купленную им группу гладиаторов (около 70 чел.) сразу же в свое поместье, запер их в школьной «тюрьме», где они взбунтовались, перебили охрану и были вынуждены скрыться в лесу на горе Везувий, ибо их после такого поступка ожидал крест. Античные авторы, оставившие описания и сицилийского восстания, и восстания Спартака, излагают эти события как заранее готовившиеся восстания или так, как описывают политические заговоры — но все это сомнительно по той простой причине, что у рабов, особенно у недавних пленных, не могло быть никакой иной основы для объединения и активных действий, кроме сохраненного этнического представления о свободной жизни со всеми и ее архаическими понятиями и обычаями.

В римском рабовладельческом обществе цивилизация и архаика жили рядом, но в самой Италии отдельные вспышки этносознания уже не могли ни остаткам ее этносов, ни рабам вернуть самостоятельную жизнь. Шесть легионов Марка Красса разбили воинство великого вождя Спартака, а уцелевшие отряды были уничтожены легионерами Помпея. Но вот варварские легионы Цезаря (в разгар гражданской войны их было более 22), состояв-

шие большей частью из галлов, белгов, аквитанов, батавов и иберов, несмотря на искусную политику сената, столкнувшего их с огромной (и столь же разношерстной) армией Помпея и его сторонников, одержали победу и, по сути дела, захватили Рим. Единовластные диктаторы были в Риме и до Цезаря. Но их ставили в эту позицию собственно римские обстоятельства, и опирались они не на легионы собранные в провинциях, и даже не столько на римские легионы, сколько на преторианскую гвардию и на отряды своих рабов и гладиаторов. Рим убил Цезаря, но не уничтожил созданной им «особой Галлии» — своеобразных «ворот» римской захватнической политики на земле диких германцев.

Однако после смерти Цезаря гражданская война разразилась с новой силой, и результат ее (с точки зрения этносоциальной истории) оказался просто удивительным. Рим согласился иметь единовластных императоров. Но еще более удивительным оказался тот факт, что пять следовавших за Цезарем императоров считали себя родственниками Цезаря и, действительно, были связаны с ним и между собой сложной линией родства по женщинам, по женам и по сестрам. Само по себе возрождение этого элемента архаического права династией военных правителей торгово-ремесленного города (и даже систем таких городов) не было редкостью в ранней истории — окружающие этносы хранили в своей памяти (а иногда — и в практике) много разнообразной архаики. Удивляло другое: Каким образом и какая часть римского населения, при развитой системе выбора должностных лиц, смогла так искусно вести политическую игру, чтобы, с одной стороны, не нарушать римских законов, а с другой — довольно долго соблюдать древнюю традицию, и зачем это делалось? Ответ на последний вопрос сравнительно прост — эта группа опиралась на силу легионов, состав которых был преимущественно «варварский», которые могли отказаться повиноваться «императору», неродственному (по их понятиям родства) великому вождю — Цезарю. На второй вопрос можно найти только очень смутный ответ в связи с легким подозрением, что военачальники в Риме нередко, видимо, происходили из слоя его населения, малозаметного в материалах по политической римской истории, — из «корпорации», поставлявшей жрецов римской религии на официальные, утверждаемые сенатом жреческие должности. Дело в том, что среди римских жрецов (луперков, авгуров и др.) были так называемые «царские жрецы», которые как бы заменяли собой некогда упраздненных римских царей в полагавшихся последним обрядах, видимо, сохранявшихся в течение всей последующей истории. Обращают на себя внимание и случайные замечания античных авторов, например, что разрушитель Карфагена, Сципион, позже, в частной жизни был понтификом, т. е. верховным римским жрецом; понтификом был и Цезарь. Цезарь же выхлопотал у сената Марку Антонию должность авгура, и т. п. Если эта догадка верна, то объяснение несколько

упрощается и может быть сведено к борьбе «жреческой корпорации», к ее стремлению к более реальной власти.

Начать можно и с другой стороны — например, с того, что Кай Марий разбил войско тевтонов и кимвров на территории Цизальпийской Галлии. Пусть варварских воинов было не 300 тыс., а только 30 или 40 тыс., но все равно — в глазах цизальпийских галлов это было достаточно большое сражение, чтобы победитель мог заслужить славу великого воителя. Кай Марий был женат на Юлии — тетке Цезаря, родной сестре его отца. Возможно, не случайно (и не вследствие его военных и гражданских отличий и личных достоинств, или политической ситуации в Риме) Кая Юлия Цезаря посылают пропретором в Провинцию после того, как гелветы разбили два легиона его предшественника, убили его самого и позорно провели пленных «под ярмом». Родственник Кая Мария уже по одному этому — не совсем безвестный человек. В римских имущественно-правовых категориях Цезарь был только «свойственником» Кая Мария, но доклассовые системы родственных связей, вследствие группового значения терминов, не различали вовсе родство по браку и родство по крови (это различие ввели исследователи систем родства, перенеся в доклассовое общество свои понятия индивидуального физиологического родства), и для галлов Цезарь был родственником Кая Мария. А с таким родством совсем неплохо начинать воинскую деятельность среди варваров. Может быть, также не случайно и то, что Цезарь трижды в первой книге своих «Записок о войне в Галлии» возвращается к событиям победы над кимврами и тевтонами, как бы ставя свои деяния в позицию продолжения славной победы (а может быть, и всех других побед) «предка», т. е. родственника. Далее, как уже отмечалось, Цезарь завоевал себе свою собственную славу великого воителя.

Но трусливый, жадный и завистливый республиканский Рим убил Цезаря. По правовым римским понятиям, у полновластного и несменяемого Цезаря не могло быть кровных наследников его положения в Риме; кроме того, у него не было законных мужских потомков, а личное имущество наследовал усыновленный Цезарем родственник по женской линии — Кай Октавий-младший. Но были и иные родственники, и гражданская война после смерти Цезаря, с позиции этно-социальной истории, выглядит сложно и интересно. Античные авторы называют отца Цезаря так же, как и его самого — Каем Юлием Цезарем, а тетку просто Юлией. И они, последующие исследователи, считают этих персон представителями мужского линейного рода («генс») Юлиев. Но римские имена — парные: и Юлию соответствует Юлия; Ливию — Ливия; Октавию — Октавия; Аврелию — Аврелия; Лепиду — Лепида и т. д., за немногими исключениями (что может быть просто недостатком записей). Тройная формула «основного» имени: «преномен» (имя, стоящее первым), «номен» («генномен» или «генцилий») — родовое

имя) и «когномен» (прозвище для различения родственников, имеющих одинаковые два первые имени) в текстах разного времени и у разных авторов полностью встречается редко, чаще пользуются какой-либо частью имени. Сложности возникают и из-за обычая усыновленных, клиентов и получивших права гражданства принимать целиком или часть имени «благодетеля», из-за повторов имени родственниками без указания на поколение и близость родства — все это крайне затрудняет и удлинняет поиски нужных лиц, отношений, происхождения. Тем не менее, дело, видимо, обстояло следующим образом: первоначально (я не имею в виду те времена, когда в Риме еще существовало архаическое правило обозначать двумя именами — по линии матери и по линии отца с прибавлением «номерного» имени) сын-первенец, основной наследник имущества отца, полностью наследовал два первых имени отца, а следующие сыновья меняли первое имя: позже первенцы, видимо, наследовали все три имени; дочери-первенцы наследовали родовые имена и матери и отца; позже с дочерьми стало сложнее — стали наследовать родовое (как считалось) имя отца и его прозвище, но родовое имя отца нередко оказывалось «личным» именем его матери, сестры или тетки; иногда в женском имени «застревало» и далеко передавалось от матери к дочери имя какого-то прародителя или прародительницы, и это происходило, видимо, не случайно. Вот таким образом «генс» Цезаря сохранил (в текстах) четыре женских имени «Юлия»: Юлия — тетка Цезаря; Юлия Аврелия — сестра Цезаря; Юлия Корнелия — дочь Цезаря и Юлия Аттия — дочь сестры Цезаря. Два мужских имени, вроде бы, полностью совпадают — Кай Юлий Цезарь, отец и сын. На этих именах кончается генс Юлиев, по какой бы линии его не считать. Матерью Цезаря была Аврелия Котта, а первой женой — Корнелия Цинна, обе из знатных патрицианских родов, хотя, возможно, из не очень богатых их ответвлений. Мужем сестры Цезаря, Юлии Аврелии, был Марк Аттий Бальб, вероятно, происходивший из получившего римское гражданство богатого рода Бальбов из Гадеса (во времена Цезаря среди его лучших друзей были еще два Бальба, но они носили имя патрона — Луций Корнелий). Дочь этого Марка Аттия Бальба, Юлия Аттия, была замужем за незнатным римлянином Каем Октавием. Сына этого Октавия и своей племянницы, также Кая Октавия, и усыновил Цезарь. У дочери Цезаря, Юлии Корнелии, ни от первого мужа — Ципиона, ни от второго — Помпея, детей, по-видимому, не было. Первой женой Кая Октавия (будущего Августа) была Скрибония, о которой мне ничего не известно, а последней — Ливия Друзилла (представительница известного римского рода Друзов, ранее бывшая замужем за Клавдием Нероном из старинного знатного сабинского рода). У усыновленного Цезарем Кая Октавия была сводная сестра — Анхария Октавия, от первой жены Октавия-отца, Анхарии. Вот эти два женских имени, связанные с именем Кая Октавия (после усыновления — Кай Цезарь Октавиан), одно имя жены (Скрибония), другое — сестры (Анхария) далее, после смерти

Цезаря, связывают, чередуясь через одно, в родстве (кровном) как «мать-дочь», строго по архаической норме трехступенчатого кровнородственного «династийного» коллектива, целую группу мужских имен (частично кровнородственных, частично — нет). Среди этих мужчин — пять римских (признанных сенатом) императоров, и все они имели то или иное отношение не только к римской истории, но и к истории Галлии, к войнам с «дикими» лесными германцами. Все эти 13 римлян, по архаическому праву, «наследовали» этнический статус военного вождя — «цезаря» (солдаты их легионов почти всех их считали «императорами»), а некоторые античные авторы истории Рима, описывая их деяния, так и называли их — Цезарь).

Если бы трехступенчатое архаическое право «братьев» действовало полностью, то картина порядка наследования статуса и титула Цезаря была бы следующей: после Кая Юлия Цезаря шел бы его «брат» и муж Юлии Аттии (дочери сестры Цезаря) — «цезарь» Кай Октавий-старший (но он уже умер); далее следовал «цезарь» Кней Помпей (как «брат» Юлии Аттии и муж Юлии Корнелии, дочери Цезаря, но он был убит); следующим был «цезарь» Марк Антоний (как «брат» дочери Цезаря — то есть «сын» Цезаря, если бы у него был сын, и муж Октавии Анхарики, дочери Октавия-старшего и его первой жены — Анхарики), и только за Марком Антонием шел «цезарь» Кай Октавий-младший, будущий Август, — не как усыновленный Цезарем, а как брат (кровный, хотя и сводный) Октавии Анхарики, жены Марка Антония.

Римский сенат признал императором победителя во второй гражданской войне, приемного сына Цезаря Кая Цезаря Октавиана (Кая Октавия-младшего), а его солдаты, сразу же после последнего сражения, женили его (вдового по смерти Скрибонии) на вдове Тиберия Нерона, дочери Марка Антония и его второй жены Ливии Фульвии, на Ливии Друзилле. В силу этого брака следующим «цезарем» (после Октавиана Августа) должен был быть брат Ливии, Марк Ливий Друз (будущий Германик-старший), женатый на младшей дочери Марка Антония от Октавии Анхарики, на Антонии Анхарики — но Друз Германик-старший умер при жизни Августа. Далее, по архаическому праву, титул «цезаря» перешел бы от Германика-старшего к мужу дочери Октавиана Августа от Скрибонии, Юлии Скрибонии, к Марку Випсанию Агриппе, но Агриппа умер при жизни Августа. После смерти Августа (пережившего двух своих «братьев» по архаическому праву — Германика-старшего и Випсания Агриппу) титул «цезаря» перешел к его пасынку, сыну Ливии Друзиллы (у Августа, как и у Юлия Цезаря, не было законных сыновей) и «брату» Юлии Скрибонии, дочери Августа, к Тиберию Клавдию Нерону-Друзу (которого признал императором и сенат). После Тиберия Нерона право на титул «цезаря» имел муж дочери Агриппы, сын Германика-старшего, Друз Германик-младший, т. е. муж Юлии Агриппины-старшей, но он умер при жизни Тиберия Нерона. Сол-

даты обоих Германиков считали их императорами легионов. Следующим наследником титула «цезаря» мог бы быть Кай Агриппа, брат Юлии Скрибонии Агриппины-старшей, но он рано умер. Так образовалась «пустота» в традиционной архаической схеме права, когда умер и Тиберий Нерон-Друз, а за ним — Кней Домиций, первый муж Юлии Скрибонии Агриппины-младшей (внук соперника и злейшего врага Юлия Цезаря, Луция Домиция Агенобарба). Сенат избрал императором Кая Германика Калигулу, сына Германика-младшего и Агриппины-старшей, брата Юлии Скрибонии Агриппины-младшей. Это был «нелепый» император, не снискавший уважения солдат, он скоро умер (или был отравлен, как возможно, и Кней Домиций). Вдовая Агриппина-младшая вышла замуж за Клавдия Тиберия Британика, второго (неправового) сына Германика-старшего (т. е. за четвертого «брата» архаической системы права). Клавдий Тиберий Британик стал римским императором от сената и «цезарем» легионов (сразу на два места — Кая Агриппы, по пятой жене, Мессалине Домиции, неправовой родственницы Антонии Анхарии, и — Кнея Домиция, умершего мужа шестой жены, Юлии Скрибонии Агриппины-младшей). Кай Германик Калигула уже был императором и уже умер, умер и сын Клавдия Тиберия Британика — Британик Тиберий, и последним императором из «рода Юлиев» был сын Юлии Агриппины-младшей и Кнея Домиция — Клавдий Домиций Нерон. На Мессалине Домиции — неправовой Анхарии — оборвалась женская линия «Анхарий», а на Юлии Агриппине-младшей — вторая женская линия — «Скрибоний». «Скрибонии» и «Анхарии» сменяли друг друга через одну, как мать и дочь, а рядом — как «старшая и младшая сестры» архаической системы права «трех братьев» в доклассовом обществе в последней фазе архаической (или первичной) формации. Но, тем не менее, их мужья (в большинстве своем — вообще не родственники) были верными командующими (консулами) римских легионов (хотя по женам, начиная с Цезаря, они легко «разбиваются» на архаические триады «братьев», на пять триад, последняя — неполная).

Очевидно, что такое обстоятельство оказалось следствием различного уровня социального развития цивилизованного классового этноса римских городов и доклассовых этносов периферии этой городской Римской Империи, из представителей которых, главным образом, и состояли римские легионы. Граница между цивилизованным этносом и варварскими этносами (в том числе и италийскими), вероятно, проходила через плебейский слой городского населения, а «цезари» были одновременно и великими военными вождями «всеобщего» варварского этноса, и военачальниками городской торгово-ремесленной империи Рима. Да и римские легионы составлялись частично из плебеев (эта часть становилась все меньшей и меньшей), которые в значительной мере происходили из италийцев, вероятно, и не теряли связи с ними; а другую часть поставляли варвары, и боль-

ше всего — галлы и иберы. Так называемые «вспомогательные войска» (лучники, пращники, конница) вообще набирались из самых различных варварских этносов, как и «союзники»; их численность была велика. Таким образом, нет ничего удивительного, что все это воинство подчинялось только таким военачальникам (вождям), которые сменяли друг друга в соответствии с архаическими варварскими нормами и представлениями, и этим как бы сохраняли великую славу непобедимого вождя — Цезаря. В ходе моих поисков следов и фрагментов архаического «права братьев» для реконструкции внутренних принципов этой традиции и форм ее реализации, по мере ее исторического изменения и разрушения, римско-галльские материалы играют особую роль из-за обилия женских имен с достаточно четкими кровнородственными связями.

На первый взгляд, может показаться сущей нелепостью, что принципиально ничем не отличается генеалогическая структура императоров прославленного Рима от таковой у скромных и почти никому ныне не известных правителей средневековых городов Восточной Тропической Африки. Но, если принять во внимание этно-исторический характер однозначности связей: классовый этнос торгового города — доклассовый этнос его периферии, даже ближайшей, непосредственно примыкающей к территории города, то сомнения, вызванные разницей масштабов и времени, снимаются сами собой. Безо всяких натяжек, от любого «эго», можно сопоставить генеалогию жен римских императоров с системой суахилийских терминов родства (кровного в каждой из двух перемежающихся линий) и самих императоров (местами кровного, местами архаического «классификационно-го»), например см. рис. 10.1.

Рис. 10.1

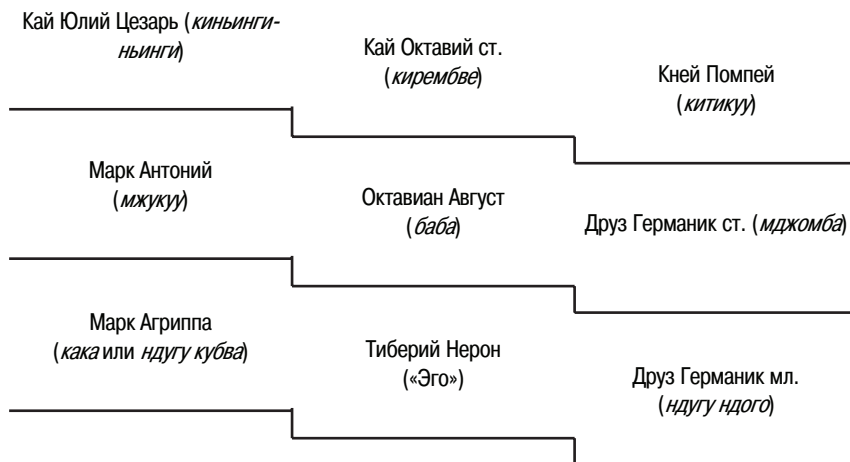

Рис. 10.2

Такая же таблица по «цезарям» (см. рис. 10.2).

Из женской таблицы видно, что жены одного «цезаря» считались «одно-статусными сестрами», а правовую линию продолжала та, у которой была дочь (возможно, что у варваров мужа дочерей двух жен «выясняли» свое право поединком). Далее — жены двух «смежных» «цезарей» считались взаимно старшей и младшей «сестрами», и каждая через одну была матерью третьей женщины.

Из мужской таблицы следует, что «цезарями» становятся вследствие брака с женщиной из той или другой правовых линий, а три «цезаря» одного «колена» считались тремя «братьями» (младшим, средним и старшим). Кровное родство мужчин не играло никакой роли (как и усыновление для наследования личного имущества), но встречалось — «отец-сын» по вертикали (через двух мужчин по непрерывной линии «цезарей») и «брат-брат» (четвертый «брат») — очень редко и в особо сложных обстоятельствах. Любопытную картину дает сводная таблица (см. рис. 11).

Прежде всего, можно заметить стремление Друзов «захватить» трехступенчатую династию «цезарей»: после смерти Марка Випсания Агриппы как бы происходит сдвиг триады, и второй сын Друза Германика старшего («четвертый», внеправовой), Тиберий Друз Британик, «обретает» право «третьего» (тем более, что сын Агриппы, Кай Агриппа, умер; возможно, с чьей-либо помощью) (см. рис. 12)

Далее, в каждом вертикальном «стволе» наблюдаются обстоятельства, напоминающие нечто похожее на линейный мужской генеалогический «род», но составленный из кровных линий с различными «родоначальниками». Например, в первом «стволе»: Кай Юлий (и его сестра Юлия), Кай Юлий Цезарь (и его сестра Юлия) — сын предыдущего; из-за отсутствия

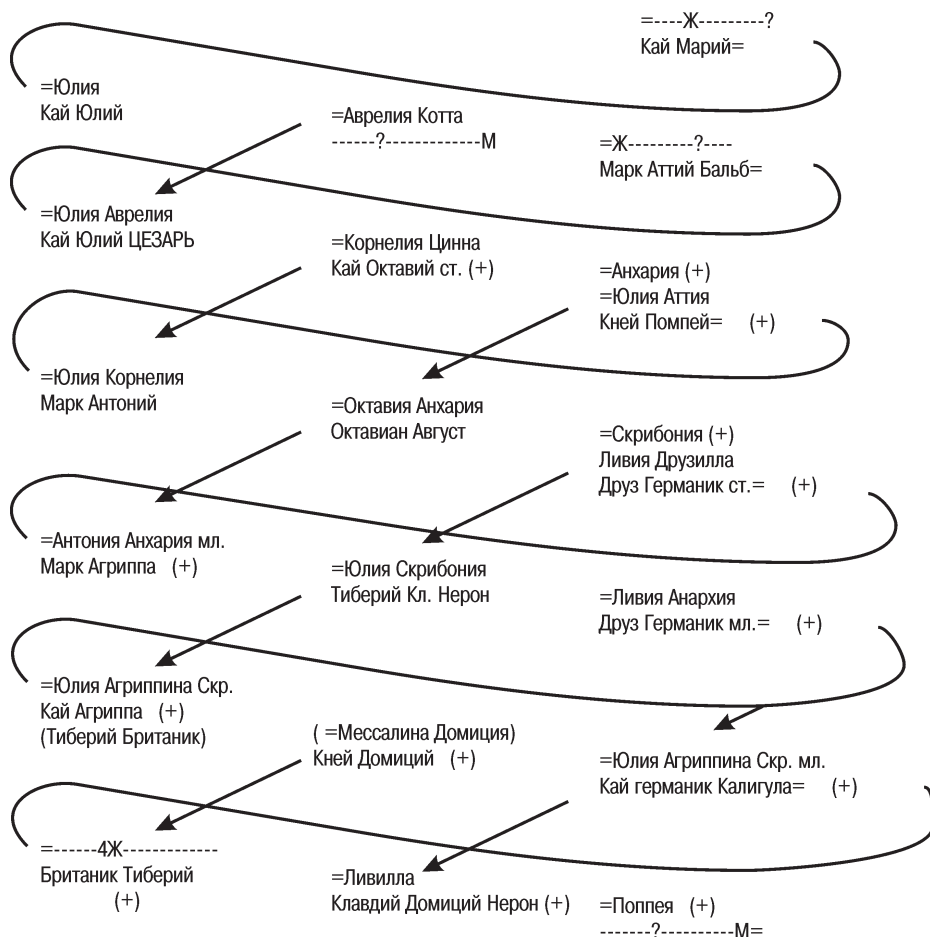

Рис. 11

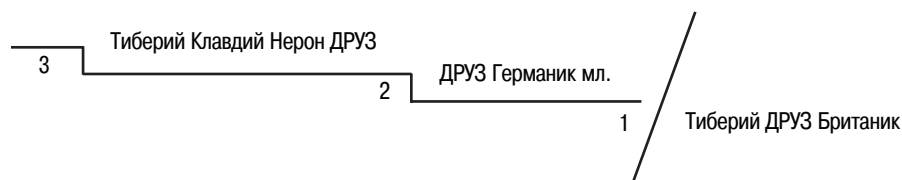

Рис. 12

сына у Цезаря его дочь, Юлия, завершает линию, но ее продолжает Марк Антоний, как «брат» дочери Цезаря, который тоже имеет только дочь — Антонию Анхарию, и линию продолжает, как ее «брат» — Випсаний Агриппа, сын которого умирает рано, но остается Юлия Агриппина Скрибония, дочь Агриппы, брата же ее замещают Тиберием Британиком, вторым сыном Друза Германика-старшего (неправовым четвертым «братом» правовой

«триады»), и всю линию завершает сын Британика — Британик Тиберий. Возможно, что если бы не было завещания или усыновления, Марк Антоний не только бы продолжил линию Цезаря, но и унаследовал его имущество, однако усыновленный родственник по женщинам, наследник имущества, Кай Октавий (Август), не перешел в линию («ствол») Цезаря. Точно таким же образом можно рассмотреть второй и третий «стволы» этой системы родственных связей, но следует помнить, что первая ее триада объективно не может быть полной, поскольку античных авторов интересовали только ближайшие старшие родственники «Божественного Цезаря»: его отец — Кай Юлий; тетка по отцу — Юлия; мать Цезаря — Аврелия Котта; и, как отец Юлии Аттии, дочери сестры Цезаря, — Марк Аттий Бальб. Хотя, например, римский род Котта был знатен и обширен (среди активных политических деятелей Рима известны три Луция Корнелия Цинны, но не ясно, кого из них следовало бы считать «братом» матери Цезаря, и был ли среди Аврелиев Котта ее кровный брат), но иные связи его с родом «Юлиев» не зафиксированы. Да и вся «трехствольная» таблица извлечена (по связям двух женских родственных линий Анхарий и Скрибоний) из 34 мужских и 25 женских имен — родственников и свойственников других жен «цезарей» и императоров, их других мужей. Говоря иначе, этот «трехствольный» династийно-родственный правовой организм «таился» внутри «переплетения» многих родов римской знати (чрезвычайно разветвленных мужских имущественно-правовых линейных организмов, именуемых словом «генс»), как структура особая, замкнутая и целостная по праву двух женских линий. Ее с полным основанием можно назвать «генс триплекс», имея в виду не условный «союз» трех экзогамных мужских линейных родов, а безусловную структуру трех «стволов» — мужских вертикальных родственных линий (брат-сестра — дети брата), «спирально» связанных женами братьев, составлявших две перемежавшиеся линии «мать-кровная дочь», структуру, имеющую глубокие корни в доклассовом архаическом обществе, в пятисегментной возрастной системе, вообще игнорирующей принцип физиологического кровного родства.

Примечательно и одно из свойств трехствольной (или трехступенчатой) династийной родственной системы, проявляющееся время от времени в жизни этих династий в самых разных местах и в разные времена — замещение четвертым (неправовым) членом старшего члена, недостающего по каким-либо причинам — первого представителя младшего колена. В летописных материалах Киевско-Новгородской Руси сохранилась и специальная формулировка этого правила: «четвертый дядя — в версту со старшим племянником». В трехступенчатой «генеалогии» «цезарей» таким «четвертым дядей» был Тиберий Друз Британик. Однако в других аналогичных династийных системах мужские персоны, как правило, оказывались кровными родственниками, т. е., в пределах колена (триады), двоюродными или

родными братьями и сыновьями таковых же персон старшего колена, хотя недостача «необходимого» родственника также могла (хотя и не часто) быть возмещена внешним мужем сестры, дети которого (сын и дочь) полностью входили в систему. Такого большого числа «внешних мужей», как в римском варианте, нигде больше не встречалось, как нигде не встретилось столько женских персон, да еще с четкими кровнородственными связями. Первое обстоятельство, по-видимому, свидетельствует, что римский вариант отражает последнюю фазу в существовании трехступенчатой системы, перед ее распадом на три отдельных мужских линейных генеалогических рода, а второе — показывает, что во все время ее функционирования связующим правовым элементом была непрерывная линия «архаических сестер», которые в кровном родстве через одну были матерью и дочерью, тогда как кровное или условное родство мужчин, такое как отец-сын, провлялось через две персоны.

Самому Риму эта система была не нужна, так как масса правового материала свидетельствует о господстве там мужского экзогамного линейного кровного имущественно-правового рода с правом индивидуального усыновления и с правом завещаний. Но это — в теории, а практически существовали реально обозримые кровнородственные коллективы-фамилии, обладавшие конкретным имуществом, которое находилось в полном распоряжении старшего мужчины-отца («патер фамилиас»), которому подчинялись все остальные члены фамилии, включая и рабов. Основную часть имущества и все права наследовал старший сын, наследственной для всех членов фамилии была принадлежность к социальному слою, но должностное положение родственника не могло быть унаследовано (все гражданские и военные должности имели короткие сроки). Для особых случаев существовал закон, по которому консул на несколько лет получал максимальную полноту власти (диктаторские полномочия) для ликвидации угрожающего положения. Но Цезарь не был избран Римом — напротив, сенат требовал роспуска легионов и его возвращения в Рим частным лицом. Однако он пришел в Рим из своей доклассовой периферии, и его легионы принесли правовой элемент архаического общества, который просуществовал там 111 лет после его смерти.

Так, совершенно неожиданно, среди письменных материалов событийной истории классового рабовладельческого общества империи торговых-ремесленных городов Средиземноморья, обнаружилась искомая недостающая женская сторона системы «права трех братьев» — системы, стоящей на грани перехода от архаического возрастного принципа этно-социальных структур к раннеклассовому принципу индивидуального кровного родства, к системе кровного линейного мужского рода. Иными словами, подтвердился предполагавшийся вывод, сделанный на фрагментарных сведениях, о правовой и организующей роли женщин в жизни архаических доклассовых

вых коллективов. Теперь уже со всей определенностью можно сказать, что в наиболее древней (в последней фазе первичной формации) четырехступенчатой возрастной системе социальных отношений, роль социальных руководителей принадлежала женщинам V возрастного статуса — 32–40 лет (по суахилийской терминологии: *мама кубва*), тем, чьи дочери-первенцы (16–24 г.) были замужними и имели детей; в следующей, по порядку развития, пятиступенчатой системе, общественной жизнью руководили женщины VI возрастного статуса — 40–48 лет (по суахилийской терминологии: *ваджужуу*); а в последней — трехступенчатой (объединяющей в себе и уходящий возрастной принцип, и нарастающий, кровнородственный) таковыми были женщины IV статуса — 24–32 года (по суахилийской терминологии: *сенгази*), I статуса старшего колена (триады); а из числа их одно-статусных «братьев» (по суахилийской терминологии: *исе* или *баба*) избирались мужчины — социальные руководители. Один из них мог быть военным вождем отрядов юношей-воинов (16–24 г.), как отличившийся личной смелостью, умением владеть оружием и, возможно, тем, что участвуя во многих сражениях, не получил ни одной раны. Позже установился порядок не избирать «священную персону», а закрепить это право-обязанность за тремя кровными братьями (последовательно занимавшими пост на 8-летний срок) с наследованием тремя их кровными сыновьями.

Найти причину подобного изменения не так просто, как может показаться. Естественно предположить, что было замечено генетическое наследование внешних признаков (рост, сила, особенность телосложения и т. п.) уже прославившихся вождей в их сыновьях, а далее действовал возрастной принцип, мешавший прямой передаче сана потомку, но допускавший ее после двух «братьев». Но возможно и другое — сначала возник обычай удваивать «время» особо выдающегося вождя (т. е. такого, при котором случилось всестороннее процветание этноса и не было военных поражений), что требовало «вернуть» ему предыдущий статусный возраст — 24 года. По представлениям архаического общества, это снова достигалось в ритуале повторного брака с девушкой 16 лет, т. е. с младшей «сестрой» его первой жены, брак с которой ввел его в сан вождя. В таком случае можно предположить первоначальное возникновение двух кровных линий «священных женщин», брак с которыми фиксировал избрание вождем юноши или любого мужчины из соответствующего возрастного статуса. Во всяком случае, в архаическом обществе полноправие женщин основывалось (несмотря на возрастную регламентацию) на физиологических явлениях, тогда как полноправие мужчин определялось брачным ритуалом. Да и речь идет, по сути дела, не об архаическом обществе вообще, а об особых социально-значимых персонах, обладавших в представлениях архаических людей «магической возможностью» или «силой», которая нужна всем, которую нужно «охранять» и «умножать», что могло породить

и «селекцию» священных персон (т. е. изоляцию потомков и жен, организацию узкого обособленного коллектива, в котором кровное родство «всплыло на поверхность», стало видимым и обязательным условием сохранения «магической силы»). Надо полагать, что только после выделения и, возможно, достаточно продолжительного функционирования трехствольного коллектива, надежно воспроизводящего «обладателей магической силы», последовало (или могло последовать) распространение этого явления в самой этнической среде, как первая форма кровнородственных отношений, сохраняющая и принцип возрастного деления.

Весьма вероятно, что в этносе, независимо от того, когда и где это происходило, переход к кровнородственным связям линейного мужского рода завершался более или менее быстро, в соответствии со скоростью возникновения родовой земельной собственности, отделенной от общезтнической территории жизнеобеспечения. Там, где специфика природной среды не допускала такого раздела земельных угодий (например, почти вся Африка южнее Сахары), никогда не было кровного линейного рода с индивидуальным счетом происхождения (т. е. с индивидуальным значением терминов родства). Долины крупных европейских рек с аллювиальной почвой, с преимущественно регулярным дождевым увлажнением и с равномерным чередованием четырех сезонов (в отличие от саванн и тропических лесов Африки), не имели препятствий для постепенного развития земледелия и скотоводства по мере накопления соответствующих знаний, навыков и орудий труда. Однако сказать, в каком состоянии находилось хозяйство расселенных по ним этнических групп когда там начал свою деятельность Кай Юлий Цезарь, довольно трудно, и археология мало помогает. Упряжное подобие плуга появилось где-то на границе II и I тысячелетий до н.э., но это ни о чем не говорит, поскольку его примитивность и в последующие столетия не идет ни в какое сравнение, например, с разнообразным набором африканских ручных мотыг со сложными железными режущими деталями.

Можно сказать только одно — земледелие уже было основой экономики Западной Европы, начиная от долины Рейна, далее к югу, а к северу от этой долины оно было известно, но преобладало скотоводство. Так можно понять сведения античных авторов. По тем же сведениям («параллельно», но не в связи с родом занятий), земледельцы обладали более развитыми социальными структурами, нежели скотоводы-охотники. Группы земледельцев были локализованы, почти совсем оседлы, группы скотоводов-охотников подвижны и неясно локализованы. Есть сведения о применении земледельцами примитивных удобрений (мергели, мякины). Высокопродуктивного земледелия (с навозом в качестве удобрения), по-видимому, еще не существовало. Отчетливые свидетельства говорят о том, что у скотоводов земледелие было очень ограниченным и велось с забросом участка после одного посева.

Некоторые предположения о процессе развития сельского хозяйства в Южной и Западной Европе времени Цезаря можно сделать на основании, казалось бы, совсем посторонних сведений. Цезарь, опираясь на сообщения предшественников и на легенды о ранней истории Рима, говорит, что галлы раньше были более воинственными, что они захватили половину территории этрусков (т. е. италийские земли Цизальпийской Галлии), нередко вторгались в зарейнские земли германцев, но в его время стали «изнеженными», будто бы вследствие усвоения некоторых сторон римского образа жизни. Это можно понять и так: раньше у галлов было малопродуктивное сельское хозяйство на ограниченных площадях, что вынуждало ее молодежь время от времени искать новые места для поселений (иногда и на «чужой» территории, обязательно без согласия ее населения), но позже прямая необходимость в этом отпала вследствие улучшения продуктивности хозяйства (возможно, и расширения посевной площади в результате вырубки части лесов). Воинственность же лесных германцев в таком случае объясняется прежде всего большей примитивностью их сельского хозяйства и вызванным из-за этого нарушением равновесия между ростом населения и отдачей хозяйства. Сведения о той стороне жизни галльских и германских этносов, которую переводчики, комментаторы и историки называют «религией» или «верованиями» галлов и германцев, также характеризуют разную степень развитости этих народов. Сами сведения кратки и довольно «примитивны».

Цезарь, описывая Галлию, наделяет друидов жреческими функциями, а некоторые, видимо, кельтские слова пытается приравнять к именам главных персон римского пантеона. О германцах же говорит иное — что у них нет «жреческого сословия, что у них нет богов (а поклоняются они непосредственно некоторым явлениям природы), но есть гадания и женщины-прорицательницы, совершающие жертвоприношения» (подобные сведения можно найти и у Тацита, Плиния и др.). Социальное устройство германцев, с легкой руки Цезаря, описывается в «стратегическом ключе», т. е. как деление на поименованные группы (сочтенные поздними исследователями-историками «племенами»), на паги и центурии («сотни»), что поразило Цезаря возможным числом воинов, основывавшемся на разведывательных сведениях о населении зарейнских земель. Реальное социальное деление германского общества времени Цезаря (и несколько позже) никак не зафиксировано в античных источниках. Описание внешности, одежды и повседневного поведения германцев, сделанные Цезарем, и их вооружения, сделанные Тацитом, по существу, выдержаны также в «стратегическом ключе», как и описания местности с ее болотами, дремучими лесами и полным бездорожьем. Деление на «сотни», или центурии, полностью разбирается о сообщения тех же авторов об отсутствии какого-либо строя во время сражений, т. е. это явно «расчетный» термин, количественный, нуж-

ный римскому военачальнику. Нет никакого сомнения в том, что во времена Цезаря и позже германские, галльские, иберийские этносы и даже остатки италийских были доклассовыми этносами, хотя и у Цезаря, и у других авторов часто встречаются такие слова: «знать», «народ», «вожди», «цари». Если «вожди» и «цари» (в римском понимании этих терминов) — целиком следствие римской политики по отношению к варварам, поскольку этими титулами (наряду с «друзьями римского народа») их награждал римский сенат, стремившийся подчинить себе некоторые внутриэтнические обычаи, то деление на «знать» и «народ» — это не только отражение в записях привычных авторам делений их классового общества, но и свидетельство реального, но не классового деления членов варварских коллективов.

По свидетельству этнографических записей, доколониальные общества (явно доклассовые) Тропической и Экваториальной Африки также имели в своем составе «благородных» и «простых». При ближайшем рассмотрении таких обстоятельств не обнаруживается никакого имущественного различия между этими «группами». Разница заключается только в том, что «благородные» прошли весь комплекс сложных инициаций и получили право на соответствующие знаки отличия (в одежде и татуировках), а «простые люди» или совсем не проходили ритуалов, или прошли только часть. В этом делении ощущается некоторый параллелизм с цезаревским делением галлов на друидов, «всадников» и «плебеев». В суахильской этнической (т. е. не городской) терминологии эти «группы» называются соответственно: *фуму*, *ватото ва вату* и *вату*, есть еще общий термин для первых двух «групп» — *вангвана*, в переводах — «свободнорожденные» (городской термин), но дословно — «рожденные девственницей», первородные (здесь также ощущается «намек» на первостепенную роль женского пола в доклассовых социально-правовых структурах). До некоторой степени понять всю эту сложность можно, если исходить из предположения о распространении на весь этнос трехступенчатой системы права «братьев», но представить себе нашему современнику ее функционирование очень и очень трудно. Категорию *фуму*, по-видимому, порождают не первенцы обособленного трехствольного замкнутого коллектива, т. е. четвертые (возможно — и другие) «братья» — она формируется иначе, индивидуально. Двое первенцев (брат и сестра) каждой пары *фуму* также являются *фуму*, а остальные дети их — *ватото ва вату* (дословно — «дети людей»). Каждая пара *ватото ва вату* порождает троих *ватото ва вату*, а четвертые, пятые и т. д. их потомки — просто *вату*, и все потомки *вату* — только *вату*. Принадлежность к *фуму* и *ватото ва вату* фиксируется прохождением иницирующих ритуалов, обозначающих вступление в полноправие, а *вату*, в социальном смысле, остаются «вечными детьми». Это — категории абсолютные, ибо к ним принадлежат по рождению, но не замкнутые, поскольку не все дети наследуют

категории родителей. Принцип возрастного деления на этой системе сказывается следующим образом: все дети (допустим, до 8 лет) ничем не отличаются друг друга, но через социально-возрастной рубеж следующего статуса часть их не переходит (остаётся как бы 8-летними); далее — такая же вещь происходит еще с одной группой (которые на остальную жизнь остаются как бы 16-летними); затем подобное происходит с теми, кто всегда будут как бы 24-летними; и, наконец, оставшиеся проходят последний ритуал и обретают социальное полноправие (как бы переходят в архаический возрастной статус 24–32 г.). Понятия: «полноправие», «неполноправие», «бесправие» в этой системе социального деления доклассового общества не содержат ни имущественных различий, ни эксплуатации чужого труда, все трудятся согласно своему реальному возрасту. Система нужна обществу для регламентации важнейших действий, необходимых всему этносу (т. е. реальным локализованным группам) в особых обстоятельствах. Например, в случае выявления значительного недостатка освоенных хозяйственных угодий, «бесправные» обязаны либо осваивать новое соседнее пространство, либо уйти на его поиски; «неполноправные» в реальном возрасте от 16 до 24 лет составляют обязательный контингент воинских отрядов молодежи; «полноправные» из своей среды выдвигают обычных вождей (реального возраста 24–32 г.) воинских отрядов; наконец, на «высших», т. е. на особом трехствольном «династийном» коллективе лежит обязанность воспроизводства «священной персоны» (одновременно «великого вождя воинства»).

Однако следует заметить, что в этой системе последней стадии социально-возрастного права (когда она охватывает весь этнос) уже заложены различные формы перехода общества к имущественному и правовому неравенству. Нетрудно представить себе, как из этой системы (своеобразного «универсума» предклассового состояния общества) в разных конкретных обстоятельствах, но при условии внутреннего замыкания ее делений, могла образоваться индийская система четырех варн, социальная структура Древнего Египта и Междуречья, структура цивилизаций греческих полисов и тогово-ремесленных городов Средиземноморья, социально-правовая схема феодального общества Западной, Восточной и Северной Европы и, наконец, — даже цеховая структура средневековых городов. При иных обстоятельствах, когда поступательное развитие конкретного общества (и, в первую очередь, его экономики) встречало очень серьезные препятствия, эта система доклассовой социальной дистрибуции либо не менялась столетиями, либо медленно разрушалась (как бы «таяла») под воздействием элементарного локального дробления этноса на все более и более мелкие коллективы, связанные общими хозяйственными интересами. И во всех случаях, хотя и в разных формах проявления, ее сменял принцип кровного индивидуального происхождения. В европейском классовом обществе на все время существования феодальных отношений со-

хранился элементарный след этой системы: например, все сыновья графа носили титул виконта, но старший после смерти отца становился графом, а остальные, оставаясь виконтами, порождали виконтов; последняя в роду женщина передавала титул отца своему мужу, если тот был «ниже» ее, или второму сыну, если муж был «выше». Этот средневековый обычай назывался «майоратом», т. е. правом «старшего», и считалось, что он был «введен» для предотвращения дробления собственности. Таких следов очень много, но это уже специальная тема.

Что же касается европейских варварских этносов времен Цезаря, то можно предположить следующее: долина Рейна была не столько этнической границей между галлами и германцами, сколько отделяла пространство с больше развитой экономической базой и социальной структурой от северных местностей с менее благоприятными естественными условиями, где и экономика, и социальное развитие были на более низком уровне. Большую часть территории зарейнской Европы, по свидетельствам античных авторов, занимал непроходимый Герцинский лес, окруженный болотами. Его западный край, Тевтобургский лес, примыкал к низменностям устья Рейна и берегов Северного моря, а восточный терялся (по античным представлениям) где-то в северных задунайских землях. Обитаем (в буквальном смысле) он был только по рекам, которые пересекали этот лесной массив и впадали в Северное море (античные авторы называли это море «Океаном»). Судя по всему, занятия лесных германцев располагались, в порядке своей значимости, следующим образом: охота на лесных зверей, скотоводство и земледелие. Летом они жили в крытых повозках, зимой — в примитивных землянках, а их юные воины — круглый год под открытым небом. Несмотря на довольно суровый климат, одевались очень легко — кусок шкуры на бедрах и небольшая шкура на плечах составляли одежду мужчины, женщины носили «рубашки» из ткани, поддерживаемые на плечах ляжками; дети вообще не носили одежды (следует сказать, что ни римляне, ни другие цивилизованные, видимо, никогда не бывали далеко за Рейном зимой, так что известна только летняя одежда). Редкие за Рейном торговцы из цивилизованного мира ко времени Цезаря еще не успели приучить германских варваров ценить драгоценные металлы, и они одинаково относились как к своей глиняной посуде, так и к случайно попавшей к ним серебряной.

Говоря об оружии, Тацит прямо сообщает, что железа у них мало, и не каждый воин имеет копье с наконечником, а многие пользуются «обугленной палкой». Эта фраза Тацита (вероятно, впервые переведенная, возможно, и отличным латинистом, но человеком городским, которому ни разу не довелось забить гвоздь в стену) породила распространившееся по сотням книг нелепое представление о том, что дерево можно «закалить» на огне. Но дерево — не сталь (железо, медь и бронзу также нельзя закалить), и речь

может идти только об облегчении обработки дерева путем предварительного обжигания обрабатываемой части на огне. Если Тацит имел в виду копье (что, вроде бы, следует из параллели: копье с железным наконечником — копье без него), то подразумевалось следующее: прежде чем «заскоблить» конец в острие, его держали в огне, обугливали. Но много вероятнее, что имелась в виду дубина или палица, изготовленная из молодого дерева, вырванного с корнями, а корни были обсажены, чтобы получить утолщение на конце. Таких «затруднений» в переводах военных (да и других) реалий в античных текстах довольно много. Причина, видимо, не только в том, что тексты кратки, а грамматика допускает различные вариации смысла фраз. На переводчика оказывают сильное влияние весьма условные или стилизованные изображения оружия, одежды и доспехов на сохранившихся до наших дней остатках триумфальных сооружений, надгробий, алтарей, мозаики и посуды, скульптуры. Вот характерный пример чисто филологического перевода текста Полибия о римском вооружении, сделанный в конце прошлого века Мищенко:

«Самым юным из солдат трибуны предписывают вооружаться мечом, дротиками и легким щитом. Щит сколочен крепко и для обороны достаточно велик. По виду он круглый и имеет три фута в поперечнике. Легковооруженные, кроме того, носят на голове гладкую шапку, иногда бычью шкуру, или что-нибудь в этом роде, как для покрытия головы, так и для того, чтобы дать отдельным начальникам отличить по этим знакам храбрых в сражениях — от не таковых. Древко дротика имеет обыкновенно в длину два локтя и в толщину один дюйм. Наконечник его длиною в пядень и так тонок и заострен, что непременно гнется после первого же удара, и потому противник не может метать его обратно <...> Воинам второго возраста <...> отдается приказание носить полное вооружение. В состав его, прежде всего, входит щит шириною в выпуклой части в два с половиной фута, а длиною в четыре фута <...> Он сколочен из двух досок, склеенных между собой бычачьим клеем, и снаружи обтянут сначала холстом, потом телячьей кожей. Далее, по краям сверху и снизу щит имеет железные полосы, которые защищают его от удара меча...».

Текст, несомненно, ценен сообщением о соответствиях возраста солдата и типа вооружения, но описания оружия могут создать неправильное представление. Например, наконечник дротика «так тонок и заострен» — может показаться похож на заточенную вязальную спицу, поскольку отмечено только то, что он гнется от первого удара. Скупых слов оригинала достаточно для современников автора, отлично знакомых с разными наконечниками дротиков, но их мало для нашего современника. Огромный музейный «арсенал» железного оружия, собранный этнографами и путешественниками по Африке и Азии, позволил бы переводчику античного текста преодолеть «ложный академизм» и, подобрав что-либо аналогичное

описанию, сделать «смысловой перевод»: «наконечник дротика имел длину около двадцати сантиметров, закреплялся на древке короткой конической втулкой, имел тонкое, легко сгибающееся цевье с узким листовидным лезвием на конце», или несколько иначе. Так было бы понятно, что не острие загибалось крючком, а сгибался сам вонзившийся в щит наконечник, и застрявший в щите дротик мешал оперировать им, делая врага беззащитным от других дротиков или стрел. Это своеобразное описание наконечника копья или дротика встречается и у других античных авторов, которые приписывают его изобретение то Каю Марию, то Юлию Цезарю, а переводы бывают еще туманнее мищенковского. То же самое и с описанием щитов — создается впечатление, что один выпуклый, как тарелка, а другой овальной формы и тоже выпуклый. На самом деле оба они имели «выпуклость» цилиндрического характера, только легкий был овальным (почти круглым), а щит тяжеловооруженного пехотинца — прямоугольный. Обо всем этом свидетельствуют не очень вразумительные слова о способе изготовления: «сколочен из двух досок, склеенных...». Щиты были не из двух досок в ширину, а двухслойные, склеенные на «болване» таким образом, что волокна дерева каждого слоя (как в фанере) располагались под углом друг к другу, что предотвращало раскалывание щита и сохраняло жесткую форму изгиба. Были и еще различия, которые не вошли в описания: пехотный щит любой формы и размера имел с внутренней стороны, почти в центре, или немного выше одну жесткую ручку; щит конника или лучника, обычно округлый, имел две ручки, в одну из которых (в мягкую) просовывалась рука до локтя, а вторую (жесткую) сжимали кистью руки — это давало возможность держать той же рукой повод коня или натягивать тетиву лука; также две ручки были у щитов воинов, сражавшихся на колесницах. Далее следует описание и другого вооружения тяжеловооруженного пехотинца:

«Кроме щита, в состав вооружения входит меч, который носят с правого бедра и называют иберийским. Он снабжен крепким, прочным клинком, а потому и колет превосходно, и обеими сторонами наносит тяжелый удар».

Обоюдоострый меч римского легионера — «гладиус», имел клинок длиной немного больше полуметра. «Иберийским» его называли не потому, что такие мечи были у жителей Испании, а из-за способаковки клинка, на железное «тело» которого по режущим кромкам наваривалась узенькая полоска стали, металла, который в то время умели делать только где-то в Малой Азии (возможно, на Кавказе), откуда он поступал в торговые города берегов Иберийского полуострова, где его приобретали римские ремесленники. Сочетание слов «твердый», «прочный» с другими следует понимать как закаленный (твердеет, естественно, «наварка» из стали).

«К этому нужно прибавить два метательных копья, медный щит и ножи. Копья различаются тяжелые и легкие. Круглые тяжелые копья име-

ют в поперечнике пядень, четырехугольные столько же в каждой стороне. Легкое копьё походит на рогатину средней величины, и его носят вместе с тяжелым. Каждое древко снабжено железным наконечником с крючком такой же длины, как и древко. Длина древка в копьях обоого рода около трети локтей. Наконечник соединяется с древком очень прочно и для дела весьма удобно, потому, что его запускают в дерево до середины и укрепляют множеством заклепок, поэтому связь частей не нарушается от употребления никогда, разве что изломается железо, между тем толщина наконечника в основании, там, где он соединяется с древком, всего полтора пальца».

Если воссоздать по этому описанию римское копьё, то получится совершенно нелепое сооружение из метрового бревнышка около 20 см в диаметре с забитым в него до половины железным стержнем 3 см толщины и крепленным дополнительно рядом заклепок. Так выглядело «копьё», или сариса, метательного осадного орудия вроде катапульты (аркбалесты). Кто виноват в создавшейся путанице? Может быть, какой-то античный переписчик, по рассеянности или безграмотности перепутавший части текста Полибия. Граненые древки обычных копий вообще очень редки, а четырехгранные годятся только для метательных машин. Под «крючком», вероятно, подразумевалось острие. Обычное римское легкое копьё — это несколько утяжеленный и более длинный дротик с таким же наконечником, оно — метательное, и входило в вооружение солдат двух первых рядов (*принсипес* и *хастати*). Третий ряд, старые опытные солдаты *триарии*, были вооружены тяжелыми ударными копьями, которые действительно напоминали «рогатину средней величины» и отличались от нее только отсутствием железной «перекладины» на том месте, где лезвие (клинок) переходило в насадочную втулку. Римский дротик назывался *миссилия*, легкое копьё — *тилум*, тяжелое — *хаста*.

«Большинство воинов носит еще медную бляху в пядень длины и ширины, которая прикрепляется на груди... Те из граждан, имущество коих определяется цензом более чем в десять тысяч драхм, прибавляют к другим доспехам, вместо нагрудника, кольчугу».

Не имея подлинника, трудно сказать, какое слово Мищенко перевел как «кольчуга», но до появления железных рубах из переплетенных колец от времени жизни Полибия (около 120 г. до н.э.) прошло около полутора тысяч лет. Вероятнее всего, имелся в виду кожаный «панцирь» — лорика. Он действительно имел несколько вариантов. Обычный солдатский «панцирь» — это безрукавная одежда из толстой, но мягкой бычьей кожи, поддерживаемая широкими кожаными наплечьями, которая застегивалась по боковым швам. Почти у шеи крепилась широкая медная пластина, защищавшая верхнюю часть груди, к низу от нее тело прикрывал щит. Иногда медные пластины крепились и на наплечьях, и на нижней части груди.

Спина была из более тонкой и гибкой кожи и не защищалась металлом. У центурионов и прочих начальников боевой панцирь был устроен иначе, он походил на твердый жилет из толстой кожи с «юбочкой» из широких ремней. Его выколачивали из размоченной кожи на деревянном «болване», имевшем рельефные формы мужского торса с хорошо развитой мускулатурой, и сушили сильно нагретым металлическим «гладилом». Размоченная и высушенная таким способом кожа не меняла от сырости приданной ей формы. Далее, на этот кожаный «торс» крепили медные или литые бронзовые украшения, тем более художественной выделки, чем выше был воинский ранг обладателя. Кроме боевых доспехов, существовали и парадные, которые надевали для триумфальных процессий и других церемоний. Они, как и парадное оружие, совсем не годились для боя, но отличались блеском и обилием украшений. Их вытягивали из тонкого листа меди или латуни, полировали до зеркального блеска или золотили. Третий вид доспехов тоже был парадным, но его никто не носил — это были так называемые «трофеи», литые из бронзы, богато украшенные высоким рельефом нагрудники, щиты, шлемы, мечи и копья. Их крепили красивыми группами к временным деревянным или к постоянным каменным триумфальным и памятным сооружениям. Несмотря на стремление экономить металл, они выходили слишком тяжелыми, чтобы ими можно было пользоваться, и непрочными в силу хрупкости бронзы. Римские шлемы двух типов, *кассис* и *галеа*, также были тянутые из размоченной толстой кожи, но *галеа* дополнительно покрывалась медным колпаком, который у высоких начальников украшался художественно выполненными накладками из бронзы или серебра. И боевые, и парадные шлемы украшали перьями. Доспехи надевали на шерстяную тунику с короткими рукавами, а поверх носили кожаный плащ. Военные трибуны имели право на шерстяной плащ с красной каймой, и только император носил целиком красный плащ, как знак особого отличия.

Во времена Цезаря римские солдаты уже не носили поножей (кожаные «гетры» с медной фигурной пластиной спереди), а обувались в *каллиги* — довольно высокие кожаные сапоги на толстой подошве, шнурованные спереди и оставлявшие пальцы открытыми. Вооружение римского легионера не требовало особого искусства в обращении, оно выдавало расчет на дисциплину и стойкость рядов во время вражеской атаки. Примкнутые друг к другу достаточно высокие щиты образовывали подвижную защитную стенку, за которой солдаты ждали приближения противника на расстояние надежного броска копья и сигнала к началу боя мечами. В этом была главная сила римского войска, и командиры всеми силами старались сохранить стройность рядов во время сражения. Если возникало расстройство рядов и замешательство, в бой вступали триарии, за рядом которых командиры спешили восстановить строй. Варвары нападали без строя, густой толпой, их атаки были страшны первым натиском, но в случае неудачи они не стыдились отступить.

Прямых сведений об оружии варваров в сочинениях античных авторов очень мало. Но косвенные данные (например, о воинах-союзниках, о вспомогательных войсках) позволяют предположить, что металлическое оружие было достаточно распространено всюду, где странствующие торговцы из цивилизованных мест не были редкими, а вокруг постоянных торжищ оно было обычным.

Столь же частым явлением, как и странствующие торговцы, были странствующие ремесленники, а для «освоенных» мест — и осевшие ремесленники. Именно с оседания странствующих ремесленников на установившихся регулярных торжищах начинал свое медленное или ускоренное развитие «новый город». Этническая преемственность ремесел начиналась только с того времени, когда «новый город» преодолевал «статус» пункта на торговых дорогах и становился «центром», т. е. когда вокруг инородного поселения оседали люди, утратившие или почти утратившие связи со своими этносами. Полное ремесло, т. е. производство изделий, намного превосходящих качеством аналогичные предметы традиционной этнической культуры, или изделий из материалов, отсутствующих в этой традиции, невозможно освоить, наблюдая процесс «вприглядку», необходимо участвовать в нем; да и в таком случае сначала вносятся «в этнос» некоторые отдельные приемы работы, например, холоднаяковка (перделка) полуманых купленных железных изделий или случайных обломков металла. С другой стороны, освоение ремесел выходцами из «этноса» нередко вносит что-то новое в отработанные временем формы ремесленных изделий, то, что исследователи обычно называют «влиянием местной традиции». Однако постоянный и широкий контакт «этноса» даже не с торгово-ремесленным центром, а со странствующими торговцами и ремесленниками, чаще приводил к другим обстоятельствам. Многие традиционные изделия незаметно вытеснялись более качественными, приобретаемыми обменом за предметы, которые и так уже ценились этнической традицией. Этническая традиция производства сужалась, из нее навсегда выпадали, один за другим, некогда самые распространенные приемы работы и, наконец, этнос с сильно разрушенной традицией воспроизводства своей материальной культуры терял собственную жизнестойкость и оказывался прочно привязанным к «специальному» производству далекого цивилизованного мира. Широкое распространение в этносе предметов «внешнего производства» не создавало имущественного расслоения или эксплуатации чужого труда, но сильно влияло на его социально-организационную традицию, подрывая ее четкость и жесткость, предназначавшуюся ранее для сохранения и продолжения, прежде всего, традиции материального производства. Появлялся такой невообразимый в представлениях доклассового общества феномен, как продажа пленника. В традиционных сражениях юношей стал перевешивать элемент грабительского набега, архаический угон скота сменился

разрушением селений и захватом купленных вещей и пленников. Дело кончалось тем, что (как в Галлии и Белгике при Юлии Цезаре) роль традиционной этнической персоны «священного великого военного вождя» переходила к удачливому или талантливому военачальнику солдат, присланных «цивилизованным миром» охранять торговцев, оперирующих на этой этнической территории. При всем этом, по сути дела, не происходило распространения действительно высоких культурных ценностей цивилизованного мира, а получалась некая «промежуточная» культура, какое-то время удовлетворявшая и потребностям этноса, и целям представителей цивилизации. Результат получался, на первый взгляд, довольно странный — материальная культура Галлии вроде бы развивалась, а социальная структура и все, что с ней было связано, в то же время постепенно приходила в упадок. Этот сложный этно-социальный процесс не оставил археологических следов, но в записях античных авторов, если к ним отнестись внимательно, они есть. Так, например, Цезарь в 24 главе VI книги своих «Записок» говорит:

«Некогда было время, когда галлы превосходили доблестью германцев, по собственному почину затевали войны с ними, и вследствие густоты населения и недостатка земель выводили колонии за Рейн <...> Но так как германцы и сейчас пребывают в той же нужде и бедности, и ведут такой же суровый образ жизни, что и раньше, питаются и одеваются по-прежнему, а галлам близость Провинции и знакомство с заморскими изделиями дали возможность жить более широко, то они постепенно привыкли к превосходству и, потерпев поражения в многочисленных сражениях, уже не думают меряться доблестью с германцами» (перевод А. И. Неусыхина). Перевод М. М. Покровского немного иной: «...то близость римских провинций и знакомство с заморскими товарами способствует развитию у них благосостояния и новых потребностей».

Цезарь ставил в прямую зависимость материальную сторону образа жизни и воинскую доблесть, и Цезарь-солдат не мог мыслить иначе, хотя в ослаблении армейской дисциплины он, несомненно, обвинил бы, прежде всего, командиров — за отсутствие требовательности к солдату. Так что за его записями можно увидеть свидетельство «падения этнической дисциплины» у галлов и ее пребывание на должной высоте у германцев, т. е. разрушение этно-социальной структуры или ее полноценное функционирование. Вопросы о том: «Что разрушалось, и что продолжало функционировать?» «Разные это были структуры или одного уровня?» — Цезарь в какой-то мере осветил сообщениями о делении галлов на друидов, «всадников» и «плебеев» и об отсутствии аналогичного деления у германцев. Но это различие вполне могло быть следствием более полного знакомства с жизнью галлов и весьма скромного — с жизнью германцев, особенно отдаленных от Рейна (лесных).

Страбон, писавший свою «Географию» в последнее десятилетие до н.э. и первое десятилетие н.э., ничего нового к описанию германцев не прибавляет, но из его географических материалов ясно, что римлянам до некоторой степени были известны прирейнские германцы, жители берега Северного моря до Альбиса (Эльбы) и германцы, жившие у истоков Рейна. Но, в связи с легендами о кимврах и тевтонах, он сообщает о «седовласых, в белых одеждах, в полотняных застегнутых фибулами мантиях, в медных поясах, босых» жрицах-предсказательницах, убивавших пленников и гадавших по их крови и внутренностям. Описание этой процедуры настолько кроваво-живописное, что вряд ли отражает действительность, ценно само упоминание предсказательниц. Цезарь, еще в связи с его войной с германцами под водительством Ариовиста, также упоминает женщин-предсказательниц (или прорицательниц), но кимвры и тевтоны, в отличие от юношей Ариовиста, действительно переселялись, т. е. искали место для поселения со своими женами и детьми, а, следовательно, «везли» с собой и что-то от своей социальной структуры, где некоторую социально-организующую роль играли старые женщины (но не мужчины-друиды, как у галлов). Из всего, что удалось собрать об архаическом «праве братьев», довольно четко следует постепенное вытеснение женской правовой линии мужской. Во всяком случае, женская линия в конце существования трехступенчатой системы оказывается на втором плане, а сама система ориентирована на мужчин (на колена трех «братьев»). Из этого может следовать, что германцы (во всяком случае — лесные) либо находились в стадии полнодействующей социально-возрастной организации общественной жизни, либо — в самом начале формирования трехступенчатой кровно-возрастной организации с преобладающей правовой ролью жен-«сестер», обязанностью которых в старших возрастных статусах была «магическая забота» о благополучии этносов, в том числе и об «удачах» в военных походах юношей, еще не имевших «магических вождей».

Ясно только одно: этно-историческая картина Западной Европы времени Цезаря и столетием позже чрезвычайно сложна и непривычна, в ней сложно переплетены интересы трех компонентов: римской рабовладельческой империи торгово-ремесленных городов (с их цивилизованным этносом); доклассового населения Галлии, организованного властью (в архаическом понимании «власти») воинства великого военного вождя Цезаря — в обширный всегалльский «этнос»; и разрозненных этнических групп германцев, уже начавших ощущать заметный недостаток земель, пригодных для расширения примитивного земледельческого хозяйства (иначе — ощущающих избыток населения). Таким образом, в какой-то мере интересы Рима и невоюющего населения Галлии совпали: нежелательно было массовое переселение германцев за Рейн, в Галлию.

Римские и греческие авторы, записавшие политическую историю Рима, учитывали только императоров, признанных таковыми римским сенатом:

Юлия Цезаря, Октавиана Августа, Тиберия Нерона, Калигулу, Тиберия Британика, Клавдия Домиция Нерона, Флавия Веспасиана и др. Галлы и прирейнские белги смотрели на это иначе. И признанные, и непризнанные верховные начальники римских легионов на Рейне были вождями воинства, препятствующего массовому заселению их земель зарейнскими германцами, это были их вожди. Однако, политика Рима была сложнее. «Чистое» рабовладение переставало себя оправдывать, разрастался колонат, открывавший широкие возможности эксплуатации и свободного населения «провинций». Галлия не была исключением, но для безопасности «провинций», наряду с укрепленными пунктами и пограничным валом, Рим создавал своеобразный «защитный пояс», привлекая на службу германских и других варваров, отдавая им пограничные земли для поселения, с обязанностью охранять их от других варваров. Дело это было долгое и хлопотное. В этом плане в Галлии римляне особое внимание уделяли Колонии Агриппине (будущему Кельну), на месте первой переправы Цезаря через Рейн, и «десятичным землям» — зарейнскому району у переправы в верховьях реки. Это были места наиболее вероятного «вторжения» диких германцев. Собственно, таковыми их сделали сами римские военачальники, переходя Рейн и пытаясь повторить стратегический маневр Цезаря, обошедшего всю Галлию по левому берегу Рейна, берегу Океана и вышедшего к Нарбонну. Цезарь дважды переходил Рейн, но не углублялся далеко, а, разорив селения германцев вблизи Рейна, возвращался назад. Император Август сам не воевал с германцами, вместо него легионами на северной половине рейнского левобережья командовал Марк Випсаний Агриппа — человек незнатного происхождения, отличный воитель и стратег. Он считал необходимым иметь постоянный мост через Рейн. Для этого, начиная с 30 г. до н.э., он неоднократно переправлял свои легионы за Рейн, успешно воевал там, поставил под свой контроль некоторую территорию правого берега против «города» убиев (буд. кол. Агриппина) и переселил часть германцев (сугамбров, тенктеров и узипетов) на земли убиев. Несколько позже пасынок Августа, Тиберий Нерон, создал примерно такую же обстановку на переправе у истоков Рейна. После смерти Агриппы (12 г. до н.э.) его место занял Ливий Друз Германик-старший. Германик-старший совершил несколько походов к берегу Океана и дошел до устья Альбиса (Эльбы). Тиберий, со своей стороны чуть позже дошел до истоков того же Альбиса, но замкнуть «кольцо», как это сделал Цезарь в Галлии, или создать укрепления с гарнизонами на линии похода ни тому, ни другому не удалось.

В это время среди солдат пограничных легионов уже не было римских плебеев, широкое распространение «прав римского гражданства» среди иберов, италиков, галлов, белгов и батавов позволяло набирать из них и пехоту, и конницу, и вспомогательные войска (а конницу и среди германцев). Даже многие начальники не были римлянами по происхождению.

Организованное переселение зарейнских германских отрядов с их вождями-союзниками Рима на земли белгов и галлов, возможно, было вызвано не только стремлением создать из самих германцев пограничную буферную зону, но и обезлюдением левого берега Рейна после того, как масса молодежи ушла оттуда в легионах и коннице Цезаря, приняла участие в двух «гражданских войнах» и, по сути дела, не вернулась домой. Во всяком случае, дело кончилось тем, что сенат объявил об организации на левом берегу Рейна двух новых территорий: Верхней и Нижней Римских Германий. В этом обстоятельстве важны две (хотя совершенно разные) стороны: одна связана с тем, что беспокойная жизнь этой пограничной зоны, с постоянными стычками варварских отрядов между собой и с римскими гарнизонами, ссоры вождей и другие смуты, т. е. постоянная военная обстановка, как бы «развернула» интересы воинственной молодежи германских лесных этнических групп в сторону Рейна. Небольшие ее отряды со своими вождями стали приходить из глубины германских земель и оседать на берегах Рейна и Дуная (херуски, кимвры и лангобарды — на среднем Рейне; семноны и бургундионы — в верховьях Дуная; маркоманы, лугии и готоны — на среднем Дунае). Вмешиваясь в беспокойную жизнь пограничной зоны то в качестве чьих-либо союзников, то самостоятельно, они пролагали невидимые тропы для других таких же отрядов диких варваров к границам римских владений, ставших за несколько первых столетий нашей эры той Римской Империей, которая широко известна в наше время по трудам современных историков. Так политика Рима и история защитной пограничной полосы постепенно подготовила ситуацию IV–V веков н.э., т. е. те события, которые называют «Великим переселением народов».

Другая сторона касается сведений античных авторов (начиная с Гая Плиния) о жизни и строе германского общества — почти все они почерпнуты в этой пограничной полосе либо в результате личных наблюдений, либо опросом очевидцев и самих варваров. Это сильно снижает ценность записей, поскольку трудно разделить то, что относилось к исконным прирейнским германцам, что — к осевшим «переселенцам», а не к тем германцам, которые не покидали родных мест. К сожалению, эта характеристика относится и к самому обширному источнику, к «Германии» и «Анналам» Публия Корнелия Тацита. Огромное количество разнообразных сведений, иногда противоречащих друг другу, явно относящихся к очень разным группам германцев, изложено внешне стройно, но не по сути, а по формальному содержанию, что создало пеструю смесь «уровней», в которой невозможно разобраться. Ценность материалов значительно снижается и римской литературной традицией (заметной уже у Цезаря), где широкое использование римской социальной и политической терминологии, наряду с манерой описывать взаимоотношения варваров и между собой, и с римлянами в выражениях и словах, характерных для цивилизованной полити-

ческой жизни Рима, создают ложное представление о характере событий и о содержании и значении обычаев, хотя общая ценность сведений не подлежит никакому сомнению. Кое-что исказили и упростили при переводах. Многие современные историки, сравнивая «Записки» Юлия Цезаря и сведения, собранные Тацитом, приходили к неверному выводу о значительном изменении социально-экономических отношений у германцев, произошедших за полтора столетия, разделяющих эти труды. Это было следствием количественной разницы, веры в адекватность описаний реальности и стилистической близости изложений («цивилизованного» языка) современным нам литературным формам. В действительности же эти кажущиеся изменения целиком связаны с нерасчлененностью у Тацита сведений о более развитых прирейнских германцах и сведений о лесных варварах. Кроме этого, никто не делал попыток сопоставления сведений Цезаря и Тацита с этнографическими материалами об обычаях, о жизни, хозяйстве, социальных отношениях почти современных нам доклассовых этносов. По-видимому, этому мешала осознанная или неосознанная убежденность в «расовом» отличии древних европеоидов от народов колоний того же уровня социально-экономического развития. Между тем, это — единственная возможность разобраться в существовании античных материалов о доклассовых народах Европы того времени и избежать «гипнотического» воздействия кажущейся абсолютной понятности и объективности этих произведений античной литературы. Нет надобности отрицать великое многообразие форм проявления стадийно-однозначного состояния у разных по времени и месту этносов, но определяющие стадию развития принципиальные явления не могут быть различными. Опираясь на эту закономерность, можно до некоторой степени разобраться и в сведениях Тацита, и выделить из них то, что можно назвать «свидетельством с той стороны».

«В своих старинных песнях, являющихся у германцев единственным видом исторической памяти (*мемориа эт анналиум*) они воспевают, как своих прародителей, бога Туискона и его сына Манна. Они приписывают Манну трех сыновей, по имени которых называются германцы: ближайшие к Океану — ингевонами; живущие в середине — герминонами; а остальные — истевонами <...> некоторые утверждают, что у бога было больше сыновей, от которых произошло больше названий: марсы, гамбривии, свевы, вандилии, и что это — подлинные и древние имена. Германия — имя новое... сначала германцами назывались те, которые первыми перешли Рейн, сейчас они — тугры, а потом так стали называть всех, весь народ (*натионес номен*), не одну группу (*нон гентис*), а далее те и сами усвоили это имя».

В этом отрывке есть некоторая параллель с цезаревским делением жителей Галлии на аквитанов, белгов и кельтов, но главное не это. Замечательно

то, что в этих названиях больших групп германцев «звучит» нечто близкое именам германского героического эпоса. Ингевоны, несомненно, «потомки» Ингви-Фрейра, а это открывает право повернуть расположение имен (обычно их располагают с запада на восток), поскольку «ингвинги» или «инглинги», по эпосу, — северные германцы (в раннее средневековье — уже скандинавы и юты). Стало быть, герминоны обитали в лесной зоне, а истевоны, возможно, в верховьях Дуная или по его среднему течению. Названия более мелких групп — это уже названия собственно германцев (герминонов) и «остальных»: тунгры — по течению Мааса; гамбрии (сугамбры или сикамбры) — по нижнему течению Рейна; марсы — к югу от Тевтобурского леса; свевы или свебы — между верхним Рейном и Швабской Юрой; а вандилии (вандалы) — восточнее свевов (свевы и вандилии, возможно, и есть истевоны). Со свевами первым познакомился Юлий Цезарь, это были воины вождя Ариовиста (Цезарь приводит много мелких названий и говорит, что у свевов сто пагов, из которых каждый может выставить тысячу воинов — то есть всего 100 000 человек). В материалах Тацита приведено множество германских названий мелких групп, но эти, по сведениям Тацита, «подлинные и древние».

Есть и особая сложность в понимании существа этнонимов, приведенных в сочинениях античных авторов. Дело в том, что эти названия неоднотипны не только по «объему» этнических групп, но и по их характеру: здесь, в перечне любого автора, несомненно, оказывались и собственно этнические имена; и названия воинских отрядов молодежи (как осевших, поселившихся, так и еще странствующих); и наименования, данные соседями; и случайные «римские» названия каких-то групп варваров. Историки нашего времени, совершенно или почти совершенно незнакомые с работами этнографов о жизни доколониальных народов Африки или Азии, находившихся на близкой к древним германцам стадии развития, все античные названия варваров, ничтоже сумняшеся, сочли названиями «племен», а эти «племена» поняли как крупные или мелкие «протогосударства», т. е. упрощенные политические структуры, не принципиально, а только количественно отличные от настоящих государств более развитых классовых обществ, как их «микромодели»: с вождями-правителями, со старейшинами и знатью, с рядовыми членами (следовало понимать, что в «настоящем государстве» им соответствовали короли, высшая аристократия и дворянство, простой народ). Ничего не меняло в этих взглядах на варварское общество и нередкое упоминание «собраний всех взрослых членов племени» для решения важных вопросов. Оставалась та же спекулятивная абстракция и диминуция поздних политических структур.

Любую реальную этническую единицу доклассового общества (вплоть до населения одной деревни), разумеется, можно называть и племенем. Но необходимо учитывать, что в доклассовом обществе не могло быть отде-

ленной от этого общества персоны или структуры, обязанностью которой было бы «управление» всей этой однородной в имущественном отношении, бесклассовой этнической единицей. Доклассовое общество нигде и никогда не было аморфным, но его структура, как бы она ни была сложна, принципиально отличалась от структуры общества, разделенного на наследственные слои с резким различием в объеме и качестве имущества, отличалась, прежде всего, отсутствием (за ненадобностью) аппарата (или системы), однозначно «управляющего» (т. е. предотвращающего выступления недовольных имущественным и социальным неравенством) всем этносом. Возрастная структура доклассового общества, как уже неоднократно отмечалось, имела своих социальных руководителей, но их роли были строго связаны с контингентами определенного социально-значимого возраста, что создавало в пределах реальной этнической единицы структурные сечения, жестко связанные с определенной сферой деятельности, но периодически меняющие свое «человеческое наполнение». На фоне привычных и принципиально понятных нашему современнику социальных этнополитических делений классового общества (с наследственной пожизненной принадлежностью и к социальному слою, и к политическому единству) очень трудно осознать совершенно иной принцип и разность значимости делений доклассового общества, ощутить его качественное отличие от классового. Государственные границы современного классового общества жестко рассекают его на современные этнические единицы-нации (например, подавляющее большинство населения Италии — итальянцы, Франции — французы, и т. д.), но социальные сечения в реальности не столь четки, принципиальное деление общества на капиталистов, рабочих и интеллигенцию — «смазано» множеством промежуточных состояний людей и «накладками» рода занятий, официальными группировками по имущественному цензу и т. д. В современном классовом обществе социальная принадлежность относительно подвижна (хотя бы теоретически и юридически), т. е. можно разбогатеть или разориться, но этническая принадлежность (национальность) принципиально абсолютна и не меняется с принятием иного гражданства. Иная картина была в доклассовом обществе. Четких, охраняемых границ этнических территорий не было. Границы самих этносов были нечетки, расплывчаты и проницаемы. Этническая однородность или близость определялась полным сходством или относительной понятностью языка, а также — полным сходством или сходством в отдельных деталях этнического облика, орудий труда и иной материальной культуры. Этническая разнородность, соответственно, определялась несходством, что все же не создавало полной непроницаемости. Зато границы между возрастными статусами, особенно между статусом людей до брака и после брака, были и четкими, и жесткими вследствие различия в сферах деятельности и отмеченности специальным ритуалом, а также

снятием одних запретов и наложением других, изменением обязанностей. Они больше обособляли (нередко даже локально) людей разных возрастных статусов одного этнического коллектива, нежели людей одного статуса из разных этносов. Причиной тому было сходство занятий и форм жизни, идеологических «моментов» однозначных возрастных статусов, вне зависимости от этнических делений. Даже этнической территорией разные возрастные статусы были связаны по-разному, жизнь людей послебрачных статусов была менее подвижна, иногда оседла, а занятия стативны и в значительной мере индивидуализированы (обработка дерева, кожи, плетение, ткачество, уход за посевами, уход за детьми и их первичное воспитание и обучение, уход за больными и старыми), в то же время молодежь добрачного возрастного статуса вела подвижный образ жизни, соответственно своим понятиям и формам труда, требовавших подвижности и коллективности (перегоны и охрана стад, загонные охоты, расчистка новых угодий, сбор урожая). Со временем занятия и того, и другого возрастного статуса развиваются, пополняются новыми формами (например, обработка металлов, качественная керамика, сложные орудия труда, более совершенное оружие; торговые экспедиции, военные набеги на соседей, угон чужого скота, уход на новое место поселения), но возрастная грань между этими двумя социально-активными состояниями, их образом жизни и характером занятий продолжает сохраняться.

Эта грань возрастных правовых состояний, двух социально-активных возрастных статусов, делила конкретный этнос, как и любую его локальную часть, и по формам организации внутренней жизни. Неженатая мужская молодежь имела своих вождей; жизнью тех, кто перешел эту грань, руководил авторитет по жизненному опыту из их старших представителей. В отношениях между вождями и «старшими» не было никаких прав или обязанностей, не было подчинения или повиновения. Обязанные уйти на новое место поселения (даже уже имевшие жен), по традиции, считались, до обретения этого места, оставшимися в статусе молодежи. По мере развития экономической основы доклассового общества и его вступления в «переходный период» главная возрастная грань становилась еще более резкой. Молодежь возраста «воина» со своими вождями нередко без особой нужды навсегда покидала родную этническую территорию, на которой столь же нередко оседала «чужая» молодежь. Возникали обстоятельства одновременного сосуществования на одной территории более или менее локализованной части ее населения и другой его части — нелокализованной, «непрерывно» движущейся, «кочевой». Внешний, не особенно внимательный наблюдатель, представитель более развитого классового общества, мог бы счесть эту территорию населенной двумя разными народами, оседлым и кочующим, тем более, что эти разностатусные части ее населения и названия, как правило, имели разные.

Современный нам исследователь именно такую картину обнаруживает в античных материалах о жизни варваров вблизи границ территорий, подвластных Римской империи. Эта приграничная полоса, постепенно создававшаяся в первые столетия нашего летоисчисления, к III–IV векам протянулась от устья Рейна до Каспийского моря. Ее западная половина почти полностью совпадала с течением Рейна, Дуная и берегов Черного моря до устья Днепра, восточная шла дальше по морскому берегу и предгорьям Кавказа. Но прилегающая «заграница» делилась иначе: на западе, до резкого поворота среднего течения Дуная на юг, к приграничной зоне примыкали болота, леса и горы, а далее на восток — задунайские, причерноморские и прикаспийские степи. Это обстоятельство создавало существенные различия и в образе жизни варваров приграничной полосы, и в характере занятий и хозяйстве тех из них, кто переходил возрастную грань «воина». До этого социально-определяющего момента юноши-воины одинаково выглядели бродягами-кочевниками, занятыми только войной и скотом, легко соглашавшимися служить Римской империи за право поселиться на «ее землях» и охранять эти земли от посягательств других варварских воинов. В западной части эти «кочующие» варвары, получив возрастное полноправие, как правило, оседали и начинали заниматься земледелием (каждое крупное воинство при этом образовывало «затравку» нового микроэтноса со своим названием), переводя свой скот на пастбищное содержание. В восточной части такие «оторвавшиеся» от исходных, живших севернее этносов, группы воинской молодежи, становясь полноправными по возрасту, имели мало возможностей осесть и перейти к сельскохозяйственным занятиям. Они и в этом возрасте оставались подвижными скотоводами, только стремились получить определенные земли для выпаса своих стад, чем также создавали «затравки» новых микроэтносов, но со скотоводческим хозяйством. Принципиально, в приграничной полосе для непрерывного (и интенсифицированного римской политикой в приграничной зоне) развития этого процесса не могло хватать «свободных» земель, но это вполне устраивало Римскую империю. Римские пограничные власти отдавали для поселения одни и те же земли разным группам варваров-воинов, своим «союзникам» по охране границы, сталкивая их, таким образом, друг с другом, и вообще всячески поощряли столкновения и войны между приграничными варварами.

До поры до времени эта политика имела успех, и «союзные варвары» охраняли границы Империи от «диких варваров», не становясь слишком сильными из-за своих внутренних раздоров. Но существовали два фактора, которые, при определенных обстоятельствах, могли резко изменить это трудно сохраняемое равновесие. Во-первых, приграничная полоса была и зоной торговых (и вообще культурных) контактов между галло-римским и греко-римским культурными комплексами и европейской (западной и восточной) отдаленной варварской периферией. Следовательно, варвары

приграничной полосы неизбежно опережали в развитии своих северных соседей, оказываясь посредниками в этих контактах вследствие жизни вперемешку с римскими пограничными опидиями и кастеллами, с колониями ветеранов, ремесленников, торговцев. С течением времени приграничные варвары приобрели наступательное и оборонительное оружие, не уступающее по качеству стандартному вооружению римских легионеров, поняли преимущество воинского строя и дисциплины, и в качестве римских «союзников» несли воинские обязанности до римского возраста ветерана (т.е. приблизительно до 50 лет). Они стали заводить рабов, которые вместо них выполняли бы те работы, которые полагались полноправному (полно-возрастному) варвару. Но «продвинутые» варвары во многом сохраняли и свои архаические традиции, социальные морально-этические нормы и идеологические представления. Это и было то «во-вторых», что могло неожиданно нарушить «равновесие» на границах Римской империи. В постоянных межварварских вооруженных столкновениях могли выделиться выдающиеся военные вожди, слава которых могла собрать под их начало теперь уже прекрасно вооруженных и дисциплинированных воинов в таком числе, что пограничные и регулярные гарнизонные римские легионы не смогли бы оказать никакого сопротивления.

Такое время наступило к концу III и началу IV столетия н.э. и было названо авторами работ по событийно-политической истории Европы «Великим переселением народов». Но эти события излагались как прорыв далекими варварскими «племенами», находившимися в стадии «распада родоплеменных отношений», пограничной защитной полосы Римской империи, объединившимися в сильные военные «союзы племен». Обычно на исторических картах пути этих «союзов племен» начинали пролагать либо от берегов Северного и Балтийского морей, либо от Волги и Урала, а иногда из глубины Восточной Азии, от границ Китая (моделируя явление по поздним и хорошо документированным арабо-мусульманским и татаро-монгольским завоевательным походам). Однако внимательное отношение к античным источникам, к сведениям об этом времени, приводит к иным выводам, если учитывать еще и этнографические материалы о жизни народов, например, Тропической Африки до колониального раздела и в первые десятилетия после него.

Все варварские воинства, которые в IV, затем в V–VI веках устремились на территории, принадлежавшей Римской империи, образовались вблизи пограничной зоны или непосредственно в ее пределах. Ни лангобарды, ни бургунды, ни вандалы, ни аламаны (сокращенно — аланы), ни вест- или остготы никогда не жили на берегах Балтийского моря или в северной части германских земель, точно так же как гунны ничего не имели общего с китайскими «сюнну». Все эти воинства появлялись по мере выдвижения их «великих вождей» в пределах приграничной зоны. Во II–III ве-

ках это были имена небольших воинских отрядов, еще не особенно беспокоивших своими подвигами римские власти. Но с появлением способных вождей они внезапно выростали численностью воинов, и их ничто уже не могло удержать у границ Империи на римской службе. Они не утратили, несмотря все изменения в своей жизни, представлений об архаических традициях свободной этнической жизни, о праве силой оружия находить места для новых поселений; наконец, они ощутили в себе силы выполнить это. Сначала, видимо, для «пробы сил» воинства выдающихся вождей, они вступали в сражения друг с другом. Так, например, готы, сформировавшиеся в верхнем течении Дуная, восточнее лангобардов, победили аналогичное воинство сарматов и распространились по всему среднему и нижнему Дунаю и до устья Днепра, разделившись после «оседания» на западных и восточных готов. В отличие от переселявшихся воинов времен Юлия Цезаря, поселившись, они уже не становились невоюющим этносом полновозрастных варваров, а сохраняли свою военную организацию и вождей (которые, видимо, к этому времени получили пожизненное право на свой сан и пост), а также — обязанность мужчин быть воинами до конца социально-активного возраста.

Таким образом, у осевших полновозрастных женатых воинов, обязанных, по архаической традиции, перейти к тем или иным мирным хозяйственным занятиям, появлялась своя первично-политическая структура, независимая от отрядов юношей-воинов и их вождей. Если сказать точнее, то произошло своеобразное перемещение ролей возрастных категорий у варваров пограничной полосы. Если в предшествующий период главной категорией были женатые, полнозрелые, занятые хозяйством, оседлые члены этнической группы, которые постоянно, в соответствии с принятой в данном этносе нормой возрастного счета, выделяли из своей среды подвижные отряды юношей-воинов, частично возвращавшихся в исходный этнос, частично (время от времени) уходивших на поиски новых мест поселения, то в пограничных этносах сложилась иная картина: главной категорией стали женатые и неженатые воины — категория, которая частично воспроизводила саму себя, а частично пополнялась юношами из других этносов. Время от времени эта, склонная к известной подвижности, к быстрому численному увеличению или уменьшению (принципиально еще возрастная) категория воинов систематически выделяла из своей среды группу оседающих, переходящих к хозяйственной деятельности, в которую входили не только выходящие из возраста неженатого воина, но и часть самих женатых воинов. Естественно, что наибольшей подвижностью (как и прежде) обладали неженатые юноши-воины, известной склонностью к этому отличалась и наиболее молодая часть женатых воинов, а склонность к хозяйству вела к неизбежной оседлости. По сути дела, в промежутках между войнами все эти категории в той или иной степени занимались хозяйственными делами,

и их локальные группы напоминали собой нечто, объединявшее в себе и укрепленный лагерь регулярных римских легионов, и колонию римских ветеранов, особенно с появлением личных рабов (в этом новом состоянии подобные образования уже не были этносами, устойчиво связанными единым хозяйством и общей реальной формой социальной традиции, а скорее разросшейся военно-этнической организацией, воспроизводящейся относительно непрерывно «на фоне» многих оседлых хозяйствующих групп, также за их счет).

Естественно, что эта разросшаяся военная организация, как форма жизни значительных контингентов населения, могла появиться только после значительных положительных сдвигов в результативности местного хозяйства, хотя на этом своем уровне, несмотря на возросшую склонность к набегам и силовому отнятию материальных ценностей и продукции деятельности невоюющих оседлых групп, она не могла считаться высшим, эксплуататорским слоем варварского общества пограничной зоны. Положение начало меняться по мере отрыва этих воинских структур от территории пограничной зоны, по мере их углубления в римские владения и оседания на новых территориях (с достаточным, к V–V вв., имущественным расслоением, утратой архаических этнических традиций и с наличием римского фискального аппарата, чиновников и военной силы). Варварская военная организация оседала на территории классового общества, хотя и подчиненного Риму, т. е. не имеющего политической самостоятельности, но в высших слоях не имеющего ничего против ее обретения. Право поселения на принадлежащей Риму территории варварская воинская организация обретала в сражении с римскими военными силами, поставленными охранять римское политическое господство. Следовательно — победа варваров, прежде всего, меняла политический статус завоеванной территории, давая ей политическую независимость и самостоятельность. Варвары не организовывали новых («варварских») государств, а своими прочными победами членили подвластную Риму территорию (с классовым характером общественных отношений и стройной системой управления) на независимые государственные единицы, самоличному образованию которых препятствовала римская политическая власть. Этносоциальные процессы в этих новообразованиях протекали интенсивно и сводились к быстрой ассимиляции неженатых воинов местным населением, к слиянию части женатых воинов с местным свободно-имущим населением, а варварских вождей — с богатыми местными землевладельцами. Необходимость охраны завоеванной территории сохраняла варварскую военную структуру во главе с верховным вождем, но местные социальные обстоятельства позволяли (а возможно — и требовали) «замкнуть» в самовоспроизводстве значительную часть воинов и отделить ее от производительной деятельности, возложив на нее исключительно военные обязанности, т. е. создать

зародыш будущего феодального сословия. Несмотря на стремление варваров к цивилизованной роскоши, на содержание замкнутого самовоспроизводящегося воинства требовалось значительно меньше средств, чем ранее отнимались римским фиском, правителями, военачальниками на содержание римских солдат.

По-видимому, от количественного соотношения неженатых и женатых воинов в составе завоевательских воинств в какой-то мере зависела и протяженность их странствий по территории Римской империи до момента оседания (т. е. до образования того или иного «варварского» государства) — вследствие того, что сохранявшаяся архаическая традиция не позволяла молодежи перейти к оседлой жизни раньше определенного срока, а нововведение (женатые воины) допускало сохранение воинством его численности, его численности на весь этот срок. В другом варианте, когда молодежи в составе воинства было мало, путь его оказывался коротким, женатые воины (со своим вождем) оседали, а юноши либо уходили (со своим вождем) дальше, если ощущали недостаточную боеспособность, либо становились подвижным отрядом осевшего воинства старших.

Естественно, что в этом сложном процессе образования самостоятельных государств из подвластных Риму территорий достаточно активную роль играло и само население. Варварские воинства легко пополняли свои отряды местной молодежью самых разных социально-имущественных состояний еще во время движения по территориям римских владений, ибо гнет римской государственной машины ощущали все категории населения провинций, включая и получивших римское гражданство. После же оседания постоянный (все более и более обособляющийся от иных занятий) воинский слой формировался не из одних пришлых варваров, хотя нередко сохранял исходное варварское имя. Но, вероятно, варварские вожди, образуя династии правителей новых государств, сохраняли и архаическую традицию наследования титула и поста, и какое-то время варварскую «чистоту крови» (т. е. сохранялась женская ритуально-правовая значимость). Однако, несмотря на то, что в сочинениях античных авторов, начиная от Юлия Цезаря и Тацита — до живших в первые три-четыре века н. э. (Плутарх, Аппиан, Дион Кассий, Аммиан Марцеллин) довольно часто упоминаются «цари»-братья (чаще два брата, либо как соперники, либо в связи с римскими политическими хитроуплетеньями в отношении варваров), отцы и сыновья (последние, как правило, в связи с сообщениями о заложниках), сведения эти настолько фрагментарны и вкраплены в упрощенный, традиционный для таких сочинений, текст, что какая-либо реконструкция системы отношений невозможна. Некоторый интерес для этого вопроса может представлять краткое сообщение о бургундах у Аммиана Марцеллина («История», кн. XXV; гл. 5, 14):

«У бургундов каждый король носит общее для всех имя «Хендинос» и, согласно старинному обычаю, принуждается к отречению от власти

и устраняется в том случае, если при нем племя постигнут военные неудачи или земля откажет в достаточном урожае хлеба, подобно тому, как и египтяне вменяют своим правителям в вину такие превратности. Верховный жрец бургунов называется «Синистус», он несменяем и, в отличие от королей, не несет ни за что никакой ответственности».

Немного выше он же замечает, что «...это ужасное племя, с самого начала не раз терпевшее убыль в численности вследствие превратностей судьбы, столь быстро восстанавливается и размножается, словно оно оставалось никем не тронутым в течение ряда столетий».

Сопоставление этих двух сообщений и внимательное отношение к тексту могут послужить опорой для некоторых выводов. Прежде всего, очевидно, что речь идет не о «племени» бургунов, т. е. не о целостном этносе со всей его структурой и видами деятельности, называвшемся «бургунами», а только о многочисленной и сильной воинской организации, систематически восстанавливавшейся после сражений, а, возможно, и непрерывно разрастающейся за счет стекающей из разных оседлых этнических групп молодежи, по мере достижения ею начального воинского возраста. Далее, сообщение о «королях» бургунов, т. е. о военных вождях этой воинской организации, достаточно ясно говорит если не о регулярной (через определенный срок) их смене, то о распространенной архаической идеологической традиции связывать хозяйственное процветание и военные успехи с сакральной персоной вождя молодежи, с обычаем его смещения и даже умерщвления, если жизненные обстоятельства складываются плохо и нет перемен к лучшему. Наконец, «Хендинос», общее имя королей бургунов — единственный случай письменной фиксации «тайного имени» (обычных, т. е. известных всем личных имен варварских вождей в античных материалах довольно много), своеобразного имени-титула, который не должен быть известным представителям иной общезтнической принадлежности. Сообщение о том, что это имя «носит каждый король», т. е. что его наследуют, по-видимому, показывает воинов-бургунов IV века н.э. как самостоятельную, не связанную ни с каким оседлым этническим образованием («племенем») подвижную воинскую организацию. Дело в том, что имя «Хендинос» — непростое, оно имеет параллель среди имен северо-германского героического эпоса — «Хедин». Но эти имена «наследовались» сложно, поскольку были первоначально коллективными именами членов возрастных групп, а позже вошли в эпос как личные имена его героев. Имена эти составляли некие «серии»: по 5 мужских и по 4 женских. Некоторые из них, по-видимому, были одинаковыми у многих реальных германских этносов, некоторые же у разных этносов отличались (такая же картина была свойственна аналогичным групповым именам у галла-оромо XVI в. в Восточной Африке), но соответственно соотносились по возрастным рангам. Если бы бургуны IV века были «племенем», т. е. реальным

этносом, то их «короли» наследовали бы один и тот же имя-титул либо через пять персон, либо — поздний вариант — через три. Самостоятельная же воинская структура (из неженатых и недавно женившихся воинов), хотя и восходила своими корнями к традиции этнических отрядов юношей-воинов, оторвавшись от полноценной этнической жизни, закрепляла за собой как титул ритуальное имя того вождя, при котором началось ее формирование, быстрое разрастание и отрыв от исходной территории. Все это будет более понятным «на фоне» тех имен, которые свойственны древнегерманскому эпосу. Вот, например, одна из их серий: Вельсунг, Хедин, Хумлунг, Хюмлинг, Хельги — они составляли своеобразную пятиступенчатую «фратрию»-поколение (как у галла-оромо) и повторялись у выше- и нижестоящих таких же поколений (до бесконечности). Соответствующие имена каждого колена соотносились как «отцы» — «сыновья», но после того, как полностью сформировывались возрастные группы младшего колена, первое имя старшего колена менялось — Вельсунг становился Одином. Эпическая традиция некоторым образом указывает, что пятиступенчатая социально-возрастная система еще действовала (по крайней мере, у лесных и северных германцев) в IV–V веках н.э., поскольку в другой аналогичной серии есть два исторических имени, относящихся к этому времени: Сигурд, Грипир, Фафнир, Атли (Этиль или Атилла), Ермунрекк (Херманарих или Германарих). Возможно, что эти «исторические» имена во всем подобны имени Хендинос-Хедин, т. е. это также имена-титулы вождей воинских структур (подобных бургундам и др.), известных в истории именами «племен» гуннов и готов, и понятые поздними античными и христианскими авторами как имена собственные их «королей». Возможно и другое: два последних имени — действительно имена собственные исторических воителей V века и добавлены в архаическую легенду-мнемонику к уже ставшей к пятому веку трехступенчатой (Сигурд, Грипир, Фафнир) структуре избрания военных вождей, чтобы легенда выглядела древней, пятиступенчатой.

Вся трудность выяснения этих достаточно отдаленных во времени обстоятельств вызвана, прежде всего, тем фактом, что в исследованиях нашего времени по истории «варварского периода» сообщения ранних христианских авторов принимаются как равнозначные историографические материалы, без сомнений и анализа. Если же проявить надлежащее недоверие и сопоставить сочинения ранних христианских (да и средневековых) авторов с античными, то станет ясно, что это не более как продолжение одной и той же литературной традиции, т. е. обнаружится явное подражание, заимствование порядка изложения, терминологии и социальной лексики и многих «фактических данных». Новым в этих, скорее литературных, чем исторических, трудах окажется только христианское «оформление», да некоторые сообщения, которых объективно не могло быть у более ранних авторов. Особенно пагубным для восстановления истории «варварского

периода» было стремление христианских авторов связать в последовательную линию свои сведения с сообщениями о варварах у античных писателей. Именно это обстоятельство привело исследователей ранней истории Европы к необходимости располагать «исходные территории» варварских «племен» эпохи «Великого переселения народов» в глубине лесов Западной Европы, на берегах Северного и Балтийского морей, вблизи Урала и Кавказа; почти отождествлять готов с обитателями Гаутланда, а гуннов — с сюнну и т. д. Из этих же подражательных литературных сочинений попали в исторические триады нашего времени почти мгновенно возникшие и неизвестно куда исчезнувшие «варварские государства» остготов, вестготов, бургундов, лангобардов, вандалов, маркоманов, гуннов, англосаксов и др. — «государства», возникшие только вследствие завоевания одного «народа» другим «народом».

Пожалуй, больше чем кого-либо эта «история» касается «государства» франков. Имя франков не упоминается у античных авторов. Это не «племя» и не «союз племен», а отчетливое большое приграничное воинское образование, состоявшее на римской службе. Подобно вест- и остготам на Дунае, франки располагались у устья и по нижнему течению Рейна и делились на салических и рипуарских. Те из них, которые по возрасту переходили к «оседлому» образу жизни, селились преимущественно на левом берегу Рейна у Агриппинской колонии и по течению Мааса. Военные вожди франков-союзников получали от римского сената титулы «королей» (*рекс*). В 451 г. на так называемых Каталанских полях, в верховьях Сены, объединенные силы франков и римлян разбили гуннское воинство вождя Атиллы, пришедшее от черноморских границ Империи.

Если принять во внимание, что в IV веке Римская Империя разделилась на две части, а признанная государством христианская церковь (единство которой уже в III в. было сомнительным) также распалась, по крайней мере, на две большие ветви; если учитывать, что в III–IV веках почти во всей Империи непрерывно происходили восстания рабов и колонов совместно с разоряемым налогами свободным населением; если обратить внимание на возрастающее соперничество между двумя частями Империи (как и между двумя ее христианскими церквями), на стремление консулов и знати провинций к независимости от центральных властей — то на историю «Великих переселений» можно взглянуть и с несколько необычной стороны. Можно прийти к убеждению, что поселение варваров было организовано не самим Римом, а главным образом римско-христианской церковью для спасения гибнущей власти римской рабовладельческой знати. Так, по-видимому, не случайно придунайские готы после восстания рабов во Фракии в середине III века оказались поселенными на севере Балканского полуострова, как не случайно на усилившихся готов двинулись их восточные соседи гунны (такое же союзное Византии приграничное воинство). Также не случайно готы

под началом Алариха в V веке пошли на Рим, дважды осаждали его и в 410 г. захватили, а после заключения мира с императором Гонори получили для поселения Тулузу, а немного позже — и земли за Пиренеями. Несомненно, что сложные мотивы римской политики провели вандалов через Галлию и Иберию в Римскую Африку, позволили им захватить и разрушить Рим. Можно быть почти полностью уверенным, что не сами гунны и готы решили пройти по всей рейнской границе Империи и напасть на франков на Каталанических полях, как и другие гунны не сами ринулись в Армению и Сирию. И уже совершенно ясно, почему в 493 г. в Равенне (в реальном политическом центре Западной Римской Империи) появился со своим воинством остготский «король» Теодорих, появился через 17 лет после свержения начальником германцев-телохранителей Одоакром последнего западно-римского императора Ромула Августула. Если политика восточно-римских императоров (объединявших в себе и светскую, и церковную власть) имела целью всяческое ослабление политической власти западно-римских императоров и захват христианизированными (восточной церковью) варварами Галлии и Иберии, а целью западной церкви (отделенной от светской власти) было высвобождение силой христианизированных ею варваров Италии и Галлии из-под власти западно-римской государственной машины, то, в целом, политика христианской церкви сводилась к тому, чтобы сохранить в своих руках власть над всей территорией бывшей Римской «языческой» империи через «духовно» подвластных ей, неопытных в политических хитросплетениях варварских «королей»-завоевателей. А натравливание друг на друга «королей» с разным вероисповеданием, видимо, было не столько отражением церковных противоречий, сколько следствием борьбы за контроль над территориями.

Как уже было упомянуто, все это наиболее последовательно отразилось на истории франков. После победы франков и римлян над воинством Атилы (вождем франков был тогда Мерове) под контролем франкского воинства оказались земли по обе стороны Рейна, по его среднему и нижнему течению. Мерове был вождем франков 8 лет (448–456 гг.), до него легендарная традиция упоминает еще два имени — Фарамонд и Клодион; после него — Хильдерих (до 481 г.) и Хлодвиг (до 511 г.). За это время франкское воинство вытеснило из территории верховьев Рейна и Дуная аналогичное, т. е. союзное Риму, воинство аламанов, охранявшее это пространство после того, как бургунды ушли в долину Роны, а лонгобарды — в Северную Италию. В 496 г. вождя франков, Хлодвига, крестили. От этой даты начинается составление католическими священниками и монахами датированных списков франкских «королей». Вероятно, все историки нового времени считали и продолжают считать, что инициатива крещения Хлодвига и трех тысяч его воинов принадлежала самому Хлодвигу, будто бы рассчитывавшему на поддержку церкви в его завоевательской политике. Но Хлодвиг мог бы продолжать завоевание без поддержки церковников, тем

более, что организовать ему сопротивление они в той обстановке не могли — за варваров были все, кого угнетал Рим. Следовательно, католическая церковь в крещении франков преследовала свои интересы. Это заметно и в том, что войнство Хлодвига сразу же было направлено против «королевства» вестготов в Тулузе и за Пиренеями, также крещеных варваров, но крещеных восточно-римской церковью. По пути в Тулузу франки поставили под свой контроль Нейстрию (земли по течению Сены и Луары) и Аквитанию (земли между Луарой и Гаронной), захватили Тулузу, оставив вестготам Гасконь и земли за Пиренеями. Так под контролем франков (а через франкских «королей» — и под контролем католической римской церкви) оказалась почти вся территория будущей Франции.

Церковные хронисты упоминают имена пятерых потомков Хлодвига: четырех сыновей и дочь Клотильду, которую выдали замуж за «короля» вестготов. Поздние историки считают, что после смерти Хлодвига ему наследовал старший сын Теодорих, но его «королевство» распалось, поделенное между остальными сыновьями. Вопрос этот сложный, он создан и стремлением средневековых историков представить майорат как «извечную норму права» (что поддерживалось и каноническим церковным правом), и взглядами историков нового времени, полагавшими, что майорат восходит к обычаю наследования сыном (кровным потомком) статуса «вождя племени» в доклассовом обществе. Но ранние церковные хронисты записывали только имена «христианских королей» и даты их смерти. В «Салических законах» — судебниках, записанных примерно в то же время — ничего не сказано о наследовании власти (как нет этого ни в «Законах двенадцати таблиц», ни в «Русских правдах», ни в других аналогичных документах). Что же касается списка франкских «королей», то из него не следует никакого распада «королевства». Хлодвиг умер в 511 г.; его старший сын, Теодор — в 534 г.; второй брат, Клодомир — в 524 г. (т. е. еще при жизни Теодориха); третий брат, Хильдеберт, умер в 558 г.; четвертый — в 561 г. Из этой последовательности дат следует только то, что три брата (три сына Хлодвига, что менее существенно) были военными вождями франкского войнства поочередно по старшинству, и занимали этот пост пожизненно, т. е. так, как это полагалось по норме трехступенчатой архаической системы в последней ее фазе. Кроме того, три властвовавшие персоны зафиксированы «на фоне» пяти потомков (включение их сестры, Клотильды, иначе объяснить нельзя, а у Хлодвига могло быть и больше потомков).

В следующем колене зафиксировано также пять персон: сын Теодориха — Теодоберт (умер в 548 г.) и четыре сына младшего потомка Хлодвига — Хлотара; вождями были Хариберт (умер в 567 г.), Гонтран (умер в 593 г.) и Хильперих (умер в 593 г.). Четвертый сын Хлотара, Сигиберт (пятый член колена), умер в 575 г., при жизни Гонтрана и Хильпериха. У Хлотара было еще два сына, Храмм и Гондевальд (не входивших в пяти-

ступенчатое колено, дат их смерти нет). Храмм, видимо, пытался «заместить» рано умершего Хильпериха, но, вероятно, был убит полноправным наследником, сыном Хильпериха — Хлотаром II. Гоневальд же был кардиналом.

Третье колено составили два вождя: Хлотар II, сын Хильпериха, и Хильдеберт, сын Сигиберта. Старшим из двоюродных братьев был Хильдеберт, который умер в 596 г.; Хлотар II умер в 628 г. Четвертое колено — снова три вождя: сыновья Хлотара II — Дагоберт и Хариберт, и сын Хильдеберта, Теодоберт (даты их смерти — 638, 646 и 654).

Чтобы понять, что происходило после 654 года, приходится вернуться ко времени Хлодвига, к началу VI века. Завоеванная франками территория Галлии была разделена на пять частей: Австразия (с центрами в Кельне и Аахене); Нейстрия (с центрами в Суассоне и Орлеане); Алемания (с центрами в Страсбурге и Констанце); Бургундия (с центрами в Дижоне и Безансоне); и Аквитания (с центрами в Пуатье и Тулузе). Это деление соответствовало пяти потомкам Хлодвига, которые после его смерти как бы разделили завоеванную им территорию (во всяком случае, так считается официальной историей Франции). Пятой частью, Аквитанией, управлял муж Клотильды — дочери Хлодвига, граф Тулузский («король» вестготов), а остальными, еще при жизни Хлодвига-«короля» — его сыновья-герцоги. Из семантики слов: рекс или руа, герцог, граф, следует только один вывод, что они использовались франками V века и после как титулы верховного военного вождя, вождей под его началом, и «союзных» (по браку) вождей. Кроме того, на персону верховного вождя, видимо, налагались некие сакральные «обязанности». Судя по всему, в отличие от традиции Киевских великих князей, где священный центр — Киевский престол был неподвижным, а сыновья (братья-наследники) последовательно перемещались по стольным городам «второго ранга», по очереди наследуя Киевский великокняжеский титул, франкские короли (как братья-наследники) по очереди наследовали «корону», т. е. титул короля, оставаясь со своими воинами в своей «провинции» (герцогстве). Получается, что никакой раздробленности территории, подконтрольной франкскому воинству, во времена так называемой «династии Меровингов» не было — но не было привычной историкам неподвижной столицы. Очень возможно, что не все из пяти «потомков» Хлодвига были его кровными детьми, но они были «братьями» по архаической пятиступенчатой системе и вождями военных отрядов. По этой системе кровными детьми Хлодвига могли быть Хильдеберт и Клотильда, но, вследствие ранней смерти Клодомира, «сыновей»-наследников (или «братьев»-наследников) было трое.

Это резкое сокращение пяти ступеней в правовой схеме в три ступени могло быть следствием действия, по меньшей мере, двух факторов: стремлением римской католической церкви ввести позднеримскую (и церковно-каноническую) норму наследования старшим кровным сыном, и стрем-

лением самих франкских вождей передать личное имущество (а возможно, и титул «короля») кровным потомкам. Но древнюю этническую традицию сразу разрушить трудно, она является единственно понятной массе, т. е. воинам и осевшим варварам, как средство, обеспечивающее сакральность верховного вождя (а оседая, подвижное воинство на новой территории восстанавливает свои этнические традиции сакрализации вождя). Может получиться только компромисс — вожди будут избираться из кровных сыновей предшественника, но функция верховного (сакрального) вождя будет «наследоваться» братьями по старшинству (с учетом не более пяти персон), а при резком изменении — только тремя: первенцем, вторым и последним (включая мужа дочери, если она последняя). Это неизбежно ведет к созданию трехствольного кровнородственного династийного организма, включающего и возрастной архаический принцип.

В условиях франкского «королевства», с его пятью территориями, возникновение трехступенчатой династии оставляло две территории без кровнородственного герцога-правителя. Так у франков появилась особая должность «мажордомов» для управления «лишними» территориями от имени «короля» — т. е. должность подчиненного военачальника. Иными словами, зародилась параллельная династия военных вождей «второго ранга». Но, в условиях варварских военных традиций, «ранг» определялся не столько происхождением и родством, сколько военными способностями и удачами вождей. Возможно, что в то же время или несколько позже эта структура подчинения военных вождей стала развиваться в многоступенчатую систему линейных отношений в связи с одновременным дроблением подконтрольных территорий, от которых вожди разных «рангов» получали средства на содержание своих отрядов. В таких обстоятельствах династия мажордомов оказывалась чрезвычайно могущественной, имея под своим контролем практически всю территорию франков, оставляя «королям» право наследовать титул священной персоны. Несомненно, что католическую церковь это размежевание власти вполне устраивало, поскольку ослаблялась идеологическая позиция «королей», опиравшаяся не на догмы христианской религии, а на архаическую традицию варваров. Но и мажордомов склонить к принятию майората, как угодной церкви нормы наследования власти, по-видимому, не удалось. Правда, судить об этом трудно, так как династийные имена до Карла Мартелла были восстановлены позже, «по памяти», а ему наследовали традиционные три сына — Карл, Пепин Короткий и Гриффон. Считается, что оба брата Пепина Короткого умерли при его жизни, а сам Карл Мартелл был сильным воителем, победителем во многих сражениях (в том числе с мусульманами). Между родоначальником династии мажордомов, Пепином Старым (умер в 639 г.) и Пепином Коротким (752–768 гг.) располагаются три триады (колен трех братьев) франкских «королей», постепенно терявших сакральный престиж.

Военные подвиги Карла Мартелла, видимо, окончательно подорвали этот престиж и перенесли его на династию мажордомов, так что в 757 г., после смерти последнего меровинга, Теодориха IV, за удачные войны и изгнание мавров из Южной Галлии Пепин Короткий был избран «королем» франков, т. е. сакральным верховным вождем отслужившегося военного сословия Галлии. В 768 г. Пепин Короткий умер, оставив двух сыновей: Шарлеманя (Карло Магнус) и другого, тоже Карла. Они будто бы поделили наследство, и Карл получил Бургундию, а Шарлемань — остальное.

Однако существует отвергаемая официальной историей легенда, что между ними был еще один «брат» — сын Гриффона, брата Пепина, который восстал против него и был им убит. Имя сына Гриффона неизвестно, но у него был сын по имени Ролон, который был старше старшего сына Шарлеманя, Карла (умер в 811 г.). Этот Ролон будто бы командовал арьергардом в одном из походов Шарлеманя против испанских мавров, был предательски оставлен Шарлеманем без помощи и убит маврами, напавшими на арьергард. В идеализированной форме эта легенда послужила основой составленной позже «Песни о Роланде». Совершенно несущественно, связана ли эта легенда с какими-либо реальными событиями или нет, ценно совсем другое: она свидетельствует о живучести архаической социально-возрастной правовой традиции в этническом сознании христианизированного населения. Совершенно неслучайно, что она связана с именем Шарлеманя, который был великим воителем, т. е. в народном представлении военным вождем с огромной «сакральностью». Именно с этой стороной этнических представлений, прежде всего, и боролась христианская церковь, стремясь заместить в сознании масс «личную способность» священной персоны благотворным воздействием «внешней» высшей силы, божьей волей. Как этно-социальная правовая мнемоника, эта легенда интересна и тем, что отражает специфический западноевропейский вариант развития принципа кровного родства на фоне уходящего социально-возрастного. Специфика заключалась в том, что переходная форма — трехступенчатый правовой организм — прошла две стадии: стадию равноправного последовательного «наследования» статуса тремя родными и двоюродными братьями; и стадию, когда один из этих братьев всячески стремился «построить» младшую триаду наследников из своих кровных сыновей, устрояя племянников (сыновей своих родных и двоюродных «правовых братьев»). Так, по легенде, Шарлемань устранил своего племянника, Ролона, в пользу своего сына, второго по старшинству.

Исторически Шарлемань имел четырех сыновей — Карла, Пепина, Людовика и Пепина-младшего. Карл и Пепин-старший умерли при жизни Шарлеманя, т. е. до 814 г. (в 811 и 810 гг., соответственно). Наследовал ему третий по старшинству Людовик, проживший до 840 г.; а Пепин-младший умер в 832 г., при жизни Людовика. Это создавало впечатление прямого наследования королевского титула кровным сыном, но, видимо, еще не

могло утвердить норму права. У Людовика также зафиксировано четыре сына — Хлотар, Пепин, Людовик-II и Карл. Пепин умер в 838 г.; а трое остальных, видимо, имели намерение сохранить старинную традицию и править поочередно. Однако, «князья церкви» перессорили их и заставили разделить подвластную территорию на три части, что и было зафиксировано Верденским договором в 843 г. От этой даты официальные историки (и многие историки вообще) начинают отсчитывать историю Франции, Италии и Германии. Это было, во всяком случае, крупной победой римско-католической церкви, утвердившей таким образом правовую норму майората (линейного кровного генеалогического рода) в наследовании власти и имущества. С этого же времени в записях средневековых хронистов можно найти не только даты смерти «королей», но и даты их рождения. Именно тот факт, что предшествующие записи (за редким исключением) фиксировали последовательно даты смерти, составляет материальное обоснование реконструкции последней фазы «права трех братьев» в наследовании верховной военной власти в раннесредневековом европейском обществе.

Что же касается событийно-исторической стороны этого сложного и достаточно длительного процесса, то она целиком лежит на совести позднесредневековых историографов. Как примеры, наиболее ярко ее характеризующие, можно привести широко известное описание борьбы за английскую корону Ричарда-III, герцога Глитера, или безвинной гибели киевских князей Бориса и Глеба, канонизированных святых русской православной церкви. Но это — уже область, не относящаяся непосредственно к вопросам этно-социальной истории. Таким образом, получается, что варварское архаическое «право братьев», как норма наследования сана верховного военного вождя («короля»), в раннесредневековом обществе западных владений бывшей Римской Империи просуществовало почти четыре столетия после ее гибели. Это вряд ли могло произойти, если бы в романизованном обществе Галлии распространение христианской религии совершенно изгнало из народной памяти архаические, идеологические и правовые представления — если не о жизни обычных людей, то о том, что касалось великих воителей прошлого. Несомненно, что многое сохранялось в устных эпических сказаниях, в легендах и фольклоре. Оно способствовало приятию подданными Римской Империи тех реорганизаций жизни и социально-правовых отношений, которые складывались как следствие завоевания варварскими воинствами римских территорий. Риму не удалось ввести рабовладельческий способ производства в южной половине Западной Европы (исключением из этого были поместья римлян на землях Прованса, Нарбоннской Галлии и Тулузы). Главными препятствиями тому были экологические особенности, невысокий уровень социального развития местного населения и постепенно снижающийся экономический престиж самого римского рабовладения. Большое влияние на развитие феодального способа производства

и феодальной структуры общественных отношений оказала и христианская церковь. Хозяйства ее храмов, аббатств и монастырей с самого начала являли собой образцы феодальных хозяйств и форм отношений. Рабское подчинение она переводила в «высшую сферу» — «все суть рабы божьи», а реальная иерархия соподчинений давала принцип «ступенчатой лестницы» управления как общецерковным «хозяйством», так и хозяйством конкретных единиц разных рангов. Практически эта структура во многом совпадала с тем, что получалось по мере оседания на завоеванной территории больших варварских воинств, имевших уже достаточно развитую схему соподчинения военной власти и структуры воинов. Основное различие лежало в идеологической сфере, поскольку варвары-воины признавали высшую власть за человеком — военным вождем, сакрализованным архаической традицией, а церковь добивалась признания приоритета духовной власти Папы Римского, дарованной ему еще более высокой инстанцией — богом, считая короля также ставленником бога, но для управления делами мирскими. В этой борьбе идеологий, имевшей вполне материальное основание, и закончилось древнее «право братьев» в наследовании политической власти в средневековом обществе Европы.

Чтобы подвести некоторый итог, следует вернуться к началу изложения. Там есть утверждение, что исключительная военная слава Юлия Цезаря объединила локальные этносы галлов, а также и часть германских, в один общий этнос. Это утверждение, естественно, может вызвать недоверие. Но речь идет не об этническом всеобщем слиянии (этнонимическом, типохозяйственном, формо-идеологическом), а только о признании Цезаря — Величайшим, одаренным исключительной сакральной властью, военным вождем юношей-воинов на обширной многоэтнической территории, где возрастной статус юноши-воина был существенным элементом социальной действительности каждого конкретного (локального) этноса, где Величайший военный вождь был нужен всем, и не только для надлежащего воспитания юношества, но и для традиционной уверенности в хозяйственной благодати его сакральности для старших, невоюющих категорий. С другой стороны, известные римские военачальники таких же рангов, как Цезарь (и он в их числе), впервые подчинили рабовладельческому Риму (т. е. Римской Империи) торгово-ремесленных городов и поставили под надежный военный контроль обширнейшую периферийную территорию с различным уровнем экономического и социального развития. Это все превосходно описано в исторических трудах, но можно посмотреть и с «другой стороны», со стороны доклассовых варваров некоторых из завоеванных территорий. Например, первый триумвират: Юлий Цезарь, Марк Красс и Кней Помпей, Марк Красс — победитель Великого Спартака, последнего вождя рассеянных по всей Италии рабов варварского происхождения и подавленных Римом италийских этносов (их последней надежды на возвращение этнической самостоятельности).

С позиции архаических представлений Марк Красс — это не только римский военачальник, но и вождь всех италиков. Кней Помпей таковым же рассматривался варварскими этносами Иберии и Римской Африки. Юлий Цезарь, величайший воитель — несомненный Великий вождь этносов Галлии и Провинции. С варварской точки зрения, это тоже «триумвират»: Юлий Цезарь — это «Цезарь», Кней Помпей — это муж дочери «Цезаря», а между ними — Марк Красс — заместитель умершего «брата» «Цезаря», Кая Октавия-старшего, мужа Юлии, племянницы «Цезаря». Когда Марк Красс гибнет в неудачном сражении в Сирии, а Помпей получает все его «владения», с позиции архаических представлений, сражение двух Великих вождей становится неизбежным, и варвары-воины («союзники» и легионеры) принимают самое активное участие в римской Гражданской войне. После смерти Цезаря возникает второй триумвират. В архаических представлениях — это младшая триада вождей-наследников: «сын» «Цезаря» — Марк Антоний, женатый на дочери Октавия-старшего; Кай Октавий-младший (будущий Август) и Эмилий Лепид, консул в Галлии от сената (в позиции «сына» Помпея, разбитого и уничтоженного). Хотя триумвиры становятся врагами в сложной римской политической обстановке, варвары-воины участвуют и во второй Гражданской войне Рима, и их, вероятно, не удивляет, что побеждает Август — его сакральность большая.

За «Цезарем» Октавианом Августом последовал достаточно длинный ряд «цезарей», но этническая самостоятельность галлов и прирейнских германцев все более и более подавлялась вследствие распространения по их территории римских гарнизонов, колоний ветеранов, римских чиновников, римских законов и порядков, вилл и поместий римлян и римских граждан местного происхождения, а позже — и владений римской католической церкви. Потери в этнической самостоятельности, в некоторой мере, возмещались ускорением развития сельскохозяйственного и ремесленного производства, появлением хороших дорог и многих небольших торгово-ремесленных городов, храмовой, городской и фортификационной каменной архитектуры. Но, одновременно с этим, увеличивались налоги римского фиска, росла кабальная зависимость от ростовщиков и обезземеливание местных земледельцев, постепенно оказывавшихся в положении колонов и рабов.

В V веке появились новые «цезари» — варварские «короли», они и их варварские воинства принесли этносу Галлии независимость от власти и законов Рима, но сам этнос был не тот, каким он был во времена Юлия Цезаря, он был уже глубоко расслоен в имущественном отношении. В VIII веке появился еще один великий воитель — Шарлемань, и снова, как при Юлии Цезаре, локальные этносы оказались под единой властью. Но и локализация этнической жизни стала не та. Центрами локальных этнических «близостей» теперь были города с их рынками, ремеслом

и храмами. Затем появились синьории герцогов и графов, земельные угодья епископов и аббатов, храмов и монастырей — замкнутые обширные и менее обширные хозяйства, реальные самодержавные государства с феодальными отношениями в производстве, формально признававшие «верховную власть» первого сеньора — короля. Но замкнутые сеньории все же не могли обойтись без ремесленной продукции городов, а города не могли жить и развиваться без торговли. В этой сложной и противоречивой ситуации, полной войн и экономической конкуренции, постепенно складывался единый средневековый феодальный этнос французов, намного опережая государственное единство Франции.

Это довольно широкое рассмотрение этнических взаимоотношений в архаической и раннесредневековой Западной Европе не было самоцелью. Как и другие подобные обзоры, сделанные мною на неафриканских материалах разных времен, оно являет собой «вспомогательное средство» для более полного понимания этно-социальной истории восточного берега Экваториальной Африки, с одной стороны, а с другой — дает два-три конкретных варианта развития стадийного социального явления — «права трех братьев», в процессе перехода общества от доклассового общезнаменного права к раннеклассовому праву кровных линейно-генеалогических родов. Формальное совпадение схем соотношений родственников военных вождей-«правителей» суахильской трехступенчатой династии ан-Набхани (XIII–XVIII вв.) и генс триплекс «цезарей» галлов (середина I в. до н. э. — середина I в. н. э., в числе которых было 5 императоров, признанных римским сенатом), наряду с ориентацией схемы в первом случае на мужчин — кровных родственников, а во втором — на женщин — кровных родственниц, открыло достаточную возможность полностью реконструировать идеальную схему «права трех братьев и их жен-сестер». Иными словами, многое стало на свои места. Прежде всего, не осталось никаких сомнений относительно того, что трехступенчатая кровнородственная индивидуализированная система правовых отношений «отслоилась» от архаической пятиступенчатой системы возрастных групп доклассового общества. Она отслоилась как структура особого права «первенцев». При этом, как и в возрастной системе, безразличной к индивидуальному физиологическому происхождению, основным отношением оставалось соотношение: «младший брат»-«старший брат», «младшая сестра»-«старшая сестра», а не «дети»-«родители», хотя это соотношение уже также учитывалось и становилось все более значимым. Поскольку трехступенчатая система индивидуальна и кровнородственна, то ее «идеальную» схему можно, для более легкого восприятия, записать и в русской терминологии, начиная от «эго-группы», т. е. от сестры брата — первенцев их матери и отца, бракозапретной пары, «наполняющей» нижний возрастной статус системы. II, смежный старший статус — старшая «сестра» и старший «брат» — дети одностатусной (родной) сестры отца; III статус —

мать «эго-группы» и ее брат; IV статус — сестра отца и отец; V статус — мать матери и отец старших «сестры» и «брата»; VI статус (на котором заканчиваются два колена трехступенчатой семьи, бывший I статус старшего колена пятиступенчатой, архаической) — мать отца и брат матери отца; VII статус — мать матери матери и отец отца; VIII статус — мать матери отца и ее брат; IX статус (завершающий третье колено) — мать матери матери матери «группы-эго» и ее брат.

Эти же статусы, например, в суахилийской терминологии: I статус — Ж и М *ндугу* (бракозапретные); II статус — *ндугу кубва* (Ж и М I статуса «эго-группа», по отношению ко II статусу — *ндугу ндого*, между Ж I и М II статуса обязателен брак); III статус — *мама (нья) и мджомба*; IV статус — *баба (се или ше) и сенгази*; V статус — *мама мкубва и баба мкубва*; VI статус — Ж и М *ваджукуу*; VII статус — Ж и М *витикуу*; VIII статус — Ж и М *вирембве*; IX статус — Ж и М *виньинги-ньинги*. Любые два смежных статуса взаимно, соответственно, младшие (*ндого*) и старшие (*кубва* или *куу*) *ндугу*, и Ж младшего статуса — в обязательном браке с М старшего (т. е. жена М — дочь *мджомба*, брата матери, а муж Ж — сын *сенгази*, сестры отца). Шесть первых статусов — два трехступенчатых колена, содержат социально-активных родственников; три статуса третьего колена — внесоциальные предки. Первоначальное число лет пребывания в каждом социальном статусе — такое же, как и в общезнаменитой архаической возрастной пятиступенчатой системе, т. е. 8 лет, что в дальнейшем меняется (чаще увеличивается) у различных коллективов под влиянием каких-то обстоятельств. Принципиально до самого своего разрушения трехступенчатая кровнородственная социально-правовая система остается «братско-сестринской»: каждые три женские персоны колена смежно соотносятся как младшая и старшая «сестры» (как и три мужские персоны — смежные младшие и старшие «братья»). То, что первая и третья женщины колена соотносятся как дочь и мать, связано с социальным возрастом женщины, обязывающем на вступление в брак по окончании II статуса, т. е. в 16 лет. Мужчины получали полноправие (и право на брак) по окончании III статуса, т. е. в 24 года (время II статуса уходило на активную подготовку к жизни взрослого мужчины — охота, выпас скота, земледельческие работы, война), поэтому соотношение «сын-отец» (речь все время идет о первенцах того и другого пола) объективно приходилось через две персоны (через 2 статуса).

Несмотря на кажущуюся неустойчивость трехступенчатой системы, вследствие ее персональной организации (одна сестра и один брат в «одно-возрастной» группе), она, особенно на ранней стадии, обладала достаточной жизнеспособностью. Недостаток (не-рождение первенца) брата или сестры мог быть восполнен извне, так как полная социальная активность персон начиналась со вступления во второе колено системы и закреплялась брачным ритуалом. Таким образом, брак «сестры» или «брата» с лицом, не относящимся к членам данной трехступенчатой кровной организации, вводил в ее

состав «внешнего» человека. Теоретически можно предположить реальное действие систем либо как «чисто женской», когда кровными родственницам были только «сестры-первенцы», а все их мужья были внешними (каковыми становились и их сыновья первенцы); либо «чисто мужской», когда кровными родственниками были только «братья», а их жены — внешними (дочери-первенцы также в систему не входили). Однако, если предположить реальное существование подобных вариантов трехступенчатых систем, то первенство, видимо, придется на «женский» вариант, хотя подавляющее большинство сведений дают мнемоники и их фрагменты, заполненные мужскими именами, как и исторические генеалогии. Древность «женского» варианта можно предположить на том основании, что от священной женщины требовалась только способность рожать (где первая из ее дочерей, после первой дочери старшей сестры матери, и «наследует» ее священный сан), в то же время от священной персоны мужского пола, ее мужа, требовались качества, которые встречались не так часто, как способность рожать. Первоначально мужа священной женщины могли избирать из мужчин старшего смежного статуса, из числа наиболее отличившихся во время статуса практического освоения мужских занятий (следов необходимых «подвигов», чтобы стать «царем» и мужем «царицы» — достаточно много). Позже могли обратить внимание на то, что необходимые обществу качества довольно часто наследуются сыновьями, и выбор мог происходить из сыновей предшествующих «царей». Далее формализация обычая, вероятно, утвердила норму мужчин-первенцев, т. е. система замкнулась в кровном родстве и женщин, и мужчин. Ее дальнейшее изменение проходило в стадийное время перехода общества к классово-имущественной структуре, когда стала особенно высока роль мужчин-воинов в общественных отношениях. С такого времени социально-идеологическая значимость священных женщин начинала постепенно падать, за ними закреплялось только право браком сакрализовать (вводить в сан священной персоны) военного вождя молодежи (первоначально, естественно, на срок одного возрастного статуса, т. е. до совершеннолетия и брака младшей священной «сестры»).

Стадийное время «переходного периода» было временем начала допущения активного вмешательства людей в «неизменную» архаическую традицию социальной жизни. Участвовавшие военные столкновения юношей вели то к победам, то к поражениям. Их вожди (из их же среды) после нескольких поражений подвергались ритуалу умерщвления (об этом обычае, как реальности или памяти о прошлом, имеется достаточно свидетельств и в этнографических записях, и в фольклорно-эпическом материале), а на их место избирались другие. Победоносные вожди могли быть оставлены на этом посту еще и на следующий статусный срок. Однако следующий возрастной статус был статусом женатого мужчины. Так, видимо, и возникал священный военный вождь молодежи вследствие брака священной женщины и победоносного вождя. Если при этом годы оказы-

вались хорошими в хозяйственном отношении, сакральность священного вождя еще больше возрастала, поскольку благоприятные результаты в хозяйстве приписывались также ему. Есть свидетельства и того, что в случае длительных неурожаев или падежа скота священного вождя убивали. В таком случае его место занимал, вероятно, новый муж «вдовы», что можно предположить на основании многочисленных свидетельств о женитьбе вождя-победителя на жене убитого побежденного вождя или на его дочери (т. е. на дочери его «вдовы», священной женщины). Персона сакрализованного военного вождя находилась на особом положении: с одной стороны, несмотря на брак, он принадлежал к статусу неженатых юношей-воинов и был вынужден ходить с ними в походы, а, с другой стороны, как состоящий в браке, он относился к возрастному статусу мужчин, занимающихся хозяйственными делами. Случаи продолжительного пребывания особо выдающегося воителя на посту сакрализованного вождя (что ритуально закреплялось повторными браками с «сестрой» его священной жены, далее — с ее дочерью, т. е. со своей дочерью, о чем есть свидетельства) постепенно создавали изменения традиции временного (статусного) пребывания священного военного вождя на посту в сторону пожизненного права. Закрепление такого обычая объективно лишало (в случае его долголетия) его «братьев»-наследников их очереди занимать этот пост. Кроме того, оно открывало возможность принимать участие в военных походах и набегах и женатым мужчинам равного с вождем возрастного статуса (или на статус моложе). Интересы женатых воинов не были связаны, как у юношей, с необходимостью пройти экзамен полноправия, их привлекала возможность получить добычу.

Это обстоятельство, наряду с тем, что к вождю с большой сакральностью, к победоносному воителю собирались воины из многих локальных этносов, превращало военный поход из элемента обряда инициации в грабительский набег, а в определенных случаях приводило к территориальному смещению большого числа молодых людей, которые оседали для жизни полнозрелого мужчины не в тех локальных этносах, откуда происходили. Одновременно с развитием права сакрального военного вождя в сторону пожизненного права (что само по себе не уничтожало нормы трех братьев) все более и более падала социально-идеологическая роль его священной жены, она слабела вследствие «дробления идеи», разделения «количества права» одной — между двумя или тремя женщинами, тогда как сам вождь удваивал или утраивал свой социальный авторитет в результате главенства в походах не только над юношами, но и над женатыми полноправными воинами. Иначе говоря, военный вождь юношей в какой-то мере становился и «вождем» локальных этносов той территории, по которой желали странствовать его воины.

Существенно отметить и принципиальную разницу между локальными этносами, т. е. стабильными или подвижными группам поселений полновоз-

растных лиц, занятых традиционным для данной местности хозяйством, и подвижным «племенем» молодых воинов смешанного этнического происхождения, периодически (через каждые 8 лет) сокращающимся (за счет прошедших инициацию) и столь же периодически пополняющимся новыми юношами. Локализация воинов была неопределенной и более широкой, по сути дела, она не имела границ, тогда как хозяйства полновзрослых (даже подвижные) не выходили за пределы традиционных пространств локальных этносов, разграниченных естественными преградами, типом хозяйства или языковыми расхождениями. Сакральная «власть» военного вождя не проявлялась в его личных волеизъявлениях: она была фактором, обеспечивающим победы и благоденствие, и этим отличалась от авторитета старших по отношению к младшим в жизни локальных этносов — волеизъявления старших, хотя они и опирались на знание традиций, все же были приказами, требующими соответствующего исполнения.

Особое положение в жизни локальных этносов занимали лица, получившие в специальной литературе названия «предсказателей», «прорицателей», «жрецов» или «колдунов». Это были женщины или мужчины старших возрастов, очевидно, прекрасно знавшие все местные традиции и хорошо помнившие, какие результаты давали в прошлом те или иные решения затруднительных случаев. К ним обращались за «предсказаниями» в серьезных делах не только полновзрослые, но и воины, и их вожди. Так же как и победоносные вожди, некоторые из «прорицателей», наиболее удачливые, пользовались очень широкой известностью. По-видимому, это были единственные индивиды в доклассовом архаическом обществе и в обществе переходного периода, которые обладали внешне скрытой, но внутренне большой властью. Особенно большое значение их скрытое волеизъявление приобрело в переходный период, когда появились первые «политические» интриги в среде женатых воинов, вследствие их стремления к набегам с целью грабежей. «Подем» для интриг послужило утверждение пожизненного права сакрального военного вождя и периодические случаи лишения его младших братьев возможности занять этот пост. Младших братьев нередко подстрекали к убийству «царствующего» брата, опираясь на «предсказания» и «знамения», или таким образом оправдывали уже свершившееся. Некоторые сведения позволяют предположить, что «прорицательницами» в подобных обстоятельствах оказывались либо старшие жены «повелителя», либо сестры наследников. По-видимому, это была последняя социально значимая роль священных женщин, постепенно (по мере развития классово-имущественного деления общества) оттесняемых от социально-идеологического руководства общественной жизнью.

На всем этом фоне отчетливее становится социально-историческое положение суахилийских городов восточного берега Африки. Их позиция напоминает ту, в которой находились торговые города берегов Средиземного моря в «периоды царей», т. е. во второй фазе развития торгового

пункта, когда военный вождь молодежи ближней периферии уже водворился в торговом городе и, вместе с «отцами города», поддерживает в нем социальный порядок — «правит» (третьей фазой развития можно считать положение «после царей»). Однако фаза развития трехступенчатого права наследования поста *мфальме*, скорее, соответствует таковому в обстоятельствах раннего периода в Каролингском государстве франков, когда женская правовая линия в трехступенчатой системе наследования власти была почти полностью вытеснена мужской линией и «вспоминается» только периодически. Конец аналогичной фазы «права братьев» характерен для архаической Греции. Он обнаруживается в древнегреческом эпосе (Илиада, Одиссея) и в древнеиндийском эпосе (Рамаяна, Махабхарата), с его характерной «деталью» — утратой линии третьего брата и кровавой борьбой оставшихся двух братьев «за власть». Эта «деталь» слабо представлена в эпическом материале Северной Европы. В римской традиции она соотнесена с легендой о происхождении Рима, но выражена очень слабо (Ромул и Рем). В античных сочинениях, касающихся жизни известных варваров, она совершенно затенена той особенностью изложения, по которой жизнь и обычаи варваров описываются в категориях, характерных для жизни античного городского этноса.

Существует и достаточное количество архаических и этнографических сведений, в которых нет никакого следа не только «борьбы двух братьев», но и «права братьев» вообще. Причин тому несколько, но наиболее заметные из них следующие: а) невнимание полевого этнографа к социально-организующим явлениям, скрытым за «понятностью» повседневных бытовых отношений в наблюдаемой жизни, и вследствие его убежденности в «естественности» правовых отношений «отец — сын» (это же «невнимание» было характерным для античного наблюдателя жизни варваров); б) быстрый распад возрастных соотношений под сильным и резким воздействием начала колониализма, и естественное формирование в почти совершенно истребленных и разрушенных этносах элементарной социально-биологической ячейки — семьи, во многом аналогичной той, которая характерна и для позднеклассового общества; в) «гипнотизирующее» воздействие некоторых теоретических положений в этнографической науке.

Есть еще одна «деталь» в архаических материалах — легенды о происхождении «первопоселенцев» (в классовых и переходных обществах — высший слой) из иных культурных ареалов. Эта «деталь» добавляется в традиционные социально-правовые мнемонические легенды относительно поздно, но ее «перво-терминология» переворачивает смысл мнемоник «изнутри», меняя местами тексты легенд. Дальнейшая «литературная» обработка развертывает и само изложение. Приятие исследователями такого текста в качестве историографического первоисточника породило в свое время взгляд на происхождение государств вследствие завоевания одного народа (племени) другим, более сильным.